Г. А. Мартинович

Статьи по лингвистике

Санкт-Петербург

2018

УДК 81
ББК 81
М29

Макет и обложка авторские

М29

Мартинович, Г. А.
Статьи по лингвистике / Г. А. Мартинович. — СПб. : "Буквально", 2018. — 196 с.

ISBN 978-5-907087-63-7

В книге собраны статьи по лингвистике, написанные автором в разные годы. В первом разделе освещаются актуальные проблемы общего языкознания: взаимоотношение языка и мышления, онтология и эволюция языка, методология и гносеология лингвистики, концептум, концептус и бытовое понятие, аспекты языковых явлений, некоторые вопросы отечественной психолингвистики. Во втором рассматриваются типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле. Третий раздел посвящен изучению становления лексической нормы.

Издание рассчитано на филологов, переводчиков, преподавателей русского языка, студентов гуманитарных вузов и всех интересующихся вопросами общего и русского языкознания.

ISBN 978-5-907087-63-7

© Г. А. Мартинович, 2018
© Буквально, 2018

Вместо предисловия

Книга статей петербургского филолога, доктора филологических наук Г. А. Мартиновича включает в себя несколько публикаций разных лет (написанных преимущественно в XX в.), посвященных существенным и, пожалуй, вечным проблемам как общего языкознания, так и отечественной русистики — от вопросов онтологии и метода лингвистики как науки до рассуждений о нормообразовании в русском литературном языке.

Выпускник Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, ученик выдающихся филологов XX в., во многом продолжатель идей основателей Петербургской лингвистической школы, Мартинович объединяет в своей книге статьи, демонстрирующие — в том числе — эволюцию его собственных взглядов на язык, причем важно, что это не изменение себе, не отрицание однажды сформулированных научных принципов во взглядах на язык, а подлинное их р а з в и т и е. Интересно и то, что во многом «новом» Мартинович часто — и не без основания — видит забытые или незаслуженно умалчиваемые старые идеи великих филологов XIX столетия.

Понимание того, что язык человека невозможен без самого человека, что чувственное и рациональное диалектически и (порой) причудливо представлено в речевой деятельности человека, остается в собранных здесь статьях, обнимающих почти 40 лет научной работы Г. А. Мартиновича, неизменным.

Первые статьи книги «Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления…», «К проблеме эволюции языка», несмотря на насыщенность идеями, продиктованными материалистическим взглядом на сущее, несмотря на щедро и преимущественно цитируемые общефилософские труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, все же верны, пожалуй, главной установке автора: «Активность элементов языка в идеальной форме и консервативность элементов языка в материальной форме, также отражаемая языковым сознанием, подвижность и инертность, способность и норма представляют собою единство противоположностей и создают то внутреннее собственно языковое противоречие между *перцептивным* и *фиксированным* уровнями отражательной системы людей, разрешение которого определяет основные пути изменения языка» («К проблеме онтологии языка»).

Следующие статьи и по тематике, и по решению поставленных задач («К проблеме методологии лингвистики», «К проблеме гносеологии лингвистики») развивают важнейшее для Мартиновича положение — формальный метод исследования языка в отрыве от метода, направленного на учет «чутья носителя языка», невозможен, как невозможно и обратное. Союз структуралистских (формальных) и семантико-ориентированных методов могут позволить исследователю приблизиться к познанию языка, сам же язык — во всем многообразии своих проявлений и преобразований по воле человеческого чутья оказывается феноменом научно (!) *познаваемо-непознаваемым*, «причем, что очень важно, не относительно непознаваемым, как все другие явления, а абсолютно и принципиально непознаваемым за некоторой определенной чертой, в некоторых своих „заповедных“ областях и прежде всего в области своего идеального содержания» («К проблеме гносеологии лингвистики»).

Статья «Концептум, концептус и бытовое понятие» — научная рефлексия автора на известные работы по лингвокогнитивистике профессора СПбГУ В. В. Колесова, в которых Г. А. Мартиновичу оказываются чрезвычайно близки идеи о непознаваемости и неисчисляемости концептума как «первосмысла» слова, однако

ряд положений Колесова автор аргументировано оспаривает, что добавляет книге оживляющей всякий научный разговор полемической остроты.

Статьи «Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле» и «„Метро“ как единица русской ментальности 80–90-х годов XX века» продолжают серию работ Мартиновича, посвященных проблемам лингвоассоциативного и — шире — психолингвистического изучения современного русского языка, начатую им еще в 70-х годах XX в.

Последняя рубрика статей, посвященных проблемам нормообразования в лексике русского литературного языка, содержит две работы автора — «К проблеме становления лексической нормы» и «От Шишкова к Ширяеву». Они полны интересных наблюдений за «речевым поведением» разновременных и разноязыких заимствований, оставивших своеобразный след в лексической системе русского языка. Причем наблюдения эти даны — в том числе — глазами известнейших людей своего времени (А. С. Пушкин, А. Г. Горнфельд, А. С. Шишков, В. И. Ленин и др.), по-своему решавшим и решающим сложные вопросы «казнить / помиловать» иноязычное слово как нужное / ненужное / противное духу языка / наполняющее его новым смыслом / etc., etc.

Представленная читателю книга статей о лингвистике есть замечательная — очередная, но, надеюсь, не последняя — попытка ее автора Г. А. Мартиновича приблизиться к тайне Языка, «совершенно реального в… своей наивности» («К проблеме методологии лингвистики»).

Доктор филологических наук,
профессор *Т. С. Садова*

Вопросы общего языкознания

Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления (Вопросы взаимоотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова)

Проблема соотношения языка и мышления относится к междисциплинарным, или, лучше сказать, общенаучным проблемам. Вполне естественно поэтому, что, будучи тесно связанной с основным вопросом философии — вопросом отношения бытия и сознания, она является и одной из центральных общефилософских проблем. Как и в каждой общей проблеме, в ней могут быть выделены различные частные стороны, вопросы, аспекты, она может быть рассмотрена с различных мировоззренческих позиций с использованием методологий разных направлений, школ, традиций и т. п. В данном случае мы ограничиваемся изложением некоторых, как нам кажется, наиболее существенных вопросов соотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова в свете материалистического мировоззрения.

За основные, определяющие положения при рассмотрении этих категорий нами принимаются известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о сущности языка и сознания и их отношении к бытию, объективной действительности. Предварительно рассмотрев четыре предпосылки возникновения человеческого сознания, Маркс и Энгельс пишут в «Немецкой идеологии»: «На „духе“ с самого начала лежит проклятие —

быть „отягощенным“ материей, которая, выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и тем лишь самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 29]. И далее: «непосредственная действительность мысли есть язык». Эти высказывания хорошо известны. Однако интерпретация их отдельными исследователями бывает самой разной. Обращает на себя внимание тот факт, что данные выражения очень часто приводятся либо не полностью, либо в несколько искаженном виде. Вот один из типичных примеров: «Язык — это прежде всего „важнейшее средство человеческого общения“ (В. И. Ленин), „практическое... действительное сознание“ (Маркс — Энгельс), орудие мышления» [Методические..., 1972, с. 373]. Не говоря о том, что подобное механическое соединение «определений» языка методически неправомерно, так как в зависимости от признания той или иной функции языка (средство общения, орудие мышления и т. п.) в качестве основной по-разному могут быть решены некоторые весьма существенные вопросы, отметим, что в приведенной форме высказывание из «Немецкой идеологии» не только значительно обеднено, но и неверно. Весьма существенным представляется также замечание К. Т. Крушельницкой [Общее языкознание, 1970, с. 6] по поводу неточности принятого перевода выражения Die unmittelbare Wirklichkeit des Gedankens ist die Sprache как «язык есть непосредственная действительность мысли» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 443]. Уже простая логическая операция (*любая непосредственная действительность мысли есть язык*) указывает на логическую ошибку, допускаемую в этом традиционном переводе, тогда как более точное русское соответствие *непосредственная действительность мысли есть язык* (и соответственно: *любой язык есть непосредственная действительность мысли*) существенно меняет положение вещей. Всё дело, очевидно, в том, что рас-

сматриваемое выражение в оригинала не является собственно дефиницией языка, а отмечает лишь один из возможных (в данном случае основной, главный, но, конечно, не единственный) видов «непосредственного», «действительного», «практического» и т. п. проявления («для других и лишь тем самым для меня самого») человеческой мысли. Необходимо обратить особое внимание на то, что Маркс и Энгельс постоянно подчеркивают, с одной стороны, неразрывное диалектическое единство (но не тождество) человеческого звукового языка и собственно человеческих (т. е. абстрактных, отвлеченных, научных, рациональных, надситуативных и т. п.) форм и способов мышления, с другой — гносеологически «отягощают» сознание, мышление языком, а не наоборот, т. е. тем самым утверждают первичность и причинность мышления и вторичность, зависимость от него языка: «непосредственная действительность мысли есть язык», «язык есть практическое существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание» и т. п., словом, везде в первую очередь определяется, что есть ближайшая «непосредственная действительность» мысли, ее практическое, действительное, материализованное в виде движущихся слоев воздуха (звуков) проявление для других людей.

Однако ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин в свое время не проводили разграничения между языком и речью, как не проводили его И. М. Сеченов и И. П. Павлов. В их работах язык и речь по отношению к сознанию, мышлению рассматривались недифференцированно, главным образом с точки зрения определения и описания особенностей их сущности в отличие от сущности различных мыслительных явлений (и в единстве с ними). К тому же эта важная проблема («язык — речь») тогда еще вообще не была поставлена в качестве подлинно научной проблемы, и по отношению к ней имелись лишь отдельные высказывания некоторых исследователей (например, В. фон Гумбольдта). Как известно, первое научное обоснование и постановка этого вопроса связаны с публикацией Ш. Балли и А. Саше (Париж, 1916) своих студенческих

конспектов лекций женевского лингвиста Ф. де Соссюра (первая публикация на русском языке относится к 1933 г.), хотя, как это теперь выясняется, в них мысли и взгляды Соссюра представлены в несколько извращенном виде, низведены на уровень обычного «социологического» понимания [Леонтьев, 1969, с. 10–13]. Но это неразграничение языка и речи ни в коей мере не должно сказываться на оценке принципиального подхода ученых того времени к рассматриваемой проблеме, ибо, как отмечает В. В. Панфилов, «эта формула (имеется в виду выражение из «Немецкой идеологии» на «духе...» и т. д. — *Г. М.*) Маркса и Энгельса нуждается в известном уточнении в связи с необходимостью разграничения языка и речи. Лишь содержательная сторона речи выступает вместе с тем как содержание нашего сознания, и оно не сводится к простой сумме значений тех языковых единиц, которые используются в процессе речи... Учитывая факт несовпадения языка и речи, можно было бы перифразировать это положение Маркса и Энгельса следующим образом: „речь есть действительное сознание“» [Панфилов, 1971, с. 26] и аналогично — «действительность мысли есть речь».

XIX век ознаменован началом интенсивного развития естественных наук вообще и всестороннего изучения самого человека как социально-биологического существа в частности. Надлежащее место в этом процессе заняли исследования языка и речи, мышления и сознания, их природы, устройства, связей и отношений. При всем разнообразии существовавших в то время в данной области взглядов, школ, направлений, методов и т. п. у истоков всех последующих передовых, материалистических направлений отечественной науки стоят прежде всего имена двух виднейших русских психологов и физиологов — И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

I

Как известно, величайшей заслугой И. М. Сеченова, «отца русской физиологии», как назвал его И. П. Павлов, является научное («объективное») доказательство того, что «внешняя деятель-

ность человека, все акты его сознательной и бессознательной психической жизни... управляются физиологическими механизмами и по своему происхождению суть рефлексы, которые начинаются возбуждением органов чувств предметами внешнего мира, продолжаются психическим актом и кончаются мышечным движением» [Каганов, 1958, с. 11]. Занимаясь изучением физиологии психических процессов, физиологии мышления и и т. п., Сеченов, вполне естественно, большое внимание уделял и интересующим нас вопросам, сущность которых изложена им помимо «Рефлексов головного мозга» в таких работах, как «Кому и как разрабатывать психологию», «Предметная мысль и действительность», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения», «Элементы мысли» и некоторых других.

Одним из наиболее существенных моментов учения И. М. Сеченова, имеющего принципиальное значение для дальнейшего изучения природы человеческого (собственно homo sapiens) мышления, является понимание им мышления (в самом широком смысле слова) как явления постоянно изменяющегося, развивающегося, находящегося в плане как онто-, так и филогенеза в неумолимом движении от наипростейших, первичных, примитивных форм к формам все более и более высоким и совершенным. Эта мысль неоднократно подчеркивалась и акцентировалась Сеченовым во многих работах. Основываясь на существовании открытых им тормозящих центров головного мозга, Сеченов понимает мысль с физиологической точки зрения как результат искусства задерживать конечный член рефлекса: «Этот результат резюмируется умением *мыслить, думать, рассуждать*. Что такое в самом деле акт размышления? Это есть ряд связанных между собою представлений, понятий, существующих в данное время в сознании и не выражающийся никакими вытекающими из этих психических актов внешними действиями. Психический же акт... не может явиться в сознании без вившего чувственного возбуждения. Стало быть, и мысль подчиняется этому закону. А поэтому в мысли есть начало рефлекса, продолжение его, и только нет, по-видимому, конца — движения.

Мысль есть первые две трети психического рефлекса» [Сеченов, 1958, с. 118].

Тем самым Сеченов включает любую мысль в психический рефлекс, что имело и продолжает иметь исключительно важное значение для правильного решения основного вопроса философии. Процесс мышления, «его логическая сторона» трактуется Сеченовым «как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» [Там же, с. 279], среди которых выделяются «три главных категории отношений — сходство, сосуществование и последование — соответственно тому, что в мысли объекты являются только в трех главных формах сопоставления: как члены родственных групп, или классификационных систем, как члены пространственных сочетаний и как члены предметных рядов во временя» [Там же, с. 286], или, другими словами, «совместное существование, последование и сходство» [Там же, с. 265], «сходство, пространственная или топографическая связь и преемство» [Там же, 340] и т. п. При этом содержанием актов мышления объявляется сравнение [Там же, с. 195]. Таким образом, мысль — это «сопоставление двух (по меньшей мере) или более объектов друг с другом в отношении или направлении. Значит, в мысли вообще можно отличить следующие общие элементы: 1) раздельность объектов, 2) сопоставление их друг с другом и 3) направление этих сопоставлений» [Там же, с. 301].

«Между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминанием об этом впечатлении, со стороны процесса, в сущности, нет ни малейшей разницы. Это тот же самый психический рефлекс с одинаковым психическим содержанием, лишь с разницею в возбудителях. Я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял» [Там же, с. 110]. «Содержание же воспроизведенного чувствования определяется организацией его следа в складе памяти в минуту воспроизведения» [Там же, с. 323]. Следовательно, между фактом непосредственного, чувственно-наглядного сопоставления и соизмерения (т. е. тоже мыслью), который является

«чувственным первообразом сравнения, доступным даже животному, — актом сознания, чувствуемым непосредственно, без всяких рассуждений» [Там же, с. 324–325], и фактом сопоставления и соизмерения «воспоминаний» о различных действительных впечатлениях, воспоминаний, которые могут быть вызваны самыми разнообразными «возбудителями» («первыми и вторыми сигналами», т. е. предметами, вещами, словами и т. д.), нет никакой принципиальной разницы.

Именно с этого «чувственного первообраза сравнения, доступного даже животному», и начинается, можно сказать, «страна мышления», и даже более того: мышление начинается с узнавания в самых примитивных формах, свойственных «не только ребенку, но и животным, обладавшим способностью передвижения» [Там же, с. 341], так как «узнавание предметов, этот наипростейший из всех психических актов, носит на себе все существенные характеры (т. е. по содержанию и как ряд процессов) мышления... в нем содержится даже та сторона мышления, из-за которой последней придают характер разумности» [Там же, с. 342] и, может быть, слишком категорично: «в узнавании есть, наконец, даже элементы рассудочности, насколько процесс напоминает собой умозаключительные акты» [Там же, с. 343].

Однако «учение о мышлении было осуждено целые века развиваться на готовых образчиках мысли, воплощенной в слово. Оно изучалось, другими словами, с середины, а не со своего естественного начала, притом не по исходным или основным формам, а по образцам вторичным, производным» [Там же, с. 276–277], тогда как «изучение должно начинаться с истории возникновения детской мысли из чувствования или вообще предметной мысли из ощущения» (276) и тем самым должно позволить решить вопрос «о развитии зрелого мышления из исходных детских форм, или, что то же, решить вопрос о развитии всего мышления из чувствования» [Там же, с. 277].

И все же, несмотря на то, что «акты различения во внешних предметах их качеств или признаков свойственны, без всякого сомнения, как детям, так и животным, поэтому и последние обладают способностью узнавать предметы по отдельным призна-

кам» [Там же, с. 349], а «различие в предметах их свойств есть уже род мышления предметами и их свойствами» [Там же, с. 350] и что «на этой ступени развития расчлененное чувствование, как средство ориентации во времени и пространстве и как руководитель целесообразных действий, носит на себе все внешние характера мышления», все же оно «в сущности представляет не что иное, как фазу расчлененных чувственных рядов, координированных друг с другом и с двигательными реакциями в определенные группы. Это есть фаза чувственно-автоматического мышления, которую едва ли переступает какое-либо животное в диком состоянии, но которая у человека непосредственно переходит в конкретное предметное мышление» [Там же, с. 351].

Изучая дальнейшие ступени развития мышления, И. М. Сеченов в работе «Элементы масли» задался целью «рассмотреть простейшие формы мышления, возникающие на основе чувственных образов, показать преобразование чувственных впечатлений в мысль, оформленную в речь; дать материалистическое объяснение самосознания человека; рассмотреть чувственные корни абстрактного или, как его называл Сеченов, „внечувственного“ мышления» [Будилова, 1954, с. 44]. Считая структуру мысли постоянной на всех стадиях, ступенях ее существования («всякую мысль можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» [Сеченов, 1958, с. 279]) и независимой от содержания, утверждая «тесное родство мыслей разных порядков не только со стороны общего типа их строения, но и со стороны отношений, в которых объекты сопоставляются друг с другом» [Там же, с. 286], Сеченов исходным положением этой своей работы устанавливает «возможность изучения *всех* мыслимых человеком отношений в первоначальной школе предметного мышления, имеющего корни, несомненно, в чувствовании» [Там же, с. 280], о котором в несколько более ранней работе «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» говорилось, что «элементами бессловесной предметной мысли служат продукты воздействия внешнего мира на наши органы чувств, а факторами, из кооперации которых мысль возникает, — повторяющееся внешнее воздействие, упражненный

орган чувств и органы памяти. Что же касается процесса мысли, то в случае, когда она родится непосредственно из реального впечатления, акту мышления соответствует физиологический ряд раздельных реакций упражненного чувства на сложное внешнее воздействие. Когда же мысль является в виде воспоминания, то ее физиологическую основу составляет повторение прежнего нервного процесса, но уже исключительно в центральной нервной системе» [Там же, с. 272–273].

Уже самым ранним фазам, ступеням, стадиям развития мышления (фазам «чувственно-автоматического мышления») присущи такие важные свойства, как отвлечение и обобщение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т. п., которые находятся в постоянном качественном изменении, совершенствовании, развитии и проявляются в наиболее полной, законченной форме только в собственно человеческом, т. е. предельно отвлеченном, абстрактном, понятийном и т. п. мышлении, важнейшая роль в формировании которой отводится языку, слову. Другими словами, каждой ступени (фазе, стадии) развития мышления соответствуют различные степени символичности (а под ней Сеченовым понимались различные формы и виды отражения объективного мира) по близости их соответствия, сходства с действительностью.

Так, помимо простого узнавания, опознания предметов и явлений, т. е. 1-й стадии «чувственно-автоматического мышления», И. М. Сеченов последовательно выделяет еще три находящиеся в постоянной связи и взаимодействии стадии развития и существования мышления: 2) фаза предметного (чувственно-наглядного, непосредственного, ситуативного и т. п.) мышления, мышления «конкретами», т. е. реальными, непосредственными впечатлениями; 3) фаза мышления на уровне воспроизведенных образов и представлений; 4) фаза понятийного, абстрактного, символического и т. п. мышления. Каждая из отмеченных стадий отличается от всех других прежде всего с качественной стороны, но всем им присущи и общие (в первую очередь структурные), объединяющие их элементы, которые определяют всё мышление именно как мышление в отличие его от множества других как объективных, так и субъективных явлений.

Чем же характерна фаза предметного мышления? «От узнавания предметов по отдельным признакам, даваемого предшествующей фазой развития, ребенок непосредственно переходит к настоящему мышлению внешними предметами и их признаками или свойствами» [Там же, с. 351], «в первую пору своего развития ребенок мыслит только предметными индивидуальностями — данной елкой, данной собакой и т. д.» [Там же, с. 281], т. е. теми вещами и предметами, которые непосредственно присутствуют перед ним в данный момент. Но уже эта стадия мышления имеет довольно сложную структуру, так как «одновременные и последовательные комплексы движений во внешнем мире отражаются в чувствовании группами и рядами, сосуществованием и последованием» [Там же, с. 337] и «одновременному определенному комплексу извне всегда соответствует определенная чувственная группа, а последовательному комплексу — чувственный ряд» [Там же, с. 338]. Но развитие форм и способов мышления продолжается. Возникает возможность мыслить уже не только конкретным, единичным, непосредственно данным, но и, если можно так сказать, конкретным, единичным, но воспроизведенным, «вспомненным данным»: «насколько комплексы внешних влияний постоянны, всякий внешний предмет или явление (т. е. объективное чувствование) фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании не иначе, как членом пространственной группы, или членом преемственного ряда, или тем и другим вместе. Насколько комплексы внешних влияний изменчивы, всякий внешний предмет или явление фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании как сходственный член изменчивых групп и рядов» [Там же, с. 338]. Работа мозга по анализу и синтезу, отвлечению и обобщению и т. п. идет дальше, поэтому «хотя общие условия расчленения предметов на признаки те же, что условия расчленения обширных групп на отдельные предметы, а именно: изменчивость объективных и субъективных условий восприятия, но продукты расчленения отличаются в обоих случаях в следующем отношении: обширная группа, как сочетание крайне изменчивое, зарегистровывается преимущественно враздробь и только в исключительных случаях цельной группой,

тогда как предмет, как группа более узкая и постоянная, зарегистровывается и целиком и враздробь.

Воспроизводясь в последних двух формах рядом, она составляет настоящую предметную мысль, в которой объектами являются предмет и его свойство, положение или состояние.

В этой категории мыслей раздельности объектов соответствует раздельность физиологических реакций восприятия и их следов в нервной организации; сопоставлению их друг с другом — преемственность распространенного нервного процесса при актах воспроизведения, а связующим звеньям (направлению сопоставления) частичное сходство между последовательными реакциями восприятия и их следами в памяти» [Там же, с. 354–355]. Когда же предметами мысли являются не один предмет и его признак, а два или более отдельных предмета, то и в этом случае «мысль есть не более как акт воспроизведения расчлененной чувственной группы, состоящей по меньшей мере из трех раздельных реакций восприятия. Двум крайним соответствуют обыкновенно объекты мысли, а промежуточной — связующее их отношение...

На этой ступени развития, длящейся очень короткое время... мысль ребенка нисколько не отличается от реального впечатления, относясь к нему, как воспоминание относится к виденному и слышанному... Такая мысль в самом счастливом случае может воспроизводить действительность только рабски-фотографически, причем только чисто с внешней стороны» [Там же, с. 356].

Но все же именно так происходит окончательный переход к следующей из отмеченных выше стадий мышления, переход от мышления воспроизведенными образами отдельных, конкретных («вспомненных данных») и т. п. предметов к мышлению обобщенно-образному, когда человек уже мыслит «елкой как представителем особой породы деревьев, собакой вообще и пр. Здесь объект мысли уже удалился от своего первообраза, перестал быть умственным выражением индивидуума, превратившись в символ, или знак, для группы родственных предметов» [Там же, с. 281]. «На этой стадии у человека в памяти сливаются все сходные предметы в средние итоги… он мыслит дубом, бе-

резой, елью, хотя видел на своем веку эти предметы тысячу раз в разных формах. Эти средние продукты не будут уже точными воспроизведениями действительности… по смыслу они представляют единичные чувственные образы или знаки, заменяющие собой множество однородных предметов». Эти средние итоги И. М. Сеченов называет символами 1-й инстанции, «которыми должен думать уже ребенок, если он видел расчлененно десятки берез, собак и лошадей» [Там же, с. 361]. Отличие представлений от «чувственных конкретов», от «расчлененного чувственного облика какого-нибудь конкрета», по Сеченову, заканчивается в том, что «последний есть результат расчленения чувственного восприятия какого-нибудь одного предмета и по своему содержанию представляет сумму признаков, непосредственно доступную чувству. Представление же есть средний итог из отдельных расчлененных восприятий — отвлечение от известной суммы однородных предметов» [Там же, с. 364]. Именно представления и мышление ими являются, можно сказать, переходной, переломной, пограничной и т. п. ступенью к рациональному отвлеченному, абстрактному, символическому и т. п. мышлению.

К определению роли слов, языка в этих процессах И. М. Сеченов подошел благодаря материалистическому пониманию физиологических процессов человеческой психики и прежде всего памяти, способности воспроизведения «виденного, слышанного и вообще испытанного». Уже в ранних работах он последовательно утверждал принцип субъективных отражений объективного мира, выяснял процессы возникновения и существования образов («копий, слепков» — В. И. Ленин) явлений, предметов действительности. Наиболее существенными, на наш взгляд, моментами для понимания роли, значения слова в процессах рационального, «внечувственного» мышления являются высказывания Сеченова о том, что возникновение образов, отражений, как результатов «воспроизводящей действительность способности» человеческого мозга, может быть вызвано самыми разными причинами (прежде всего внешними, материальными, хотя, очевидно, и не только ими, так как идеальные ассоциации также возможны, и «внутренние чувства» — голод, страх, радость и т. п. — могут

быть «возбудителями» того или иного образа; правда, Сеченов об этом прямо не говорит). Выше уже упоминалось следующее высказывание: «я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял» [Там же, с. 116]. В дальнейшем эта мысль развивается приблизительно следующим образом. Непосредственное отражение внешних явлений в чувствовании группами и рядами представляет собой сложные отражения. Нервный процесс при этом оставляет след в нервно-психической организации, т. е. осуществляется фиксирование в памяти чувственной группы или ряда. По мере повторения этого процесса происходит усиление возбудимости в соответственных путях. Со временем возможно возбуждение при самых незначительных толчках извне, и наконец, прежние действительные внешние влияния могут вспоминаться, «отражаться в сознании (т. е. приходить в возбуждение) при условиях возбуждения, не имеющих ничего общего с первоначальными. Все подобные случаи носят название актов воспоминания или воспроизведения впечатлений (виденного, слышанного и вообще испытанного)» [Там же, с. 339]. Затем происходит расчленение впечатлений, и в памяти наиболее прочно фиксируется постоянное и сходственное, что «и составляет расчленение группы — выделение из нее постоянных частей и в то же время регистрацию по сходству» [340]. Вот эти-то свойства психики высших животных и человека и прежде всего возможность воспроизведения, воспоминания и т. п. известных субъекту явлений предметов, действий, событий и т. д. под влиянием разнообразных возбудителей, порой не имеющих совершенно ничего общего с самими реалиями, и являются естественными предпосылками, базой для возникновения определенных систем материальных коммуникативных средств — системы членораздельных звуков человеческой речи, систем «сигналов сигналов», слов, языка и вместе с ними научного, рационального, отвлеченного, символического и т. п., т. е собственно и исключительно человеческого мышления, основные и наиболее существенные принципы и процессы происхождения которых в свете роли труда в «обще-

ственной» жизни различных приматов убедительно показал в свое время Ф. Энгельс.

Так происходит процесс постепенного развития мышления до высшей формы его проявления. Окончательный переход чувственно-образных форм мышления в область мышления совершенно отвлеченного, рационального и т. п. является, конечно, одним из закономерных диалектических скачков в новое качество. Но как любые качественные скачки, скачки от более низких, ранних и т. п. форм существования мышления к формам более высоким, совершенным осуществляются только путем постепенного количественного накопления элементов предшествующих ступеней. И хотя это и подобные ему положения И. М. Сеченовым нигде не высказаны и скорее всего не могли были быть высказаны, но соответствующий подход (возможно, стихийный) к изучаемым явлениям ясно ощущается во многих его работах. И, вероятно, именно поэтому мы, в частности, читаем далее: «Как единичное отвлечение от множества, представление есть символ. Как совмещение свойств и отношений предмета к другим, включая и человека, представление есть умственная форма непосредственно более богатая содержанием, чем предшествующая ей ступень (расчлененный чувственный, образ) — синтетическая форма, в которой совмещается всё, что человек знает о предмете. В этом смысле полное представление обнимает собой всю естественную историю предмета, равно как сумму всех его значений в жизни человека. Полные представления составляют поэтому в головах людей редкость» [Там же, с. 364], а это «полное представление» есть уже по сути дела понятие, и даже не «бытовое», а «научное», если пользоваться современной терминологией. Однако необходимо заметить, что Сеченовым так и не была произведена четкая дифференциация, во-первых, представлений и понятий, во-вторых, представлений и чувственных образов («обликов»), да и в наше время эти разграничения вызывают определенные затруднения, что еще раз говорит о своеобразном, промежуточном, переходном положении представлений.

Способ происхождения «символов, называемых понятиями», рассматривается Сеченовым здесь же на примере усвоения ре-

бенком слов *дерево* и *трава*, с одной стороны, и *растение* — с другой, о чем несколько ранее говорилось, что «с дальнейшим расширим сферы сравнения по сходству объектами мысли являются — „растение“, „животное“ — группы несравненно более обширные, чем „ель“ и „собака“, но выражаемые по-прежнему единичным (хотя и другим) знаком. Понятно, что при таком движении мысли объекты ее должны принимать все более символический характер, удаляющий их от чувственных конкретов» [Там же, с. 281]. И хотя современный человек рождается, можно сказать, в «языковой обстановке» и его с детства сознательно начинают учить словам, но все же для их усвоения необходимо, чтобы в самом ребенке происходила символизация впечатлений. «Вот эта-то таинственная работа превращения чувственных продуктов в менее и менее чувственные с виду символы, рядом с прирожденной способностью к речи, и дает возможность человеку сливать продукты чужого опыта с показаниями собственного (это и значит усваивать представляемое), составляя в то же время самую характерную черту всего его последующего развития» [Там же, с. 358]. При этом с виду будто бы происходит резкий перелом, переход от чувственных конкретов, копий с действительности к отголоскам ее, тогда как на самом деле это отголоски «сначала очень близкие к реальному порядку вещей, но мало-помалу удаляющиеся от своих источников настолько, что с виду обрывается всякая связь между знаком, или символом, и его чувственным корнем…

Эти знаки, или символы, принято называть *абстрактами*, или *умственными отвлечениями* от реального порядка вещей; на этом основании всю соответствующую фазу развития называют *абстрактным* или *отвлеченным*, также *символическим мышлением*. Начинаясь с очень раннего детства, фаза эта длится без всяких переломов всю остальную жизнь человека» [Там же]. Эта же мысль повторяется далее в форме, позволяющей определить понятия прежде всего как отражения наиболее существенного и общего в предметах и явлениях: «От среднего дуба, такой же ели и березы детская мысль переходит к „дереву“ как единичному образу или знаку множества сходных (неоднородных) предметов.

„Дерево“ даже в сознании ребенка не есть словесный знак, а уже значительно расчлененный образ... Это — символы 2-й степени...

На этой степени отвлечения из чувственных первообразов (т. е. впечатлений от реального дерева) выброшены признаки наиболее непостоянные (величина, телесность, направление видения и окрашенность частей), а остаток — древообразная фигура, — сохраняющийся у большинства людей всю жизнь, сделался сокращенным символом или сокращенным знаком, для известного отдела внешних предметов...

...Всякий сокращенный смысл... является по содержанию более или менее дробной частью заменяемого им цельного предмета, а со стороны процесса дробной частью всей суммы реакций восприятия (точнее: следом этих дробных реакций)» [Там же, с. 361].

Понимание собственно соотношения языка и мышления, значения, роли слов, членораздельных звуков человеческой речи в процессах абстрактного, символического мышления и т. п. в работах И. М. Сеченова постоянно развивалось и уточнялось на протяжения всей его научной деятельности.

Так, уже в «Рефлексах головного мозга» имеются довольно интересные, но в общем пока еще эпизодические высказывания по этому поводу: «Человек, как известно, обладает способностью *думать образами, словами и другими ощущениями*, не имеющими ни какой прямой связи с тем, что в это время действует на его органы чувств. В его сознании рисуются, следовательно, образы и звуки без участия соответствующих внешних действительных образов и звуков. Но поскольку все эти образы и звуки он прежде видел и слышал в действительности, постольку и способность думать ими, без соответствующих внешних субстратов, называется *воспроизводящею ощущения способностью*» [Там же, с. 99]. Что же представляет собой «акт воспроизведения психических образований? Со стороны сущности процесса это столь же реальный акт возбуждения центральных нервных аппаратов, как любое резкое психическое образование, вызванное действительным внешним влиянием, действующим в данный момент на органы чувств... со стороны процесса в нервных аппаратах в сущности

все равно — видеть перед собой действительно человека или вспоминать о нем» [Там же, с. 109], т. е. тем самим «в сущности все равно», думать ли конкретными, непосредственно данными в настоящее время предметами или же думать воспоминаниями о них, которые, как уже отмечалось, могут быть вызваны самыми разными причинами: явлениями, предметами, словами. Таким образом, думать, как обычно говорится, при помощи слов, это значит думать в ситуации слов, т. е. думать ощущениями, впечатлениями, образами, представлениями и т. п. адекватными образам, отражениям от непосредственно данных явлений, думать образами, ощущениями и т. п., *воспроизведенными, вспомненными в соответствующей словесной обстановке, словесной ситуации*.

В статье «Кому и как разрабатывать психологию» по интересующему нас вопросу говорится: «Как внешнее воспроизведение представления или мысли речь представляет род звуковой фотографии, которою воспроизводится при посредстве определенных, но чисто условных знаков расчлененность представлений» [Там же, с. 201], и человек, «раздробляя мысль на отдельные слова… может относиться к последним как к роду особей (звуковой анализатор первой ступени), имеющих по отношению к слуху то же самое значение, как камень, дерево, солнце и пр. к глазу» [Там же, с. 203].

Однако «ум человеческий способен… обобщать клички предметов или их отношений без малейшего отношения к обобщениям самих предметов и их отношений» [Там же]. Именно с этих позиций ведется Сеченовым критика всех старых «метафизик», идеалистических, реакционных и т. п. философий, одним из существеннейших грехов которых наряду с прочими является то, что «предельные объекты метафизики, или сущности, суть продукты расчленения уже не реальных впечатлений, а словесных выражений их» [Там же, с. 201]. Но в отличие от таких «кличек» существуют и употребляются слова, которым «соответствуют действительные обобщения или понятия: здесь общее относится к частному всегда как часть к целому (например, слову „животное“, поскольку в основе его лежит отвлечение от целого, — „то

что дышит, что чувствует, что самодвижно — есть животное“ — соответствует реальный процесс отвлечения), тогда как видовая и родовая клички по своему содержанию совершенно тождественны... правда, и в этих случаях есть как будто нечто вроде отвлечения — я могу нарисовать контурами человека, птицу, рыбу, дерево, — но ведь всякий понимает, что когда я говорю: человек ходит, птица летает, рыба плавает, с объектами мыслей связываются никак не контуры предметов — отвлеченные формы от целого зрительного образа, — а реальности, обозначаемые условным собирательным именем...

Понятно, что из такого отношения ума человеческого к элементам могут вытекать крайне разнообразные компликации, если хоть на минуту упустить из виду ее оригинальность, условность» [Там же, с. 203–204].

В работе «Элементы мысли» И. М. Сеченов как бы подводит итог всем предыдущим исследованиям: «С детства человек выучивается думать на три лада: 1) более или менее отрывочными и сокращенными воспроизведениями действительно перечувствованного, без перевода чувственных элементов на язык условных знаков; 2) теми же сокращенными воспроизведениями, с переводом их на слова и, наконец, 3) одними словами. Чем ярче в данном впечатлении чувственные элементы, тем больше шансов для воспроизведения его в первой форме. Чем символичнее, наоборот, элементы чувствования данной минуты, тем больше для них шансов облекаться в наиболее привычные символические (сокращенные) формы. Для огромного большинства людей такой привычной формой является слово. Когда же мысль человека переходит из чувственной области во внечувственную, речь, как система *условных* знаков, развивавшаяся параллельно и приспособительно к мышлению, становится необходимостью. Без нее элементы внечувственного мышления, лишенные образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании; она придает объективность, род реальности (конечно фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления внечувственными объектами...

Можно думать поэтому, что изложенные до сих пор основы мысли как процесса претерпевают очень существенные перемены, как

только в нее вводятся такие условные знаки, как слова» [Там же, с. 372–373]. И здесь же, уже вплотную подходя к павловским «сигналам сигналов» и т. п., в связи с рассмотрением того момента в развитии ребенка, «когда начинаются в голове, помимо обучения, дробление и классификация цельных предметов и отвлеченных от них частей, признаков и отношений» и когда «является потребность новых обозначений; и в речи, развивавшейся века параллельно и приспособительно к мышлению, потребность находит готовое удовлетворение» [Там же, с. 375], говорится о том, что в конечном итоге «для человека становится собственно безразлично, мыслить ли прямыми символами или с переводом их на язык условных знаков.

…Введение словесных символов в мысль представляет пли прибавку новых чувственных знаков к уже существующему ряду их, или замену одних символов другими, равнозначными в физиологическом отношении. Ясно, что природа мысли от этого измениться не может.

Даже метафизическая (здесь — отвлеченная, научная, теоретическая. — *Г. М.*) мысль как процесс сохраняет значение рада чувственных знаков, параллельного передвижению возбуждения по определенным путям» [Там же, с. 376].

Столь подробное рассмотрение некоторых положений сеченовского учения понадобилось нам в связи с тем, что, по существу, в нем содержатся начала подлинно научного подхода к проблеме соотношения языка и мышления и прежде всего ее логически закономерного и объективно необходимого развития в трудах И. П. Павлова, который сам неоднократно указывал на решающее значение работ И. М. Сеченова для своих исследований. И в этом не приходится сомневаться, так как многое из того, что первоначально так гениально, но только предугадывалось Сеченовым, позднее было практически, экспериментально доказано Павловым; то, что в работах Сеченова содержалось как бы между строк, в подтексте или скрывалось за не всегда точными формулировками, в трудах Павлова нашло свое строгое и ясное выражение. Однако прежде чем остановиться на интерпретации интересующих нас вопросов Павловым, необходимо подвести хотя бы самые общие итоги сказанному выше.

Представляются совершенно неоправданными те положения, в которых возникновение мышления вообще, мышления как такового связывается только и исключительно с появлением слов, языка и членораздельной речи и т. п. [см.: Общее языкознание, 1970, с. 30–40; Салиев, 1974; Тихомиров, 1984; Системный анализ..., 1989]. Мышление (хотя бы как средство ориентации в окружающей среде, как способность узнавания и опознания, предметов и явлений, т. е. «чувственно-автоматическое» и т. п. мышление) присуще животному миру на довольно ранних ступенях его развития. В своем качественном совершенствовании мышление достигает высшей формы проявления в области так называемого абстрактного, отвлеченного и т. п., осуществляемого при помощи («в ситуации») слов мышления[1].

Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы» писал: «*Рассудок и разум*. Это гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно. Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также *абстрагирование* (родовые понятия у Дидро: четвероногие и двуногие), *анализ* незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, эксперимент (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы и у человека, и у животных

[1] Заметим также, что термины *абстрактное*, *отвлеченное* и т. п., обычно употребляемые для обозначения этой ступени развития мышления, не представляются нам вполне удачными, так как абстракция и обобщение свойственны даже наиболее примитивным формам мышления и даже самое отвлеченное, абстрактное и т. п. мышление имеет чувственное начало. Представляется, что более оправданным будет противопоставление рационального, логического, научного мышления, мышления рассуждения (размышления), т. е. разума, свойственного только человеку, с одной стороны, и чувственно-образного, наглядного, конкретно-ситуативного и т. п. мышления (думанья), т. е. рассудка, — с другой.

и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. Наоборот, диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки) и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии; и несмотря на это — колоссальные результаты уже у греков, задолго предвосхищающие исследование» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 20, с. 537–538]. И в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»: «То, что объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщать друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что в пределах свойственного им круга представлений они легко научились понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство принадлежности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды. Всякий, кому много приходилось иметь дело с такими животными, едва ли может отказаться от убеждения, что имеется немало случаев, когда они свою неспособность говорить ощущают *теперь* как недостаток. К сожалению, их голосовые органы настолько специализированы в определенном направлении, что этому их горю уже никак нельзя помочь. Там, однако, где имеется подходящий орган, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Органы рта у птиц отличаются, конечно, коренным образом от соответствующих органов человека. Тем не менее птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит

всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать, что он говорит. Научите попугая бранным словам, так, чтобы он получил представление о их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из дальних стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств» [Там же, с. 489].

Однако, несмотря на то что каждая новая форма мышления представляет более и более высокую, совершенную и т. п. ступень его развития, между самими этими ступенями не происходит полного разрыва, полного отделения, отграничения, изоляции их друг от друга, казалось бы, вопреки (а скорее всего именно в силу) скачкообразности процесса развития мышления, так как, во-первых, как уже говорилось, структура мысли всегда постоянна — это «сопоставление мыслимых объектов в каком-либо отношении» (И. М. Сеченов); «основные черта метода одинаковы и у человека и у животного» (Ф. Энгельс), а во-вторых, замечательной особенностью человеческой психики является то, что с возникновением новых, более совершенных форм, видов и способов мышления предшествующие им, более низкие формы не отпадают, не отмирают, не исчезают и не уничтожаются, а, улучшаясь и совершенствуясь (чувственно-наглядное мышление человека совершеннее, чем то же мышление животных) на своем уровне, продолжают существовать с ними, входят в них. Таким образом, происходит, по существу, снятие новыми формами мышления старых. Именно в силу этой сложности, комплексности человеческого мышления оно оказывается чрезвычайно разносторонним и многогранным явлением, в котором простейшие формы не только являются базой, предпосылкой возникновения более совершенных, сложных форм, но и существенно дополняют эти формы, функционируя с ними в тесном единстве.

II

Вопросы этой постоянной связи чувственного и рационального, различных форм и способов мышления и их отношения к языку, слову занимают видное место в учении И. П. Павлова о высшей и низшей нервной деятельности, об условных (приобретенных) и безусловных (врожденных) рефлексах, о временных и постоянных нервных связях в психике животного и человека и т. п., в развитии им взглядов И. М. Сеченова на возбуждение и торможение нервных процессов головного мозга, их иррадирование и концентрирование, в открытии первой и второй («лишней», дополнительной, специфически человеческой) сигнальных систем в нервно-психической организации человека и некоторых других.

Не затрагивая сущность психофизиологических процессов, изученных и описанных Павловым и имеющим хотя и важное, но все же специальное значение, приведем здесь несколько непосредственных выдержек из его работ, которые, как представляется, достаточно ясно раскрывают основные, наиболее общие и существенные стороны павловского учения в интересующей нас области.

Так, определенные указания на неразрывную связь, единство чувственного и рационального мышления содержатся, например, уже в разделении (конечно, очень условном) Павловым всех людей на художников и мыслителей, первые из которых «захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого разъединения. Другие — мыслители, именно дробят ее, и тем самым как бы умертвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки и не удается... целостное восприятие действительности мыслителю совершенно недоступно. Вот почему величайшая редкость в человеке соединение в одном лице великого художника и великого мыслителя. В подавляющем большинстве они представлены индивидуумами». Здесь же Павлов называет «отделы» мозга, ведающие мышлением у тех и у других:

«У одних, художников, деятельность больших полушарий, протекая во всей их массе, затрагивает всего меньше лобные их доли и сосредоточивается главнейшим образом в остальных отделах; у мыслителей, наоборот, — преимущественно в первых» [Павлов, 1973, с. 411]. Учитывая всю принципиальную важность проведенного разграничения[2], все же необходимо отметить, что оно отражает действительное положение вещей несколько схематично. Любой человек воспринимает (отражает) действительность в какой-то степени и как художник, и как мыслитель. Все определяется конкретными, индивидуальными «долями», «пропорциями» того и другого восприятия. По-видимому, их *оптимальное соотношение* (конечно, при условии достаточности всех других необходимых человеческих качеств, способностей и т. п.: сила воли, трудолюбие, талант и т. д.) и дает в конечном итоге гения.

Эта же связь чувственного и рационального прослеживается и в объяснениях Павловым основных причин психических заболеваний, гипноза, сна и т. п.: «Это вторя система сигнализации и ее орган, как самые последние приобретения в эволюционном процессе, должно быть особенно хрупким, поддающимся в первую голову развитому торможению, раз оно возникает в больших полушариях при самых первых ступенях гипнотического состояния. Тогда вместо обычно первенствующей в бодром состоянии работы второй сигнализационной системы выступает деятельность первой сперва и более устойчиво в виде мечтательности и фантастичности, а дальше и более остро в виде сумеречного или собственного легкого сонного состояния (отвечающего просоночному или состоянию засыпания), освобожденного от регулирующего влияния второй системы. Отсюда хаотический характер этой деятельности, не считающейся больше или мало считающейся с действительностью и подчиняющейся главным образом эмоциональному влиянию подкорки» [Там же, с. 411–412].

[2] Современной наукой проведены обширные экспериментальные исследования по выяснению специализации отдельных участков головного мозга, его асимметрии и т. п. См., например, работы Т. В. Ахутиной (Рябовой), Н. П. Бехтеревой, В. Л. Бианки, Б. Л. Деглина, В. В. Иванова, А. Р. Лурия, Т. В. Черниговской и др.

«Чрезвычайная фантастичность и сумеречные состояния истериков, а также сновидения всех людей есть оживление первых сигналов с их образностью, конкретностью, а также и эмоций, когда только что начинающимся гипнотическим состоянием выключается прежде всего орган сигналов, как реактивнейшая часть головного мозга, всегда преимущественно работающая в бодром состоянии и регулирующая и вместе с тем тормозящая до известной степени как первые сигналы, так и эмоциональную деятельность» [Там же, с. 425] (см. также широкоизвестные исследования в этой области З. Фрейда).

Развивая рефлекторную теорию И. М. Сеченова, Павлов производит деление всех рефлексов на два вида.

Безусловные (врожденные) рефлексы, находящиеся в «ведомстве» спинного и стволовой части головного мозга (простейшие), а также подкорки (сложнейшие), — низшая нервная деятельность: «У высших животных, до человека включительно, первая инстанция для соотношения организма с окружающей средой есть ближайшая к полушариям подкорка о ее сложнейшими безусловными рефлексами (наша терминология), инстинктами, влечениями, аффектами, эмоциями (обычная терминология). Вызываются эти рефлексы относительно немногими безусловными, т. е. с рождения действующими, внешними агентами. Отсюда ограниченная ориентация в окружающей среде и вместе с тем слабое приспособление» [Там же, с. 411].

Условные (приобретенные) рефлексы, относящиеся к деятельности коры больших полушарий и той же подкорки головного мозга, — высшая нервная деятельность: «Биологический смысл условных рефлексов тот, что немногочисленные внешние возбудители безусловных рефлексов при определенном условии (совпадении по времени) временно связываются с бесчисленным явлениями окружающей среды как сигналами этих возбудителей» [Там же, с. 396]. Условный рефлекс — это «временная нервная связь бесчисленных агентов окружающей животное среды, воспринимаемых рецепторами данного животного, с определенными деятельностями организма. Это явление психологи называют ассоциацией» [Там же, с. 416].

Физиологическое значение, смысл этих временных связей таковы: главные сложнейшие соотношения организма высшего животного с внешней средой для сохранения индивидуума и вида прежде всего обусловливаются деятельностью ближайшей к полушариям подкорки. Эти деятельности называют обыкновенно инстинктами, влечениями, эмоциями, но их следует обозначить, пишет Павлов, физиологическим термином «сложнейших безусловных рефлексов»: «Они существуют со дня рождения и непременно вызываются определенными, но в очень ограниченном числе, раздражениями, достаточными только в раннем детстве, при родительском уходе... Основная физиологическая функция больших полушарий, во все время дальнейшего индивидуального существования, и состоит в постоянном присоединении бесчисленных сигнальных условных раздражителей к ограниченному числу первоначальных, прирожденных раздражителей, иначе говоря, в постоянном дополнении безусловных рефлексов условными» [Там же]. «Основное условие для образования условного рефлекса есть совпадение во времени один или несколько раз индифферентных раздражителей с безусловными рефлексами. На том же принципе совпадения во времени для животного синтезируются в единицы группы всевозможных агентов, элементов природы, как одновременных, так и последовательных» [Там же, с. 416–417].

Однако если структура деятельности центральной нервной системы высших животных может быть рассмотрена как бинарная (безусловно-рефлекторная, низшая, и условно-рефлекторная, высшая, нервная деятельность), то в деятельности центральной нервной системы человека, а именно в сфере его высшей нервной деятельности, имеется еще и *специальная, специфически человеческая* «прибавка». В чем ее сущность?

Высшая нервная деятельность животных — это «деятельность больших полушарий с ближайшей подкоркой, деятельность, обеспечивающая нормальные сложные отношения целого организма к внешнему миру» [Там же, с. 417]. Эта деятельность противопоставляется деятельности «дальнейших отделов голов-

ного и спинного мозга, заведующих главнейшим образом соотношением и интеграцией частей организма между собой», т. е. «низшей нервной деятельности» [Там же]. Благодаря наличию высшей нервной деятельности «большими полушариями собаки постоянно производится в разнообразных степенях как *анализирование*, так и *синтезирование* падающих на них раздражителей, что можно и должно назвать элементарным конкретным мышлением. Это мышление таким образом обусловливает совершенное приспособление, более тонкое уравновешивание организмом окружающей среды» [Там же]. Но если основным органом высшей нервной деятельности животных являются «большие полушария, но без лобных долей», в которых (полушариях) «возникает при помощи условной связи, ассоциации, новый принцип деятельности: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленной массой других агентов, постоянно вместе с тем анализируемых и синтезируемых, дающих возможность очень большой ориентировки в той же среде и тем уже гораздо большего приспособления», что составляет «единственную сигнальную систему в животном организме и первую в человеке», то «в человеке прибавляется, можно думать, специально в его лобных долях, которых нет у животных в таком размере, другая система сигнализации, сигнализация первой системы — речью, ее базисом или базальным компонентом — кинэстезическими раздражениями речевых органов. Этим вводится новый принцип деятельности — принцип, обусловливающий безграничную ориентировку в окружающем мире и созидающий высшее приспособление человека — науку, как в виде общечеловеческого эмпиризма, так и в ее специализированной форме. Это вторая система сигнализации и ее орган...» [Там же, с. 411–412]. И несколько далее, углубляя и развивая свою мысль, Павлов пишет, что при физиологическом понимании истерии, ее симптомологии «пришлось сделать догадку относительно той прибавки, которую нужно принять, чтобы в общем виде представить себе и человеческую высшую нервную деятельность. Эта прибавка касается речевой функции, внесшей новый принцип в деятельность больших полушарий. Если наши ощущения и представления, от-

носящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинэстезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы. Они представляют собой отвлечения от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое высшее мышление*, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и себе самом» [Там же, с. 424–425].

Ф. Энгельс писал: «Наши обезьяноподобные предки... были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного человека. Короче говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них *появилась потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 20, с. 489]. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству» [Там же, с. 490; см. также: Кликс, 1983].

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно определяли человеческое сознание прежде всего как осознание человеком, человеческим мозгом окружающего мира и самого себя, своего *Я*, своего мышления, самого сознания и т. п.: «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 25]; сознание есть всего лишь «осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящийся вне начинающего осознавать себя индивидуума» [Там же, с. 29]; «сознание необходимости вступать в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе» [Там же, с. 30], и вообще — «позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя — человек» [Там же, т. 20, с. 357]. В. И. Ленин, вслед за Энгельсом, писавшем о «высшем продукте органической материи, человеческом духе» [Там же, с. 347], говорил о «психическом, сознании и т. д.» как о «высшем продукте материи (т. е. физического)», как о «функции того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека» [Ленин, 1969, т. 18, с. 239].

* * *

Итак, в процессе превращения обезьяны в человека (основное условие — жизненно важная необходимость совместной трудовой деятельности) предметное, ситуативное, конкретное, чувственное и т. п. в своей основе мышление человекообразных обезьян постепенно, очень сложно (диалектически сложно) развивается в собственно человеческое (homo sapiens) рациональное, логическое, научное, символическое, абстрактное, отвлеченное, надситуативное и т. п. мышление и, качественно совершенствуясь, продолжает существовать с ним в тесном единстве. Одним из решающих условий этого развития (после труда «и вместе с ним») является возникновение слов, членораздельной речи, которые дают возможность обходиться без необходимых для существования процессов предшествующих форм чувственно-наглядного мышления условий реальной, «наглядной» ситуации.

Первопричиной возникновения собственно человеческого мышления является общественный труд, совместная трудовая деятельность. Следовательно, это мышление оказывается произведенным при помощи орудий особого рода («психологических орудий» — Л. С. Выготский) — слов, звуков человеческой речи и т. п. — продуктом общественной трудовой деятельности. И как всякий продукт труда это абстрактное, теоретическое мышление, можно сказать, отчуждается в словах (речи) от своего «производителя», от дочеловеческого мышления, превращаясь из конкретно-индивидуального мышления животных в абстрактное, надситуативное, индивидуально-общественное, социально обусловленное мышление людей [Колшанский, 1975, с. 7]. Средство, орудие такого отчуждения — членораздельная речь, язык, слово. Именно благодаря человеческому слову *Я* отделяется (отчуждается) от *Я* и осознается как *Я* в ряду других (чуждых) *Я* (не-*Я*). Именно благодаря слову мозг обезьяны, превращаясь в человеческий мозг, получает возможность осознать свое мышление, так как, несмотря на то что определенными формами мышления обладают и животные и младенцы, ни те ни другие не осознают ни себя, ни окружающий мир, ни собственное мышление, т. е. лишены сознания в том смысле этого слова, о котором говорилось выше. Способностью осознавать, сознанием обладает только человек и только на достаточно высоких ступенях своего развития. Другими словами можно сказать, что появление в результате известных причин человеческого языка позволяет неосознанному, бессознательному мышлению животных осознать и себя и весь окружающий мир и существующие в нем отношения в человеческом мышлении.

Каждое поколение людей попадает в ситуацию результатов исторического опыта человечества, представленных, с одной стороны, материальными ценностями, с другой — материализованной в виде слов, речи, текстов и т. п. общественной мыслью, накопленными знаниями. Отчужденные в текстах идеи, созданная в словах искусственная (вторая) ситуация (ситуация ситуации) могут (особенно на ранних стадиях развития в онто- и филогенезе) породить иллюзорное восприятие ч е л о в е ч е -

с к о г о слова как особого самостоятельного и самодостаточного «н е ч т о», «рода реальности (конечно) фиктивной» (И. М. Сеченов) и привести в конечном итоге к переоценке роли слова, к его фетишизации, о б о ж е с т в л е н и ю, к зависимости от него и подчинению ему человека. Это проявляется не только в обыденной жизни, бытовой обстановке (что нормально), не только в искусстве (и других различного рода способах эмоционально-словесного воздействия и регуляции, когда словом действительно «можно убить и можно спасти»), но и в определенной части научных исследований (что совершенно недопустимо). В последнем случае изучение реальных явлений, их с у щ е с т в е н н ы х свойств, связей и отношений подменяется выяснением и описанием свойств, связей и отношений языковых (прежде всего номинативных) единиц, употребляемых для обозначения соответствующей области действительности. И. М. Сеченов писал: «...*большинство* людей и в *большинстве* случаев думают словами, а не образами... многие вещи знаются людьми только по слуху, т. е. „полузнаются“» [Сеченов, 1958, с. 95]. Сказанное относится прежде всего к определенным направлениям теоретического («метафизического», отвлеченного) мышления, к того или иного рода разновидностям н а у ч н о г о идеализма (агностицизму, номинализму, прагматизму, позитивизму и т. п.). Один из величайших пороков метафизики Сеченов, как уже отмечалось, видел в том, что «ее предельные объекты… или сущности суть продукты расчленения уже не реальных впечатлений, а словесных выражений их» [Там же, с. 201]. И здесь ученых очень часто подстерегает весьма коварная опасность.

О слове Б о ж и е м сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам». О материальном мире, о нашей реальной земной жизни говорится: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

«…Отдавайте кесарево кесарю, а Б о ж и е — Б о г у».

1992

К проблеме онтологии языка

В научной литературе наиболее часто обсуждаются такие аспекты языковых явлений, как язык, речь, текст, речевая деятельность. Последняя, строго говоря, предметом собственно лингвистических исследований никогда не была, но стала центральным понятием психолингвистики наряду с понятиями языковой способности, языковой компетенции, коммуникативной компетенции и некоторыми другими [Лингвистическая прагматика…, 1989]. Однако из современного представления о деятельности [см.: Основы теории…, 1974; Леонтьев, 1977] вытекает, что в наибольшей мере характеру собственно деятельности отвечают лишь некоторые (в сущности вторичные) случаи: редакторская и корректорская деятельность, работа писателя над словом (текстом), определенные фрагменты деятельности по овладению родным и иностранными языками и т. п., то есть все те случаи, когда мотив этой деятельности опредмечивается непосредственно в самом создаваемом речевом произведении, тексте, когда речевое произведение (текст) выступает как самоцель, как главная цель. Собственно же речевые акты, «процессы говорения и понимания» (Л. В. Щерба), совершаемые людьми в целях осуществления какой-то другой деятельности, необходимо признать лишь речевыми действиями и операциями, «входящими в какие-то деятельности» [Теория речевой деятельности, 1968, с. 31], со всеми вытекающими отсюда последствиями. Центральным же понятием лингвистики оставалось и продолжает оставаться понятие языка.

В дальнейшем мы будем исходить из следующих рабочих положений. ***Язык*** есть возникающее и развивающееся на базе коммуникативных потребностей людей средство осознания и оформления мысли, средство формирования и формулирования собственно человеческой, осознанной мысли. Он представляет собой систему двусторонних знаков и закономерностей их функционирования, являющуюся упорядоченным набором особого рода «психологических орудий» (Л. С. Выготский), используемых людьми в процессах осуществления ими коммуни-

кативной и речемыслительной деятельности, обеспечивающих в конечном итоге осуществление всех остальных видов человеческой деятельности. ***Речь*** (говорение или написание) — процесс реализации этой системы, результатом которого является ***текст***[3].

По отношению к бытию речи как к протекающему во времени и пространстве линейному звуковому (устная речь) или графическому (письменная речь) потоку, континууму материальных явлений значительных расхождений, как правило, не возникает (проблемы внутренней речи нами не затрагиваются). Текст же обычно рассматривается исследователями в качестве единственного предмета, доступного непосредственному наблюдению. Принципиальное отношение к тексту в этом случае достаточно часто оказывается таким же, как к любым другим материальным явлениям живой и неживой природы. При этом (в случае обращения внимания лингвистов на изучение выводимых ими из текстов языковых систем — словарей и грамматик языков) очень многое начинает определяться классифицирующей и систематизирующей деятельностью исследователей, осуществляемой на основе учета тех или иных *формально-структурных*, *функциональных* или *содержательных* признаков, кладущихся в основание классификации, то есть действительно, как совершенно справедливо писал Ф. де Соссюр, той или иной «точкой зрения» [Соссюр, 1977, с. 46].

Основой задачей настоящей работы является рассмотрение вопроса о форме и способе существования языка, понимаемого в указанном выше смысле. В научной литературе имеются различные высказывания по этому поводу. В самом общем виде можно отметить два основных подхода к проблеме бытия языка: 1) признание реальности существования речи (текстов) и объявление языка лишь конструктом исследователей; 2) признание реаль-

[3] Ср. высказывание по данному вопросу И. А. Зимней: «Речь рассматривается нами как способ формирования и оформления мысли посредством языка, который выступает в качестве инструмента, орудия, средства процессов формирования и формулирования мысли» [Исследования речевого мышления…, 1985, с. 72; см. также: Звегинцев, 1973].

ности существования языка и речи. Первый из этих подходов не раз подвергался достаточно убедительной критике [см.: Щерба, 1974, с. 27; Серебренников, 1983; Будагов, 1983; Колшанский, 1964]. Язык как система, безусловно, существует и без его исследователей, иначе никакое речевое общение было бы просто невозможно. Но и признавая язык как реальность, обычно говорят: а) либо просто о системе двусторонних языковых единиц и правилах их функционирования, вообще не уточняя, где и как эта система существует, б) либо об объективном существовании языка только в речи (текстах), в) либо о его субъективном существовании только в головах носителей языка.

Естественно предположить, что во всем этом находят отражение какие-то объективные свойства самого языка. И очевидно, совершенно не случайно в последнее время исследователи все чаще начинают указывать на его двойственный характер. Так, в одной из монографий говорится о двойном (материально-идеальном) модусе существования языка [Языковая номинация, 1977, с. 8]. Автор другой работы отмечает, что язык, осуществляясь в речи, «кроме того, хотя бы и потенциально (виртуально), существует в мозгах его носителей» [Онтология языка…, 1983, с. 11]. Н. А. Слюсарева, исследуя теорию Ф. де Соссюра «в свете современной лингвистики», делает следующее заключение: «…язык существует в сознании, и в то же время он существует в речи… Язык и идеален в сознании и материален в речи. Вследствие этого перед языковедами стоит предмет, имеющий двойственную природу» [Слюсарева, 1975, с. 29]. А. А. Леонтьев говорит о языке как системе (предмете, стандарте, объективной языковой системе) и о языковой способности или о речевом механизме. При этом он считает, что язык как способность «формируется в процессе присвоения языка как объективной языковой системы» [Леонтьев, 1969, с. 23].

Есть действительно все основания считать, что язык реально существует в диалектическом единстве материальной и идеальной форм. Это положение представляется нам чрезвычайно важным прежде всего в методологическом отношении, так как недостаточный учет его является источником целого ряда недо-

разумений, иногда возникающих при исследовании лингвистических явлений и вытекающих, главным образом, из признания (или преувеличения роли) только одной из этих форм и игнорирования другой, тогда как обе они реальны и действительны именно в своем единстве.

Утверждение существования языка только в идеальной форме [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2, с. 59] внутренне противоречиво. Любое идеальное, включая, несомненно, идеальную форму языка, предполагает наличие чего-то материального, так как принципиально не может быть ничем иным, кроме как отражением, субъективным образом объективного мира. Следовательно, только отражение частных фактов речи (текстов) приводит к возникновению обобщенной языковой системы — ее д е й с т в и т е л ь н ы х инвариантных отражений в языковом сознании людей или же приблизительных, неточных, относительных отражений в виде грамматик, словарей, схем, моделей, конструктов и т. п. в результате научно исследовательской деятельности исследователей [Щерба, 1974, с. 35]. Обобщать же факты речи языковое сознание может лишь потому, что это общее есть в самих отражаемых явлениях — в звуках, морфах, словоформах и т. д., чем, в свою очередь, и обеспечивается существование языка в материальной форме: «Язык представлен в конкретных актах говорения всех индивидуумов народа, таких конкретных актах, которые одновременно в своей реальности существуют и как общее, связывающее все эти единичные акты в одно явление, называемое языком человека» [Общее языкознание, 1970, с. 88–89].

Сторонник существования языка только в идеальной форме в обоснование своей точки зрения обычно приводят следующий довод. Язык — явление двустороннее, обладающее как планом выражения, так и планом содержания. Материальные же явления речи (текстов) никаким идеальным содержанием не обладают и обладать не могут [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 1, с. 217]. Поэтому и существование языка в речи невозможно.

Конечно, звуки и их графические изображения ничем идеальным в б у к в а л ь н о м смысле этого слова, то есть идеальным как таковым, как «субъективным переживанием процесса, ра-

зыгрывающегося в нейрофизиологическом субстрате» [Павлов, 1985, с. 4], не обладают и обладать не могут, так как не обладают самим этим нейрофизиологическим субстратом. Хорошо известно, что все высшие формы отражения, в отличие от механических отражений и простой раздражимости, присущи только животным, обладающим нервной системой, психикой. Более того, ничего идеального как такового (по определению) нет не только в материальных оболочках слов, но и в рисунках, музыкальных произведениях, изображениях на телеэкране и т. п. Всё это, несомненно, собственно материальные явления: краски, звуки и т. д. И тем не менее реальные люди каждый раз реально в о с п р и н и м а ю т все эти явления как (как бы!) обладающие определенным и д е а л ь н ы м содержанием. Дело в том, что звуки человеческой речи (как и все перечисленные выше явления) с самого начала есть не что иное, как форма и способ м а т е а р и а л и з а ц и и идеального. В современной науке прочно утвердилось положение о сложном диалектическом единстве языка-речи и собственно человеческого, осознанного мышления, о существовании — при всей сложности, комплексности, разнооуровности и т. п. мышления [см., напр.: Салиев, 1974; Системный анализ…, 1989; Тихомиров, 1984] — специфически человеческой формы вербального мышления[4]. Следовательно, л ю б а я речь представляет собой сам процесс осознания в ней субъектом («для других людей и лишь тем самым для меня самого») объективной действительности, самого себя в этой действительности и самого своего мышления, процесс превращения «незнания» в собственно человеческое Знание. У природы (в известных нам пределах пространства и времени) просто нет ни одной другой возможности осознать самою себя, кроме как в «звуках» человеческой речи.

Реально общающимися людьми порождаются и воспринимаются не столько сами звуки как таковые (они вообще обычно остаются в подсознании), сколько те или иные содержания в виде звуков — «звуки-смыслы», «звуки-значения» (или

[4] «Мысль не выражается, но совершается в слове» [Выготский, 1956, с. 332; см. также: Серебренников, с. 188–210].

же «графы-смыслы», «графы-значения»). Действительным средством человеческого общения язык может быть только потому, что в речи, текстах он реально воспринимается общающимися людьми в единстве формы и содержания, как содержательная форма, как «форма-содержание». Эта способность к осознанию своего мышления, к материализации идеального в звуках и т. п. является настолько собственно человеческой, что в высшей нервной деятельности людей наблюдается наличие специализированной (исключительно человеческой) «чрезвычайной прибавки» — второй сигнальной системы, ведающей непосредственно речевыми сигналами («вторыми сигналами», «сигналами сигналов») [Павлов, 1973, с. 411–412, 424–425].

Несомненно, мы понимаем то или иное слово (высказывание и т. п.) только потому, что знаем, *что* оно значит, научены этому тем или иным образом. Самым простым подтверждением чему может служить полное непонимание человеком речи на неизвестном ему языке. Однако, с одной стороны, мы часто достаточно хорошо понимаем в определенной ситуации и незнакомые нам слова, с другой — очень многое в отношении «человек — его язык» определяется самим процессом усвоения языка, деятельностью по присвоению определенной языковой системы.

Слово, и это хорошо известно, как в филогенезе, так и в онтогенезе, первоначально неотделимо от предмета, синкретично с ним и поэтому изначально «входит» в нас вместе с «предметом» (образом восприятия) в качестве одного из многих (актуального в данный момент) признаков этого предмета, затем только в речи (с образом представления этого предмета, со «значением» э т о г о предмета) и наконец (с ростом образования, играющего исключительно важную роль в данном процессе) — со значением абстрактного «предмета», с абстрактным значением (бытовым понятием). Человек рождается, развивается и становится личностью в двойном и первоначально неделимом для него мире — в мире «вещей» (прежде всего в биосфере) и в мире

слов (можно сказать, в лингвосфере[5]), эти вещи представляющих, опосредующих — «Действительность 1» и «Действительность 2»[6] (В. А. Мартынов). Только на определенной стадии развития человек становится способным отрываться в случае необходимости от непосредственного отношения к миру вещей в отношении к миру слов (вторых сигналов), жить и действовать в определенных случаях (рассудочная и некоторые другие виды деятельности) в условиях собственно лингвосферы, заменяющей, «имитирующей» для него все остальные жизненные сферы. Память овладения языком, его значимыми единицами сохраняется на всю жизнь. Различные качественные этапы этого овладения не исчезают бесследно, а снимаются последующими этапами, то есть последующие этапы не сменяют предшествующие чисто механически, не отменяют и не вытесняют их, а дополняются, обогащаются ими, обеспечивая во всей своей полноте и целостности новый (высший) качественный уровень интеллектуальной деятельности человека на основе единства и противоречия рациональных и чувственных, логических и психических начал его духовной жизни. Учитывать всё это — значит относиться к языку прежде всего как к «атрибуту человеческой природы» со всеми вытекающими от сюда последствиями [Колшанский, 1975, с. 14], то есть неизменно учитывать в лингвистических исследованиях фактор человека, понимаемого в диалектическом единстве всех его социальных и биологических признаков, общественных и индивидуальных начал его психики.

Поэтому смотреть на слово только как на акустический или графический комплекс, возбуждающий в головах людей в результате воздействия на органы чувств определенные, якобы заранее существующие и находящиеся как бы в спящем состоянии обра-

[5] Ср. понятие «логосфера» [Моль, 1973, с. 40].

[6] В целом, очевидно, следовало бы говорить о трех действительностях: 1) объективной (реальный материальный мир сам по себе), 2) субъективной (его идеальные отражения), 3) субъективно-объективной (речь, тексты). Третья действительность является посредником в направлении от первой действительности ко второй.

зы, понятия идеи и т. п.[7], — значит видеть только одну сторону явления и не замечать другие важнейшие его стороны, и в первую очередь собственно психические процессы, происходящие в общающихся с помощью языка людях.

В действительности же существует своеобразный парадокс текста. Текст без человека, вне реальных процессов его порождения и восприятия представляет собою в прямом смысле лишь что-то материальное. Текст же с человеком, текст в реальных процессах речевого общения реально воспринимается людьми как двусторонняя сущность, обладающая как планом выражения, так и планом содержания, и прежде всего именно не как звуки или начертания (формы, которые, как уже говорилось, в большинстве случаев остаются просто в подсознании), а как само содержание, преобразованное в звуки, оформленное, представленное в виде звуков, воплощенное в них (или начертания). Поэтому «план выражения» в данном случае есть в то же самое время и «план содержания», инобытие содержания, материализованное идеальное[8]. Такова собственно психологическая реальность восприятия общающимися людьми речи, текстов, и она, несомненно, как и всякая реальность, подлежит всестороннему объективному изучению такой, какова она есть — во всем своем своеобразии, во всей своей парадоксальности. Поэтому — основанное на подкупающем своей простотой и понятностью, но, в сущности, прямолинейно-механистическом понимании восприятия речи В. Гумбольдтом[9] — отношение к

[7] При таком подходе вопрос о передаче новых знаний становится весьма проблематичным.

[8] Идеальное, как известно, может материализоваться не только в звуках человеческой речи, но и во многих других продуктах деятельности человека: в музыке, живописи, строениях, механизмах и т. д.

[9] То есть утверждение креативного характера восприятия речи: «Люди понимают друг друга не потому, что передают друг другу знаки предметов… а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивает в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [Гумбольдт, 1984, с. 165–166].

речевым фактам не как к собственно знакам, а лишь как к телам знаков[10], развиваемое в ряде современных психолингвистических исследований [см.: Лингвистическая прагматика…, 1989, с. 9 и сл.], не представляется достаточно убедительным.

Язык в материальной форме реально представлен в виде бесконечных множеств соединенных между собой определенным образом элементов речи, того общего, что есть в этих элементах. Так, лексема русского языка *лес* реально существует во всем множестве ее конкретных речевых реализаций в коммуникативных актах. Во множестве конкретных речевых реализаций реально существует и каждый член любой языковой парадигмы *лес — леса — лесу*…, словообразовательные и синтаксические модели и т. п. Принципиально это такое же реальное прерывное существование того или иного языкового явления (и всего языка!) в массе его отдельных элементов, как и существование вообще всех явлений действительности[11]. Поэтому совершенно правы те исследователи, которые считают, что язык и речь — это разные стороны одного явления: «Язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного. Речь есть язык, взятый со стороны единичного и переменного» [Ломтев, 1976, с. 59]. Каждый человек с языковыми явлениями встречается в речи (текстах) так же, как и со всеми остальными явлениями окружающего мира (со множеством реальных лесов, полей, сел, домов, стульев и т. д.), обобщающихся затем (на основе наличия общего в самих однородных явлениях) в идеальных отражениях этих явлений в головах людей.

[10] Ср.: «Что есть слово? слово есть тело разума человеческого, как вот сии тела — твое и мое — есть одежда наших душ, не более того. Теперь: берем любую книгу, она составлена из слов, а составил ее некий человек, живший, скажем, за сто лет до сего дня. Что же должны мы видеть в книге? Запечатленный разум человека, который жил задолго до нас и оставил в назидание нам все богатство души, накопленное им. Стало быть, примем так: в книгах заключены души людей, живших до нашего рождения, а также живущих в наши дни, и книга есть как бы всемирная беседа людей о делах своих и запись душ человеческих в жизни» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

[11] Ср., например, реальное существование каждого химического элемента (как и всей системы химических элементов) во всей массе его реальных химических соединений или отдельных атомов.

В то же время взгляды некоторых исследователей, признающих существование языка в материальной форме, оказываются ограниченными и односторонними в других отношениях: они (исследователи) в силу тех или иных причин отказываются признавать вторую — идеальную — форму существования языка.

Так, существует отношение к идеальным языковым явлениям только как к чему-то индивидуальному и субъективному, не имеющему статуса языка в силу его социальной природы — средства человеческого общения[12]. Однако подобные доводы не представляются убедительными, так как здесь наблюдается явно недостаточный учет диалектики общего и отдельного, социального и индивидуального. Затруднения, возникающие в связи с необходимостью «преодоления барьера между атрибутами „социальное“ и „индивидуальное“, которые надлежит приписывать одной и той же реальности, оказываются „мнимыми затруднениями“» [Павлов, 1985, с. 7]. Идеальные «психофизиологические организации» (Л. В. Щерба), которые действительно можно и нужно назвать *индивидуальными языками*, несомненно, будут чем-то отличаться от «объективной» языковой системы и друг от друга. Но все возможные здесь различия, все возможные противоречия относятся, как правило, к периферийным, малосущественным или же вообще несущественным областям и ни в коей мере не являются определяющими. В данном случае мы имеем дело лишь с одной из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания (языкового сознания) и все возникающие противоречия всегда могут

[12] Весьма показательным в этом отношении является красной нитью проходящий через упомянутую выше работу Л. В. Щербы конфликт по линии социальное — индивидуальное, возникающий главным образом в связи с последовательным и принципиальным противопоставлением языковой системы (социальное) и психофизиологической речевой организации (индивидуальное). Последняя, по Щербе, являясь индивидуальным проявлением языковой системы, в идеале «может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно назвать „индивидуальными языками“, если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность…» [Щерба, 1974, с. 27; см. также: Смирницкий, 1954, с. 23].

быть поняты и объяснены в пределах этого соотношения. Представляется также весьма существенным тот факт, что языковое сознание, как и любая другая форма отражения действительности, является субъективным лишь по форме своего существования и объективным (относительно истинным) по содержанию, в том смысле, что «ощущение — это субъективный образ объективного мира. Оно субъективно по форме существования, объективно по содержанию, так как отражает, копирует, фотографирует свойства вещей, существующих вне и независимо от нашего сознания» [Краткий словарь по философии, 1982, с. 238–239]. Из сказанного следует, что язык в идеальной форме не мене объективен, чем и в материальной, так как в своих существенных моментах он практически идентичен у членов той или иной общности, того или иного языкового коллектива (социального, территориального и т. п.), что закономерно следует из принципиально адекватного отражения каждым членом определенного сообщества как объективной действительности, так и характерной для этого сообщества лингвистической «среды обитания» (лингвосферы), то есть языка в материальной форме. В противном случае речевое общение людей было бы просто невозможным, как оно стало невозможным между отдельными народами после библейского разделения языков.

Существует также мнение, основанное на признании «главным конститутивным качеством языка» его назначение быть «важнейшим средством человеческого общения», что «естественный язык нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект — его особенность заключается в том, что он существует в совокупности непрерывно продуцируемых актов речи» и что «„отпечатки“ слов… не язык, а каким-то образом упорядоченное множество усвоенных мыслью редуцированных и компрессированных единиц и фигур речи». Поэтому «нет в головах людей слов… со всеми их грамматическими парадигмами… со всеми особенностями произношения… со всеми их значениями, атрибутами, номинативными, пейоративными, эксценциональными и другими признаками, а есть редуцированные, ком-

прессированные „следы“ этих единиц и „следы“ типизированных схем возможных в речи грамматических, фонетических, лексических и других парадигм плюс способность мозга „вызывать“ из памяти эти „следы“ и образовывать с помощью органов речевого аппарата соответствующие единицы и фигуры речи» [Миллер, 1987, с. 35–37]. Во-первых, суждение «язык есть средство общения, и как таковой его нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект» либо явно спекулятивно, либо безосновательно: одно никак не следует из другого. Во-вторых, спрашивается, как из *компрессированных* и *редуцированных* «следов», «отпечатков» и т. п. *лишь* с помощью «органов речевого аппарата» создаются *нормальные, полноценные* единицы и фигуры речи? По какому «образу и подобию» они строятся, если их нет в головах людей? Это принципиально невозможно. Деятельностный подход к речевым актам (действиям и операциям) в качестве их существенных компонентов предполагает: постановку цели, планирование, сличение с идеальным образцом, коррекцию и т. д. (см. об этом, например, в работах А. Н. Леонтьева и А. А. Леонтьева). Поэтому в мозгу людей просто не может не быть полноценных образцов говоримого, иначе создание нормальных текстов было бы нереальным. Следовательно, в головах людей непременно должны существовать обобщенные (инвариантные) отражения-аналоги «единиц и фигур речи». Другой вопрос, как они там существуют. Но это уже дело не лингвистов и даже не психолингвистов и психологов, а нейрофизиологов и т. п.

Утверждение существования языка только в материальной форме и возможности объективного изучения его только в этой форме уводит исследователя в область чистых абстракций, голого конструирования, умозрительных построений и формализма. Оригинальность и уникальность языка состоит, в частности, и в том, что, с одной стороны, отражение материального явления есть действенная форма бытия самого этого явления[13], с другой — сами отражаемые (присваемые, усваемые)

[13] В отличие, например, от отражения периодической таблицы системы химических элементов, никак не являющейся самими этими элементами.

материальные явления являются в то же время продуктами деятельности человека (в онтогенезе) и продуктами становления человечества (в филогенезе).

Еще раз необходимо подчеркнуть, что материальная и идеальная формы языка реальны и действительны именно в своем единстве как явления различные и тождественные в одно и то же время, как явления взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимообратимые. Частным практическим примером, подтверждающим сказанное, может послужить проведенное нами сопоставление ассоциативного и ситуативно-тематического полей в русском языке [Мартинович, 1989а].

Материальная и идеальная формы языка представляют собою диалектическое единство противоположностей, обеспечивающее возможность исторического изменения языка, обусловленного в конечном итоге различными (как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими) причинами. Т. П. Ломтев считает, что «основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [Ломтев, 1976, с. 14]. Точнее, очевидно, было бы рассматривать «потребности обмена мыслями» как своеобразный «детонатор», «излучатель энергии», приводящий в действие механизм «система — норма», «способность — реальность» и т. п., постоянно находящийся под напряжением, для разрядки которого нужен только какой-то толчок, некий «инструмент замыкания». Как и почему это происходит?

Язык в идеальной форме (языковое сознание) содержит как всё актуальное, реально проявляющееся в речи, так и всё потенциальное, способное проявиться в случае необходимости, то есть представляет собою систему в ее наиболее полном объеме. Языковое сознание, возникая в результате отражения фактов речи, в то же самое время само «творит» речь и тем самым осуществляет материальную форму языка. Как и всякое сознание, языковое сознание имеет активно-творческое начало, постоянно стремится

к наиболее полному проявлению всех своих свойств, возможностей и способностей [см.: Павлов, 1985, с. 9]. Творческими по своей сути являются и речевые акты людей, создающих по определенным закономерностям отбора и соединения из идеальных отражений материальные тексты.

Язык в материальной форме (объективная языковая система, язык как предмет, языковой стандарт) содержит только всё фактически высказанное. Поэтому здесь он консервативен (в понимании А. М. Пешковского и Л. В. Щербы), стремится к сохранению неизменным своего состояния и воплощает в себе прежде всего уровень языковой нормы, так как норма — это и есть, в сущности, обычное (узуальное, привычное, принятое или узаконенное, кодифицированное, установленное) проявление идеальной формы языка, показывающее, как и какими обычно являются ее элементы в речи. Ненормативное, окказиональное и т. п. — это необычное, а иногда и вовсе случайное проявление языкового сознания. Следовательно, материальная форма языка представляет собою систему языка *главным образом* (хотя и не только) на уровне нормы.

Отношение между языком в идеальной форме (системой в полном объеме) и языком в материальной форме (системой на уровне нормы) есть, в сущности, частный случай диалектических отношений между сущностью и явлением[14]. Языковая система, представленная идеальной формой, воплощает в себе сущностное, глубинное, закономерное и необходимое, реальное и потенциальное в языке. Языковая система, представленная материальной формой, воплощает в себе обычное, видимое проявление языкового сознания, актуальное лишь в данный период развития языка. В силу этого сама устойчивость нормы оказывается относительной, обусловленной различными внутрилингвистическими и экстралингвистическими причинами. Г. С. Винокур считает, что «языковая норма

[14] Необходимо, однако, отметить, что нормативное есть только определенная, хотя и важнейшая, часть проявления идеальной языковой системы, тогда как ее явление в полном объеме мы находим во всем многообразии текстов на том или ином языке, со всеми отдельными, случайными и окказиональными элементами, частично выявляющими способности, скрытые возможности, резервы и т. п. этой идеальной системы.

с ее всегда только относительной устойчивостью слагается в борьбе между традициями языкового вкуса и теми живыми силами, которые направляют естественный ход исторического развития» [Винокур, 1967, с. 13]. Однако, признавая ведущий характер идеальной формы языка в сущностном, бытийном плане, признавая ее ведущий стороной в разрешении диалектического противоречия, существующего между ней и материальной формой[15], необходимо в то же время признать вторичность идеальной формы в генетическом плане, в плане ее возникновения и становления, а также в гносеологическом, общефилософском плане[16].

Таким образом, эволюционное изменение языка осуществляется благодаря активности, подвижности, динамизму и т. п. элементов языка в идеальной форме, постоянно преодолевающим консерватизм, устойчивость (именно потому и относительную), инертность и пассивность элементов языка в материальной форме, то есть в процессах борьбы между зарождающимся в языковом сознании новым и стремящимся к сохранению неизменным своего состояния в объективной языковой системе (языковом стандарте) старым, потенциальным и актуальным, окказиональным и нормативным, между тем, что «хочется сказать», «можно бы сказать», исходя из свойств и способностей идеальной языковой системы, и тем, что «принято говорить», «необходимо говорить» по существующим в данный момент существования языка нормам. Следовательно, активность элементов языка в идеальной форме и консервативность элементов языка в материальной форме, также отражаемая языковым сознанием, подвижность и инертность, способность и норма представляют собою единство противоположностей и создают то внутреннее собственно языковое

[15] «Когда говорят о разрешении диалектического противоречия, то всегда имеется в виду нарастание какого-то нового свойства в ведущей стороне противоречия и обострение противоречий с сохраняющимися без изменения свойствами противоположной стороны» [Ломтев, 1976, с. 12].

[16] Ср.: «Язык образуется речью» [Гумбольдт, 1984, с. 162]; «Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу» [Соссюр, 1977, с. 52].

противоречие между *персептивным* и *фиксированным* уровнями отражательной системы людей, разрешение которого определяет основные пути изменения языка. Основным (но не единственным) [см.: Серебренников, 1988, с. 148–161] источником, стимулом и целью борьбы этих противоположностей являются насущные языковые потребности общества, постоянно растущие потребности новых наименований, новых средств и способов выражения мысли вместе и в связи с развитием самого мышления.

1989

К проблеме эволюции языка

О возникновении и становлении языка в связи с происхождением человека (человеческого общества) написано достаточно много [Леонтьев, 1963; Поршнев, 1974; Кликс, 1983; Панов, 1983; Якушин, 1985 и др.]. По мнению Б. В. Якушина, эта проблема в основном решена на «уровне общего методологического подхода, формулировки принципов решения». Многое сделано отечественными и зарубежными исследователями и в области «конкретизации методологической концепции на уровне схемы». Уровень же «конкретной, поэтапной „программы“, в которой реализуется схема», все еще ожидает своего решения» [Якушин, 1985, с. 65–68]. При этом, несмотря на наличие значительного количества исследований по проблемам первобытного (родоплеменного) общества[17], практически белым пятном в науке остаются вопросы возникновения языка (языков?) этого общества (обществ?), процессы развития языка в

[17] Началом научных исследований этого периода в истории человечества принято считать, как известно, фундаментальные работы Л. Г. Моргана (Древнейшее общество, 1877) и Ф. Энгельса (Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884).

дописьменный период и становление письменных языков[18]. В свою очередь, значительные исследования проведены в области сравнительно исторического языкознания (см., например, работы А. Х. Востокова, Г. П. Павского, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Н. Я. Марра, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Е. Д. Поливанова, Ф. П. Филина, И. И. Мещанинова, Т. П. Ломтева, Б. А. Серебренникова, Н. А. Мещерского, Вяч. Вс. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Колесова и др.). Благодаря этому к настоящему времени мы имеем подробные описания истории языковых семей и групп, конкретных языков и отдельных лингвистических явлений. Однако вопросы внутреннего механизма («механики») развития и совершенствования языка, самой языковой эволюции, ее движущих сил и закономерностей все еще остаются исследованными лишь в незначительной степени. Рассмотрим некоторые из них.

I

Диалектический материализм расценивает отражение как всеобщее свойство материи, заключающееся в способности материальных тел посредством собственных изменений воспроизводить с различной степенью точности (относительно адекватно) определенные стороны взаимодействующих с ними объектов[19]. Характер отражения при этом зависит от уровня организации материи, а само отражение качественно различается в живой и неживой природе. В самом общем виде можно выделить четыре основных уровня отражения: 1) пассивное (инертное) воспро-

[18] Обычно исследователи ограничиваются здесь лишь самыми общими замечаниями относительно принципиальных моментов устройства языка первобытного общества и помещают этот язык где-то возле «языка» обезьян и детской речи [Якушин, 1985].

[19] «…Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу, родственным с ощущением, свойством отражения…» [Ленин, 1969, т. 18, с. 91].

изводство телами неживой природы в структуре оставляемых в них следов свойств взаимодействующих с этими телами объектов; 2) активное, самостоятельное реагирование в целях самосохранения и самоприспособления простейших организмов живой природы, не обладающих нервной системой; 3) условнорефлекторное отражение в психической деятельности животных, обладающих нервной системой (мозгом); 4) общественно обусловленное, сознательное отражение человека, отражение в активной предметной деятельности (труде), направленной на преобразование и приспособление к своим потребностям окружающей действительности. Схематически ведущий характер отражения на этих уровнях можно представить следующим образом:

механические изменения — раздражимость — ощущение — сознание.

В то же время обнаруживается, по-видимому, еще одно, родственное отражению, всеобщее свойство материи. Это свойство самовыражения и самопредставления, свойство репрезентации своего состояния, своих внешних и внутренних изменений остальному миру. Оно заключается в способности материальных тел тем или иным образом, в тех или иных материальных явлениях (репрезентантах) «выводить» наружу (экстериоризировать) свой собственный мир и его изменения и тем самым представлять их окружающей действительности[20]. В сущности, отражение и самовыражение — это две грани одного явления, представляющего собой способ осуществления всеобщей взаимосвязи и взаимодействия явлений природы.

Так же как и отражение, самовыражение качественно различается на определенных уровнях организации материи. Например, в неживой природе камень, подвергшийся какому-то воздействию (удару, нагреву и т. п.), не только отразит это воздействие и тем самым «запечатлеет» в себе информацию о воздействующем предмете, но и незамедлительно каким-то образом выразит произошедшие в нем изменения, представит их (звуковыми вол-

[20] Обычно это явления волновой природы — тепловое и световое излучения, звуки, радиоволны и т. п.

нами, тепловым излучением и т. п.) окружающему миру и тем самым в свою очередь «проинформирует» его об этих изменениях («речь камня»)[21]. Это будут, конечно, чисто механические отражение и выражение (представление).

В настоящее время появляется все больше сведений об обмене информацией простейшими организмами (вирусами, бактериями) и растениями. В этом случае происходит уже активное реагирование, что приводит обычно к адекватным изменениям (например, к гибели) в «коммуникантах» — изменения в получателе информации отражают изменения, произошедшие в отправителе[22].

Еще более высокий уровень информационно-регуляционного поведения находим в мире животных, обладающих нервной системой. Об этом написано довольно много [см., напр.: Жантиев, 1981; Константинов, Мовчан, 1985; Линден, 1981; Панов, 1983; Фирсов, Плотников, 1981; Фриш, 1980; Хаксли, Кох, 1968]. Высший уровень выражения и репрезентации внутреннего мира (мира собственно человеческих мыслей и чувств), а также информации и регуляции — коммуникативно-номинативный уровень — представляет, несомненно, речевое общение людей. Показательно также, что наряду с традиционным изучением, можно сказать, привычных способов человеческого общения (мимика, жест, речь и т. д.) в последнее время наблюдается все более растущий интерес к различным видам экстрасенсорики, энергоинформационного обмена и т. п.

Всё это говорит о том, что как в неживой природе мы находим свойство, близкое свойству живой природы ощущать, — свойство отражать, так в неживой природе мы находим свойство, близкое свойству живой природы общаться, — свойство выражать и представлять окружающему миру свое состояние и его изменения и тем самым информировать этот мир о себе при по-

[21] При нагреве камня до значительных температур к тепловой «информации» может прибавиться еще и световая (при раскаливании), при охлаждении до абсолютного нуля (–273°С) всякое излучение должно полностью прекратиться («мертвый камень»).

[22] Об этом, например, много говорил в своих выступлениях академик Академии медицинских наук СССР В. П. Казначеев (см., напр.: Ленингр. рабочий. 1990. 12 янв. С. 11).

мощи различного рода материальных явлений (в философии это получило название «потенциальной информации»[23]).

Следовательно, отражение и самовыражение («самопредставление»), обеспечивающие глобальное «общение» (взаимосвязь и взаимодействие), необходимо рассматривать в качестве объективной предпосылки явлений коммуникативного характера в живой природе и собственно речевого общения людей, предпосылки, заложенной в самих *фундаментальных свойствах* материи, без которой этот гигантский качественный скачок от механического к человеческому общению был бы просто невозможен. Человеческая речь, таким образом, несмотря на все ее своеобразие и уникальность, не представляет собою некий изолированный феномен в природе. Это объективное явление, необходимо присущее высокоорганизованной материи. Его возникновение предопределено всем ходом развития материального мира и обусловлено примитивными зачатками общения (отражением и самовыражением) в неживой природе. Конечно, «речь» камня так же далека от *речи* человека, как далеко, допустим, отражение камнем упавшей на него капли воды от эстетического отражения человеком красоты природы в художественных произведениях и т. п. Проведение каких бы то ни было параллелей между этими явлениями возможно только при рассмотрении некоторых принципиальных проблем гносеологического характера. Всякое их отождествление, аналогизация, приравнивание т. п. будут, несомненно, недопустимой вульгаризацией.

Таковы, как нам представляется, важнейшие объективные предпосылки, предопределяющие саму возможность возник-

[23] «Теория информации обычно имеет дело с относительной информацией, которая тесно связана с *отражением*. Если в предмете происходят изменения, отражающие воздействия другого предмета, то можно сказать, что первый предмет становится носителем информации о втором предмете… Относительная информация из потенциальной, какой она является в докибернетических системах (системах неживой природы, не связанных с *управлением*), превращается здесь в актуальную информацию, т. е. отражение, пассивное в докибернетических системах, становится активным отражением» [Философский словарь, 1987, с. 172].

новения в силу хорошо известных причин речевого общения людей и языка (языковой системы) как средства (инструмента, орудия) такого общения[24]. Язык, однако, постоянно находится в развитии и совершенствовании. Как они осуществляются?

II

Всякое развитие, как известно, может быть рассмотрено со стороны его характера (эволюционное — революционное), сущности (соотношение образующих процесса в начальной и конечной точках) и механизма (механика, движущие силы, закономерности и условия) [Леонтьев, 1969, с. 50–63]. Все эти моменты, очевидно, должны учитываться и при исследовании языковых изменений.

По своему в е д у щ е м у характеру развитие языка, несомненно, представляет собою эволюционный путь развития, так как революции языку противопоказаны принципиально. В противном случае сменяющиеся поколения людей просто перестали бы понимать друг друга. Следовательно, развитие языка должно подчиняться всем о б щ и м закономерностям эволюционного развития в их ч а с т н о й (собственно языковой) форме проявления и, как и другие виды эволюции, может быть исследовано на разных уровнях — от, образно говоря, языкового «атомно-молекулярного» и «клеточного» (уровень звуков, слогов, морфем, слов и синтаксических конструкций) до «популяционного» и родовидового (уровень наречий (говоров), языков, их групп, ветвей и семей)[25].

Изучением сущности развития языка уже давно занимается общее и частное сравнительно-историческое языкознание, прежде

[24] См. об этом в работах Ф. Энгельса «Диалектика природы» и «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 20, с. 343–626; т. 21, с. 486–489].

[25] Наиболее общие закономерности и особенности эволюции языка подробно рассмотрены в работах Б. Х. Бичакджяна [Bernard, 1988; Бичакджян, 1992, с. 123–134].

всего с точки зрения диахронического (регистрация изменений) и синхронического (системного) подходов как к отдельным языковым явлениям, так и к целым языкам и их совокупностям.

Что касается собственно исторического подхода, предполагающего не только регистрацию и описание явлений, но и выяснение причин этих изменений, условий процесса развития, его механизма и т. п., то здесь основное внимание обычно уделяется внешним (экстралингвистическим) и внутренним (собственно лингвистическим) причинам (их особенностям и взаимодействию) языковых изменений в рамках общих проблем связи жизни языка с жизнью народа (язык и общество, язык и культура и т. п.) [см.: Роль человеческого фактора…, 1988; Серебренников, 1988]. Проблемы же, касающиеся, непосредственно внутренней механики изменений языка и его отдельных явлений, всё еще остаются недостаточно исследованными[26].

Остановимся на рассмотрения некоторых аспектов механизма эволюции языка на элементарном («атомно-молекулярном» и «клеточном») уровне, т. е. на исходных моментах эволюции языков и языковых популяций.

III

Центральными понятиями эволюционного учения являются понятия мутации, борьбы за существование, естественного и искусственного (селекция) отбора и адаптации. Материалом для эволюции в живой природе на молекулярном уровне служат «генеративные мутации и их сочетания» [Гершензон, 1974, с. 77]. Спонтанные и случайные мутационные процессы постоянно происходят в молекулах клеток живых организмов, в том числе и в ответственных за передачу наследственной информации молекулах — ДНК и РНК. По существующим воз-

[26] В качестве примера подобных исследований можно привести главы «Внутренние противоречия как источник развития языка» и «К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка» из книги Т. П. Ломтева [Ломтев, 1976, с. 12–24; 312–324].

зрениям мутации способны к построению себе подобных и отталкиванию их от себя (редупликации). В работах Н. В. Тимофеева-Ресовского данное явление получило название «конвариантной редупликации, т. е. редупликации живых частиц, включающей наследственные мутации» [Тимофеев-Ресовский, 1984, с. 21]. Однако далеко не все мутации действительно реализуют свою наследственность, а единственно лишь способные активно существовать (обмениваться веществами, размножаться и т. п.) в определенных условиях, т. е. мутации, реально отобранные этими условиями, победившие в конкурентной борьбе за выживание и существование. Таким образом, основу эволюционного процесса составляет не способность мутаций к наследственности сама по себе (предпосылка эволюции), а действительно р е а л и з у е м а я наследственность. В свою очередь, адаптация — это не сохранение каким-то образом приспособившегося к новым условиям собственно старого, а своеобразное делегирование старым для жизни в новых (полезных для делегированных и вредных для остальных) условиях одного (или нескольких) из его бесчисленных мутационных вариантов и его дальнейшее полноценное существование в этих условиях. В конечном итоге, именно с мутационных изменений молекул и их отбора начинается деление недифференцированных ранее сообществ однотипных индивидов на виды, роды, семейства и классы.

Аналогичные явления можно наблюдать и в области эволюции языка[27].

Выше было показано, что язык как система существует в диалектическом единстве материальной и идеальной форм, представляющих собою единство противоположностей и создающих то основное внутреннее собственно языковое противоречие (напряжение), разрешение которого и определяет основные закономерности исторического развития и совершенствования

[27] Ср. в связи с этим рассмотрение Т. П. Гамкрелидзе соображений Р. О. Якобсона об «эволюционном процессе наложения лингвистического кода непосредственно на генетический и копирования его структурных принципов» [Гамкрелидзе, 1988, с. 5–8].

языка. Важнейшую роль в этом развитии, как известно, играют статистические (вероятностные) законы [см., напр.: Березин, 1979, с. 36–37; Ломтев, 1976, с. 302–311]. Элементы языкового сознания (языка в идеальной форме) подвержены в пределах своих свойств и возможностей постоянным, спонтанным и случайным мутациям на всех языковых уровнях. Непосредственные проявления этих мутаций можно наблюдать на фактах исторического изменения языка, на особенностях реализации тех или иных лингвистических явлений в различных сферах и вариантах национального языка и в родственных языках, на так называемых речевых ошибках, окказионализмах, употреблениях детской речи, индивидуально-авторских употреблениях и т. п. Языковые мутации, проявляющиеся в речи, неизбежно вступают в языковом сознании носителей языка в борьбу как между собою, так и с закрепленными (зафиксированными) в этом сознании элементами стандартной языковой системы, с самой языковой нормой и, как правило, на первых порах отторгаются этой системой[28]. В дальнейшем они либо отторгаются окончательно, либо входят в систему (отбираются системой) и со временем сами становятся нормой (кодифицированной или узуальной), изменяя тем самым и саму систему. Здесь, таким образом, также постоянно идет своеобразная борьба за существование, борьба, в которой достаточно часто побеждают элементы, в наибольшей мере соответствующие общим динамическим тенденциям в развитии языка. Однако это не носит обязательного характера, так как статистические законы всегда предполагают возможность нескольких решений, каждое из которых осуществляется лишь с определенной степенью вероятности. Утверждение в качестве нормы той или иной конкретной мутации, того или иного первоначально случайно проявившегося варианта обусловлено каждый раз множеством экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, условий, а иногда и просто случайностей. Всем этим, в частности, опреде-

[28] Отторгает, конечно, не сама система, а люди, владеющие ею, знающие ее. Настороженное отношение общества к различного рода языковым новшествам («неправильностям») хорошо известно.

ляются и значительные трудности в прогнозировании конкретных языковых изменений [см.: Горбачевич, 1984, с. 150–186], но в то же время и достаточно высокая степень надежности в установлении общих динамических тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм, к открытому или закрытому слогу, переносу ударения на основу или окончание, приведению формы в соответствие с содержанием и т. п.).

Рассмотрим следующие примеры.

I. Достаточно ярким образцом проявления языковых мутаций на фонетическом уровне, на наш взгляд, может служить процесс становления «иканья» (т. е. произнесения редуцированного гласного звука типа [и] в безударном слоге после мягких согласных на месте любого другого гласного) как современной разговорно-литературной нормы в русском языке [Колесов, 1980, с. 196–205; 1982, с. 11–13]. В свое время и в своих условиях (в масштабах исторического развития русского национального языка в полном объеме) произошел перебор практически всех возможных в данной позиции вариантов — [т’эта́], [т’ота́], [т’ата́], [т’ита́] и [т’ута́]. Например, в разное время и в разных сферах русского языка были реализованы следующие произносительные варианты словоформы *несу*: [н’эсу́] — эканье, [н’осу́] — ёканье, [н’асу́] — яканье, [н’ису́] — икание (вариант [н’усу́] в силу основных фонетических тенденций русского языка в данной словоформе не мог быть реализован, ср., однако, вариант произнесения словоформы *люблю* [л’убл’у́], которая имеет тяготение также к произносительному варианту [л’ибл’у́], т. е. к иканью). Закрепление в настоящее время варианта произношения [н’ису́] произошло в результате длительной конкурентной борьбы отмеченных вариантов как в е р о я т н о с т н о определяемый итог взаимодействия целого рада системно-структурных, функционально-социальных и функционально-стилистических (а возможно, и ряда других, например психологических, эстетических, физиологических и т. д.) факторов[29].

[29] Ср. также выяснение вероятностно-статистических характеристик перехода [г] в [γ] в русском языке Т. П. Ломтевым [Ломтев, 1976, с. 302–311].

2. Показательным примером лексико-семантических мутаций в различных сферах национального языка и разных языков могут быть результаты сопоставительного анализа семантики русского и английского глаголов с эквивалентными основными значениями — *пасть* и to fall. Так, изучение семантической структуры глагола *пасть* в современном русском национальном языке [Мартинович, 1979] показало, что источник внутреннего единства этой структуры изначально заложен в концептуальном ядре основного (в данном случае и исходного) значения слова или, точнее, в основной идее его корневой морфемы — *-пад-/-пас-* 'свободное падение'. Исходное значение слова (его внутренние свойства, система существенных признаков) само по себе уже предопределяет возможность наличия у этого слова определенного круга производных значений, которые потенциально всегда существуют в этом значении и где-то (в одной из сфер национального языка), когда-то (в один из исторических периодов его существования), как-то (случайно, окказионально или же системно, устойчиво) должны проявиться в одном из семантических или словообразовательных дериватов этого слова. Конкретные же черты новых элементов семантической структуры слова и возможность их реализации в виде нормы также определяются на основе статистических законов целым рядом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов.

Исследованный материал показывает, что развитие системы значений глагола *пасть* шло по трем магистральным направлениям, выявляемым на основе абстрагированных от концептуального ядра исходного значения признаков: а) перемещение, передвижение; б) случайное, неожиданное, самопроизвольное действие; в) переход в иное (обычно худшее) состояние. В связи с этим производные значения глагола объединяются в три семантических единства — а), б), в). Кроме того, в семантическую структуру глагола *пасть* входит и несколько отдельных значений, основанных на незначительных и малосущественных признаках переноса наименования — случайности, подтверждающие закономерности объединения значений в семантические единства.

Всего, по нашим наблюдениям, в различных сферах и вариантах русского национального языка реализуется около 100 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) глагола *пасть*. Ими, по-видимому, в основном и исчерпываются семантические возможности этого слова. В то же время МАС [Словарь русского языка, 1983] как нейтральные в современном русском литературном языке отмечает лишь 6 значений глагола. Еще 6 значений в этом словаре снабжены теми или иными ограничительными пометами — *устар*. (4 значения), *книжн*. (1 значение) и *обл*. (1 значение). Всего, таким образом, глагол *пасть* в МАС отмечен в 12 значениях.

В целом же, можно сказать, что судьба глагола *пасть* в русском литературном языке оказалась печальной. Форма *пасти* в древнерусском языке была более употребительной, чем *падати*[30], причем глагол *пасти* мог обозначать как недлительные (*Падъ оубо, рабъ тъ, кланэашесѧ ѥмоу*), так и длительные (*Паде метыль гоустъ по земли и по водэ и по хоромомъ по в҃ нощи, а по д҃ дни*) действия. Дальнейшее развитие видовых значений глагола шло несколько своеобразно. С одной стороны, все активнее входит в употребление форма несовершенного вида *падати / падать*, с другой, продолжается регулярное употребление форма *пасти/пасть* как двувидовой. Так, в значении несовершенного вида глагол *пасть* употреблял еще А. С. Пушкин: *И тихо меч он* [Руслан] *опускает. В нем гнев свирепый умирает и мщенье бурное падет*. Но уже во второй половине XIX в. глагол *пасть* в значениях несовершенного вида практически полностью выходит из употребления и уступает место своей имперфектной паре *падать*[31]. Вместе с тем происходит и другой не менее важный для судьбы глагола *пасть* процесс, а именно процесс вытеснения в русском литературном языке этого глагола почти во всех его значениях (в нейтральном употреблении) различными более конкретны-

[30] На это достаточно ясно указывает соотношение количеств значений и иллюстраций к ним в Материалах для Словаря древнерусского языка [Срезневский, 1895].

[31] О глаголах *пасть* и *падать*, в русской лексике конца XVIII — начала XIX в. см. в статье «Пасть — падать — упадать» [Авилова, 1975, с. 61–64].

ми префиксальными образованиями — *упасть, припасть, запасть, выпасть* и т. д. И сейчас многим значениям глагола *пасть* в северных русских народных говорах, где эта форма (в отличие от средне- и южнорусских говоров) продолжает употребляться очень активно, в литературной сфере часто соответствуют значения его приставочных образований (ср.: диал. *пасть на грудь* и лит. *припасть к груди* и т. п.).

В конечном итоге из достаточно большого количества семантических мутаций глагола *пасть*, до сих пор проявляющихся тем или иным образом в различных областях (сферах, вариантах, стилях, жанрах и т. п.) русского национального языка, в результате длительной борьбы между различными средствами выражения тождественной грамматической (*пасть — падать*) и лексической (*пасть — упасть*, *пасть — запасть*, *пасть — пропасть*, *пасть — выпасть* и т. д.) семантики в литературной сфере («среде») национального языка «приживается» лишь очень незначительное количество ЛСВ этого глагола. Таким образом, победа в данном случае осталась за более «конкурентоспособными противниками» глагола *пасть*, и далеко не все его семантические возможности реализуются в современном русском литературном языке, хотя никаких собственно семантических противопоказаний для такой реализации нет. Данная тенденция вытеснения глагола *пасть* из русского литературного языка (по крайней мере — из литературно-разговорного), по-видимому, продолжает сохраняться, что обещает дальнейшую деградацию этого слова. В определенном смысле можно сказать, что в настоящий момент это исторически мертвое слово, однако и здесь возможны всякие неожиданные повороты, так как принципиально для «оживления» глагола *пасть* также нет никаких запретов.

Изучение семантической структуры английского глагола to fall ‘упасть’ [Мартинович, Братусь, 1982, с. 166–170] в общенациональном масштабе[32] показало, что развитие системы его значений практически шло по тем же трем основным направлениям,

[32] Материалом для изучения семантики глагола to fall послужили данные Оксфордского словаря [The Oxford English Dictionary, 1933].

что и у глагола *пасть* в русском языке[33]. Более того, сопоставление значений глаголов *пасть* и to fall выявляет совпадение их подавляющего большинства. Случаи несовпадения семантики этих глаголов в том и в другом языках представлены лишь единичными примерами. Однако глубинные семантические совпадения довольно часто могут сопровождаться и некоторыми различиями на более поверхностных уровнях. Например, в ряде случаев отмечается неодинаковость денотативных значений этих глаголов при тождестве сигнификативных. Так, в значении ‘впасть, втечь, влиться’ русский глагол употребляется только для обозначения впадения реки, ручья и т. п., тогда как to fall может относиться к дороге, тропе и т. п.: *Юла-река слева в Пинегу пала* (диал.) — A road… falling into the road to Philadelphia ‘Дорога… падающая в дорогу (соединяющаяся с дорогой) в Филадельфию’. Указанные различия проявляются прежде всего в неодинаковой сочетаемости глаголов: *пасть в удивление, тоску, панику* и т. п. — to fall in love, into a rage, asleep, etc.

В сходных значениях глаголы *пасть* и to fall могут различаться эмоционально-оценочной окраской, стилистической принадлежностью, степенью устарелости и т. п. [см.: Будагов, 1971, с. 109–130]. Например, в значении ‘произойти, случиться, иметь место’ to fall отмечен как устарелый, поэтический (If war should fall between yourself and France) ‘Если бы пала (произошла, случилась) война между вами и Францией’, а *пасть* употребляется лишь в диалектах (*Хорошо живем, только бы войны не пало*).

Сравнение систем значений русского и английского глаголов позволило обнаружить их значительное сходство и принципиальную близость организации. Отсутствие того или иного значения в одном из языков носит случайный характер, и реализация этого значения в нем всегда принципиально возможна. Изоморфические черты систем значений преобладают над алломорфи-

[33] М. М. Покровский писал: «…Одинаковые, довольно оригинальные значения в целом ряде языков, независимо друг от друга, вырабатываются одним и тем же путем» [Покровский, 1959, с. 76]. Ю. В. Откупщиков, исследуя глаголы, связанные с трудовыми действиями, также делает заключение «о типовом характере важнейших семантических процессов» [Откупщиков, 1969, с. с. 208].

ческими и обнаруживаются в первую очередь на глубинном семантическом уровне[34].

Проведенное сопоставление выявило, таким образом, тождественность семантических мутаций, проявляющихся в различных сферах национальных языков, русского и английского глаголов с эквивалентными основными значениями, что подтверждает закономерность этих мутаций, их неслучайность и обусловленность прежде всего внутренними семантическими возможностями (резервами, ресурсами) рассматриваемых глаголов, свойствами их исходных значений[35]. Однако в результате взаимодействия ряда уже отмечавшихся факторов языкового и неязыкового характера в литературных сферах каждого языка закрепляется лишь незначительное количество из возможных ЛСВ этих глаголов.

Многочисленные исследования по речевым ошибкам, употреблениям детской речи, окказионализмам и индивидуально-авторским преобразованиям языковых явлений в художественной речи хорошо известны, и здесь нет необходимости еще раз приводить распространенные в научной и научно-популярной литературе примеры[36].

---

[34] Говоря о сопоставительном исследовании грамматики русского и английского языков, Л. С. Бархударов писал: «…между глубинными структурами разных языков существует гораздо больше сходства, чем между поверхностными» [Бархударов, 1972, с. 67]. Представляется, что это высказывание будет полностью справедливым и в отношении лексической семантики.

[35] Здесь, вероятно, правомерно говорить о «случайности неслучайного», т. е. о случайности каждого конкретного проявления (где, когда, как и т. д.) неслучайных во всем их множестве, а лишь варьирующихся в пределах своих свойств и возможностей мутаций. Случайность проявления — неслучайность бытия.

[36] По исследованиям детской речи и речевым ошибкам см., например, работы А. Н. Гвоздева, С. Н. Цейтлин, К. И. Чуковского, А. М. Шахнаровича. Из авторов работ по индивидуально-авторским употреблениям отметим некоторых исследователей поэтической речи В. В. Маяковского — О. И. Александровой, Г. Винокура, В. П. Петрушкова, В. И. Фатющенко, Э. Ханпиры. Неологизмы и окказионализма в русском языке исследовались А. А. Братиной, В. В. Лопатиным, А. Г. Лыковым, В. И. Максимовым, И. Ф. Протченко. Большой и очень интересный в рассматриваемом отношении материал представляют словари языка и словоупотреблений писателя (А. С. Пушкина, М. Горького и др.), словари новых слов и значений и многочисленные публикации в журналах «Русская речь», «Русский язык в школе», «Русский язык за рубежом» и некоторых других.

* * *

Итак, возникновение коммуникативно-информационного обмена в живой природе и собственно речевого общения людей обусловлено их элементарными зачатками (предпосылками) в неживой природе — свойствами отражения и самовыражения (самопредставления), обеспечивающими всеобщую взаимосвязь и взаимодействие явлений природы. Человеческий язык, появившись в силу известных причин как средство речевого общения, прошел долгий и сложный путь исторического развития, образовав в конечном итоге (если исходить из теории моногенеза) все известные в настоящее время на земном шаре языковые семьи, ветви, группы и собственно языки в их различных социальных, функциональных и территориальных вариантах. По своему характеру развитие языка представляет собою эволюционное развитие и подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их собственно языковой форме проявления. Спонтанно возникающие в языковом сознании людей формальные и содержательные мутации единиц различных языковых уровней неизбежно должны завоевывать свое право на бытие в постоянной конкурентной борьбе за существование, проходить тернистый путь естественного и искусственного (нормализаторская деятельность ученых-лингвистов — своеобразный вид селекции) отбора и адаптации — закрепления в языке в качество новой нормы с тем, чтобы, в силу закона отрицания отрицания, вновь через некоторое время уступать место более совершенным и жизнеспособным языковым мутациям.

1992

К проблеме методологии лингвистики

Свойственное некоторым направлениям формализма и структурализма отношение к языку только как к некой объективной (самостоятельной и самодостаточной) системе знаков, существу-

ющей в языковом материале (совокупности текстов), влечет за собою использование и соответствующих методов его описания, при применении которых часто «объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект» [Соссюр, 1977, с. 46]. В этом случае, по справедливому замечанию В. Н. Головина, изучение объекта подменяется изучением его конструктов, на основе тех или иных принципов, созданных самим же исследователем [Головин, 1976, с. 21–34]. Такой подход к языковым явлениям в определенных случаях (особенно при описании формальной стороны языка) является вполне допустимым, а иногда (формализация в целях машинной обработки и т. п.) и просто необходимым, так как позволял и позволяет получать полезные практические результаты. В то же время нельзя не видеть, что к настоящему времени он во многом исчерпал свои возможности и в решении целого ряда существенных проблем объяснительного характера оказывается односторонним, ограниченным, а иногда и просто несостоятельным. Эта несостоятельность становится особенно заметной при переходе от изучения формальных лингвистических явлений к изучению их содержательных сторон (семантики, значения и т. п.). «Текст сам по себе», «текст как таковой» в этом случае оказывается просто научной фикцией. Напомним: «Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одаренные языковым мышлением» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2, с. 181]. Поэтому постоянные обращения лингвистов к языковому сознанию, языковому чутью народа, к самому «духу языка» вполне закономерны.

Одно из распространенных проявлений ограниченности традиционной точки зрения на язык, на наш взгляд, — это неоправданное наделение его, казалось бы, верными со стороны отражения объективной действительности, но чуждыми естественной природе языка элементами и изучение уже не реального языка, а языка, самими исследователями так или иначе предварительно измененного. Однажды было сказано, что для того чтобы наиболее точно представить, как муравьи воспринимают рентгеновское излучение, надо самому стать муравьем. Но реально стать

муравьем человек не может, а муравей не может осознавать, а следовательно, и изучать свои «ощущения». В аналогичной ситуации оказываются иногда и лингвисты: они и реальные носители языка, но в то же время уже и не рядовые, а обученные (т. е. воспитанные в том или ином лингвистическом направлении, той или иной лингвистической школой) его носители. И воспринимать свой родной язык так, как воспринимает свой вариант национального языка каждый его обычный носитель, они уже, по-видимому, не могут. Л. В. Щерба, как известно, настойчиво подчеркивал необходимость обращения лингвистов к собственному языковому чутью, языковому сознанию, не находя в таком обращении ничего предосудительного [Щерба, 1974, с. 24–39], и возражал против классификации слов «по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам» [Там же, с. 64]. К сожалению, это возражение ученого было услышано далеко не всеми. Однако на практике довольно часто, несмотря на всё разнообразие выдвигаемых исследователями принципов описания абстрактных языковых систем, отмечается стремление к изучению языковых фактов именно такими, какими они реально существуют в головах носителей языка. Это проявляется, например, в последовательном разграничении научного и бытового (формального, обыденного, обиходного, наивного) понятий, ближайшего и дальнейшего значений слова, в установлении семантических связей между отдельными значениями многозначного слова, деривационных отношений между производящей и производной основами, в разграничении живой и мертвой метафор и т. п.

Хорошо известно, что каждый язык по-своему отражает и преломляет предметно-смысловую область действительности [Шмелев, 1973, с. 14; Общее языкознание, 1970, с. 80]. Более того, можно сказать, что каждый язык, по-своему преломляя действительность, в определенной мере еще и «извращает» ее. Давно отмечено также, что это ни в коей мере не мешает вполне достаточному пониманию друг друга людьми, общающимися на таких наивных и «алогичных» языках, а скорее наоборот, придает этому общению очень яркий национальный колорит, позволя-

ет увидеть не черно-белую, а красочную картину мира. Для нас, например, в повседневном обиходном общении действительно встает и садится (или поднимается и опускается) солнце, стоит пепельница и лежит блюдце, просыпается деревня, бежит время и т. д. Однако иногда исследователь, хорошо знающий объективную расстановку вещей в природе, не может примириться с этими «извращениями», с этой наивностью и алогичностью и начинает, так сказать, «научно» выпрямлять язык, достраивать и подстраивать его под «научность». Но фактически именно здесь и начинается действительное извращение реального языка, его естественной природы. Язык, несомненно, необходимо изучать таким, какой он есть — со всеми его «вывихами», «сдвигами», «изломами» и т. п., какими бы абсурдными они ни казались со строго научной (объективной) точки зрения на всю остальную окружающую действительность.

Вот несколько примеров.

Звук как физическое явление представляет собою колебания упругой среды, прежде всего воздуха. Но подойти с этой стороны к живой человеческой речи (устному тексту) — это действительно подойти к ней только с одной стороны, и далеко не с самой важной.

Исследователи языка уже не раз задавались вопросом: почему говорящие люди не замечают реально существующих физических (акустических) различий между звуками и очень часто совершенно различные по своим характеристикам звуки принимают практически за один и тот же звук, идентифицируют их как одинаковые [см., напр.: Шаумян, 1952, с. 324]. Но люди не замечают этих различий именно потому, что они их и (принципиально!) не должны замечать. Это дело приборов. Определяющим для реально общающихся людей являются не физический, а функционально-социальный и социально-психологический аспекты языковых явлений. Поэтому в физическом [Y] они всегда увидят для себя [X], если этот [Y] в силу тех или иных причин психологически (не физиологически!) воспринимается ими как [X][37]. Однако иногда исследователи языка не могут избавиться от иллюзии существен-

[37] Ср., например, фонетическую интерпретацию предударных гласных в словах *сама́* и *сома́* московской и ленинградской фонологической школами.

ности фактического (физического, объективного) звучания, даже если оно действительно оказывается практически нерелевантным для реально общающихся на том или ином языке людей. Более того, попытки отхода от этой иллюзии нередко пресекаются под флагом борьбы с идеализмом [Берштейн, 1952]. Но никакого идеализма здесь, конечно, нет, а есть лишь реальные люди с их реальными психическими (т. е. идеальными) восприятиями. Называть же идеализмом изучение идеального (духовного) мира человека, реальных явлений его психики явно совершенно бессмысленно[38]. Другое дело дать объективную оценку самих этих идеальных (иногда и достаточно субъективных) восприятий. Сделать это помогают прежде всего психолингвистические эксперименты. Но даже априори можно, например, предположить, что большинством рядовых носителей русского языка фонетический облик слов *тата* [tátα] и *тятя* [t'át'α] различается не по качеству (твердости-мягкости) согласных [t] и [t'], как принято считать, исходя из заранее разработанной по определенным принципам схемы, а по качеству (степени продвинутости и подъема) гласных [a] и [ä], [α] и ['α] — [tátα] и [t'ät'α]. Другими словами, дифференциальными, фонематически значимыми для неискушенных носителей языка, скорее всего, будут не согласные, а гласные в их реальном восприятии. Вполне вероятно также, что эти восприятия могут быть различимыми, например, у дошкольника и школьника, студента-филолога и нефилолога, у носителей разных вариантов национального языка и т. д. Но все это как раз и будет той языковой реальностью, которую надлежит изучать такой, какова она есть.

Следующий пример. Во многих учебниках по фонетике и фонологии говорится о непрерывности потока речи и о невозможности членения речи на отдельные звуки, но только на варианты фонем с функциональной точки зрения, и действительно, с естественнонаучной (не гуманитарной) точки зрения на физические явления, с точки зрения акустики и т. п. какого-то отдельного,

[38] Т. П. Ломтев писал в 1970 г.: «В настоящее время основное отклонение от марксистской теории познания связано с отрицанием существования идеального как отражения материального. Признание существования идеального как отражения материального, квалификация знаний, мыслей как идеальных образований признается субъективизмом» [Ломтев, 1976, с. 247–258].

«стерильного» звука мы не найдем не только в человеческой речи, но и нигде в природе. В физическом мире нет и никаких четких границ между последовательными звуками. Никаких точных границ между отдельными звуками человеческой речи, взятыми в их последовательности, конечно, также не существует. Но не это главное. Ведь совершенно не случайно овладение именно членораздельной (!) речью стало одним из важнейших этапов в процессе становления человека — «человека говорящего», «человека мыслящего». Реальный общающийся человек наперекор естественной природе в своем психическом (не физиологическом) восприятии (в случае обращения к этой стороне языка) неизменно членит звучащую речь именно на звуки, на дискретные фонетические единицы. В этом прежде всего проявляется одно из чрезвычайно важных свойств человеческой психики: замечать главное, существенное, значимое и т. п. и не замечать, абстрагироваться от второстепенного, несущественного, не имеющего значения (в данном случае — «тонкости» звуковых переходов между вариантами фонем). Представление собственного звука для реальных людей в их обыденной жизни действительно существует. Лучшим естественным доказательством тому является возникновение на заре цивилизаций буквенного письма. Это свидетельствует только об одном: люди, начинавшие осознавать свой язык, начинали осознавать в речи отдельные звуки, начинали осознавать ее дискретность, членораздельность[39]. Не учитывать этого — значит уходить в область чистых абстракций, очень «научно» отрываясь от самого естества языка, от того, каким он реально существует в головах его «бесхитростных» носителей. И это с каждым днем становится все более понятным. Очевидно именно поэтому в указанных еще Л. В. Щербой трех аспектах фонетических явлений — акустико-артикуляционном, функциональном (фонологическом) и социальном (психологическом) — в наше время все больше внимания начинают уделять двум последним [Бондарко, 1977; 1981], т. е. происходит переориентация от изучения собственно

[39] Ср. запись «непрерывной» музыки («музыкальной речи») при помощи «прерывных» нот и т. п.

физических явлений как таковых к изучению их лингвистических функций в процессе речевого общения людей и их психологического восприятия в тех или иных языковых коллективах.

Приведем пример из области морфологии. Л. Л. Буланин считает, что в понятии принадлежности (имеются в виду содержательные признаки притяжательных прилагательных), «несомненно, отражаются отношения собственности, свойственные и специфичные лишь для человеческого общества» [Буланин, 1976, с. 77]. Эти отношения проявляются в выражениях типа *Петин мяч* и *Петин портфель* и совершенно чужда выражениям *Петин дом*, *Петина комната*, *Петин голова*, а тем более сочетаниям *волчья нора*, *волчья шкура*, где речь идет о «норе, в которой жил (живет) волк, о шкуре, находящейся на волке» [там же]. Конечно, со стороны научного взгляда на действительность (не на язык!) все это абсолютно верно. Бессмысленно говорить о «голове, принадлежащей Пете», или о «шкуре, принадлежащей волку» (впрочем, «находящейся на волке» нисколько не лучше). Но все это вовсе не бессмысленно с точки зрения нашего «наивного» языка, совершенно реального в этой своей наивности. У реального языка свое особое царство, в котором хорошо уживаются явления, казалось бы, не совместимые в объективной действительности. Обусловлено это всем ходом его исторического развития[40]. Весьма существенно также, что речь в данном случае идет прежде всего о грамматической категории притяжательности, а не об отношениях в мире вещей, людей и животных. Здесь, как это уже не раз было убедительно показано различными исследователями [см.: Кацнельсон, 1965], нет и не может быть прямых и однозначных соответствий, так как это хотя и взаимосвязанные (одно является отражением другого), но принципиально разные явления.

Особенно заметной, как уже отмечалось, несостоятельность прямолинейно-логического подхода к языку человека становится в случае формализации, структурализации и т. п. его содержательной стороны (семантики, смысла, значения и т. д.).

[40] О прочном сохранении в языке «очень архаичных моделей миропонимания» см. в статье П. Н. Денисова [Денисов, 1963, с. 41].

Необходимость формализации семантики обычно объясняют стремлением избавиться от субъективных моментов исследования, желанием придать получаемым моделям лингвистического объекта более структурированную форму, применить математические методы описания и т. п. В связи с этим обычно ставится задача «не обращаясь к анализу значения, выявить связи слов и соответствующие группы слов» [Шайкевич, 1963, с. 15] или «исследовать внутренние свойства языковых единиц без прямого обращения к их (единиц) содержанию» [Плотников, 1971, с. 3] и т. п.

В отечественной науке хорошо известны работы в этом направлении А. К. Жолковского, И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна[41], Ю. Н. Караулова и др. Так, например, Ю. Д. Апресян считает, что «задача исследователя, поставившего себе целью создание теории, состоит именно в том, чтобы формализовать наши первоначально интуитивные знания об объекте», и что «только формальная теория допускает экспериментальную проверку и однозначную передачу наших знаний другим лицам» [Апресян, 1966, с. 15–16]. Признавая полную правомерность формального подхода к языковым явлениям в определенных случаях, необходимо в то же время напомнить о том, что формализовать (а следовательно, и описать математически) можно лишь то, что принципиально подлежит формализации, а именно саму форму (структуру). Исходя из признания сложного диалектического единства формы и содержания, мы, несомненно, должны признать и возможность исследования содержательной стороны языка путем исследования его формы: знания о форме должны дать какие-то знания и о содержании. Однако не следует забывать, что анализ содержания через анализ формы — это лишь один из возможных способов его (содержания) анализа, и способ не основной, а вспомогательный: «Любая формализованная теория беднее соответствующей ей содержательной теории: выигрывая в точности, она достигает этого за счет сознательного отвлечения от многих сторон рассматриваемого содержания»

[41] Имеется также критическое рассмотрение основных положений этого направления [Котелова, 1975; Колшанский, 1975].

[Краткий словарь по философии, 1982, с. 370]. Неоправданная абсолютизация и универсализация формальных методов находят, например, отражение в чрезвычайно обедненной, по нашему мнению, интерпретации понятия «смысл» в ряде формально-семантических исследований.

В основе целого ряда формально-структурных описаний языковой семантики лежит признание того факта, что, по словам И. А. Мельчука, «е с т е с т в е н н ы й язык — это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук, 1974, с. 9]. При этом:

1. Смысл недоступен в прямом наблюдении.
2. Смысл есть некий конструкт.
3. Чтобы со смыслом можно было обращаться в рамках научного исследования, мы должны уметь его описывать на некотором формальном языке.

Сходных взглядов придерживается и Ю. Д. Апресян: «Говоря о разных способах выражения одной и той же мысли, или о семантическом тождестве внешне различных высказываний, мы имеем в виду, что существует некий не данный нам в прямом наблюдении с е м а н т и ч е с к и й язык, или „язык мысли“». Поэтому «производство осмысленного предложения можно представить как перевод с семантического языка на естественный, а понимание предложения — как перевод с естественного языка на семантический» [Апресян, 1966, с. 253].

Всё это приводит авторов отмеченных работ к признанию абсолютной смысловой тождественности синонимических выражений типа: *эта мысль приводит его в ужас (трепет)*, *наводит на него ужас (страх)*; *при (от) этой мысли он приходит в ужас*, *испытывает ужас* (*страх, трепет*) и т. п. Полностью тождественными по смыслу признаются также естественные высказывания и их формальные преобразования на искусственный семантический язык. Например: «Косте удалось победить (X-а в U)» и «этот мужчина по имени Костя каузирует действовать (т. е. пускает в ход) У, являющийся его ресурсами, с целью победить X-а в U, и это — наряду с Z , не зависящем от Кости, — каузирует победу Кости, ко-

торая имеет место однократно до момента речи» [Мельчук, 1974, с. 31, 67]. Употребление идиоматичного и, по существу, не переводимого на другие языки глагола *подмывать* в предложении *Его так и подмывало спросить, где же Иван был раньше* преобразуется Ю. Д. Апресяном на семантический язык следующим образом: «Внутренний фактор каузировал X-а хотеть сделать (точнее: исполнить «хотение». — *Г. М.*) В, и X с трудом каузировал себя воздерживаться от В» [Апресян, 1974, с. 108]. Однако именно с м ы с л ы таких, например, выражений, как *он хотел пойти в кино*, *ему хотелось пойти в кино*, *он стремился пойти в кино*, *его подмывало пойти в кино*, *он желал пойти в кино* и т. п. являются различными и в целом неповторимыми (уникальными). Каждая из этих фраз выражает именно то, что только она одна должна и может выражать: *мне хотелось* — это и есть ‘мне хотелось’, а *меня подмывало* — это и есть ‘меня подмывало’ и т. п. А еще точнее, каждая фраза (высказывание) выражает только то, что она и только она должна выражать в той или иной конкретной ситуации. Утверждение семантического тождества (т. е. равенства при всех условиях) синонимичных словесных преобразований вольно или невольно ведет к необходимости признания раздельности, некоего параллелизма и т. п., а не диалектического единства формы и содержания. Каждый смысл существует в нас не сам по себе, он сформирован при помощи языка и существует в языке (в языковом оформлении). Так, например, выражение *меня подмывало* (сделать что-нибудь) значит для нас ‘меня подмывало’ именно потому, что это его значение сформировано в сознании носителей языка всем опытом их жизни совместно и неотделимо от всего их языкового опыта, т. е. от опыта встреч с данным выражением в процессах реального речевого общения людей, а следовательно, с коллективным опытом предшествующих и нынешних поколений. Словом, это значение неотделимо от всего культурно-исторического опыта народа.

Исходя из признания тождественности, абсолютного равенства семантики левой (значение толкуемого слова) и правой (значение самого толкования) сторон толкового словаря, исследует семантические связи слов Ю. Н. Караулов. Так, еще в 1976 г.,

отказываясь от не удовлетворившей его идеи создания «искусственных семантических языков», но не от идеи анализа по семантическим множителям, он предлагает, по его мнению, более «естественный» способ определения этих множителей, а именно: понимать под семантическими множителями всякие полнозначные слова, использованные в правой частя (на «выходе») толкового словаря» [Караулов, 1976, с. 181–182]. В более поздней работе Карауловым утверждается необходимость расценивать в качестве семантических множителей «всякое слово на выходе (в дефиниции) толкового словаря. Тем самым два слова считаются связанными друг с другом, если имеют хотя бы один общий семантический множитель (компонент)» [Караулов, 1980, с. 5]. На этой основе и был создан вышедший в 1982 г. «Русский семантический словарь», произведенный, как сказано его авторами, «обыкновенной, хотя и умудренной хитроумными программами электронно-вычислительной машиной» [Русский семантический словарь, 1982, с. 3]. Недостатки (как и определенные достоинства) этого словаря хорошо известны. По нашему мнению, истоки большинства из них кроются прежде всего в ложности самой основной посылки: левая сторона словаря = правая сторона словаря. А это, естественно, разрушает и все дальнейшие построения. Толкование значения в словаре вовсе не есть само это значение. Оно для этого просто не предназначено, это не его функция. Поэтому толкование не заменяет значение слова и не идентично ему как по о б ъ е м у (количеству признаков, «семантических множителей», «компонентов» и т. п.), так и (что значительно важнее!) по к а ч е с т в у их с о д е р ж а н и я (семантике). Словарное толкование даже описательного типа только указывает на значение толкуемого слова с той степенью точности, определенности, которых достаточно дня «опознания» этого значения рядовым носителем языка.

Еще раз подчеркнем, что значение каждого слова есть, так сказать, прерогатива самого этого слова, выражается и передается т о л ь к о этим словом и полностью равноценных эквивалентов практически никогда не имеет (весьма немногочисленными дублетными наименованиями можно, конечно, пренебречь).

Поэтому любые перифразы могут лишь с большей или меньшей точностью указывать на значения перифразируемых слов и выражений, но не заменять эти значения в их полном объеме. Поэтому же между правой и левой сторонами толковых словарей никогда не может быть поставлен знак равенства.

Истоки подобной приведенным выше примерам неправомерной «логизации» (онаучивания) языка, а также неуместного и необдуманного применения формально-структурных методов его исследования заключаются, как уже отмечалось, прежде всего в признании существования языка только в материальной форме (т. е. в понимания его исключительно как некой самостоятельной объективной сущности, независимой от человека языковой системы и т. п.) и в скептическом отношении (или же полном неприятии) к языку во второй (идеальной) форме его существования. Из этого закономерно следует, что язык необходимо изучать точно так же, как и все остальные природные явления: звезды, атомы, минералы, растения, животных и т. д. А это уже относится к самим методологическим основам лингвистических исследований и проявляется прежде всего в вульгарно-прямолинейном привнесении методов естественных и «точных» наук в гуманитарную область знаний, а иногда и в полной подмене одних методов (гуманитарных наук) другими (методами точных и естественных наук). Однако в гуманитарной области действительности, как известно, властвуют свои собственные, неповторимые и не воспроизводимые в других ее областях законы, предопределяющие и свои собственные методы изучения этой области.

Наука едина [Дмитриев и др., 1990, с. 55–66]. Частные науки — различны. Различны и совокупности методов (методологии), применяемых в отдельных науках. И в этом нет никакого противоречия, а есть реальная диалектика. Поэтому широко распространенное требование «поверить алгеброй гармонию» является всего лишь результатом казуистики и словесных передергиваний. А. С. Пушкин словами Сальери утверждает именно несостоятельность и примитивизм деятельности подобного рода: *Ремесло поставил я подножием искусству; Я сделался ремесленник: перстам Предал послушную сухую беглость И*

верность уху. Звуки умертвив, Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию.

В то же время несколько прямолинейный естественнонаучный подход к «речевой деятельности» отмечается и в некоторых психолингвистических исследованиях, хотя явления психического (идеального) уровня (языковое сознание, языковая способность, языковая компетенция и т. п.) занимают одно из центральных мест в психолингвистике. При этом идеальное либо вообще изгоняется из научного обихода, либо растворяется в материальных явлениях, а все процессы речевой деятельности сводятся непосредственно к различным видам движения материи — от энергетического до нейронного, кинематического, звукового и т. п. В этом случае общающиеся люди (к сожалению, как правило, не наоборот) уподобляются техническим устройствам различной степени сложности (передатчикам, приемникам и т. д.), не генерирующим в речемышлении новую, а лишь обменивающимся уже заранее готовой информацией, а еще точнее, как принято утверждать в этих исследованиях, возбуждающим друг в друге при помощи соответствующих звуковых сигналов («тел знаков») аналогичные, заранее существующие в сознании людей смыслы [Сахарный, 1989, с. 13–23; Лингвистическая прагматика, 1989, с. 5–34]. О неправомерности подобного рода разрыва формы и содержания уже говорилось. Кроме того, при таком подходе выработка самих смыслов, получение нового знания и т. п. непосредственно в процессах речемышления и коммуникации ставятся под большое сомнение. Речевое общение людей, несомненно, происходит на основе различных видов движения материи, но оно не суть сами эти движения. Речевое общение людей в процессе их той или иной деятельности есть качественно особый уровень коммуникации — уровень обмена собственно содержаниями (смыслами) в виде звуков (воплощенными в звуки), а не звуками как таковыми, лишь возбуждающими соответствующие смыслы. Такова собственно психологическая реальность речевого общения и, очевидно, именно она в первую очередь должна стать предметом науки, называющей себя психолингвистикой. Тезис «идеальное исчезло», в той или иной форме все чаще начавший звучать в конце XX в.,

по-видимому, ничуть не более перспективен, чем тезис «материя исчезла», настойчиво утверждавшийся в конце XIX в.

Особенно ясно «исчезновение идеального» прослеживается в трудах представителей естественных наук, занимающихся изучением явлений, связанных с «речевой деятельностью» (см., например, исследования группы Н. П. Бехтеревой). В подобных работах человек также обычно превращается в сложную биохимическую и биофизическую машину, а вся его речемыслительная деятельность сводится лишь к соответствующим материальным процессам. Известно, однако, что мыслят не сами биохимические и биофизические процессы, не мозг человека сам по себе (мозг «в человеке») и даже не само мышление, а лишь сам человек на основе биохимических и биофизических процессов, л и ч н о с т ь при помощи мозга (рассуждая, думая, обмениваясь мыслями и чувствами и т. д., и т. п.). И мыслит каждая нормальная личность не при помощи левого или правого полушария мозга, передних (лобных) или задних (затылочных) его долей, коры или подкорки и т. п., а при помощи мозга во всей его целостности, включая, очевидно, и периферийную нервную систему. Словом, и речемыслительная, и коммуникативная деятельности осуществляются самой личностью, а не участвующими в этих деятельностях органами.

Конечно, не учитывать все разнообразные явления, имеющие отношение к речевому общению, исследователь языка не может и не должен. Все дело в соблюдении необходимых пропорций, расстановке нужных акцентов, в отделении главного, существенного от второстепенного и малосущественного в каждом конкретном случае. Лингвисту можно и нужно изучать абстрактные языковые системы, собственно акустические свойства человеческой речи и нейрофизиологические процессы речевой деятельности, сами явления объективной действительности, находящие отражение в языке, и т. д. Но каждое такое изучение, проводимое с определенной целью, с одной стороны, будет неполным, частным, односторонним и ограниченным изучением, а с другой (что гораздо важнее) — оно лишь в незначительной мере затронет существенные стороны собственно самого языка (хотя и может быть полезным в каких-то других отношениях). К тому же, как

писал Ф. де Соссюр, «неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство» [Соссюр, 1977, с. 48]. Это единство, по нашему мнению, следует искать не в абстрактных языковых системах, на основе самых разных принципов конструируемых учеными («столько лингвистик, сколько лингвистов» — А. Мейе), а в реальном отношении носителей языка к речевым фактам, в реальном восприятии ими этих фактов, т. е. его следует искать на собственно п с и х о л о г и ч е с к о м (не «ниже» — нейрофизиология и т. п. и не «выше» — механика и т. п.) уровне[42]. Единственным подлинным потребителем и творцом языка является сам народ — и его «мастера», и его «подмастерья». Но и потребляет, и пользуется, и творит свой язык народ во многом, хотя, конечно, и не во всем (существует еще, к примеру, сознательно-нормализаторская деятельность лингвистов и т. п.), на основе своего собственного восприятия (осознанного и неосознанного) этого языка и его отдельных явлений, своего реального отношения к ним. То есть каким народ воспринимает свой язык в речи, текстах, таким он и отражается в сознании. И наоборот, каким отражается в сознании людей, таким он и воплощается, реализуется ими в речи, учитывая, конечно, творческий характер самой «речевой деятельности». Поэтому очевидно, что плодотворное изучение подлинной сущности языка во всей его конкретности (а время для движения, «восхождения» от абстрактного к конкретному в языкознании, по-видимому, уже наступило) совершенно неотделимо от изучения сущности самого человека, человеческой личности. В связи с этим на первый план выдвигается задача проверки «психологической реальности лингвистических моделей» (Дж. Миллер), выяснения «отношения между системой языка (языком как предметом) и языковой способностью» (А. А. Леонтьев). Поэтому системно-структурные исследования языка, проводящиеся на базе «языкового материала», непременно должны проходить проверку «на реальность, достоверность» (на отсутствие искусственности построения, конструируемости,

[42] «..Хорошее психологическое описание данного языка в данный момент времени само по себе способно дать понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем» [Щерба, 1915, с. XIX].

умозрительности и т. п.) в исследованиях «языковой способности», осуществляемых прежде всего с помощью психолингвистических экспериментов. И наоборот. В идеале результаты тех и других исследований не только не должны мешать друг другу, а тем более исключать друг друга, но они должны взаимно проверять достоверность друг друга, дополнять, уточнять и обогащать друг друга, а их результаты — обобщаться и затем подвергаться всестороннему анализу. Именно таким, как представляется, должен стать на современном этапе развития лингвистической науки сложный и противоречивый путь объективного познания этого совершенно феноменального явления — человеческого языка.

1991

К проблеме гносеологии лингвистики

Мир — музыка, а наука — его накипь
и случайное проявление.
А. Ф. Лосев

Современный этап развития науки характеризуется новым усилением внимания к проблемам общей и частной теории познания (гносеологии, эпистемологии). Отражается это в целом ряде научных публикаций как общефилософского, так и частнометодологического характера [см., напр.: Ильин, 1993; 1994; Наука и альтернативные формы знания, 1995; Панкратов, 1993; Познание и его возможности, 1994; Современные теории познания, 1992]. Понятно, что языкознание тоже не могло остаться в стороне, и многие лингвистические исследования 90-х годов так или иначе затрагивают самые разные вопросы методологии лингвистической науки, разговор о которых ведется, как правило, в связи с обсуждением проблемы «смен» научных парадигм. В частности, весьма показательны в этом отношении две большие и очень обстоятельные статьи Р. М. Фрумкиной, одна из ко-

торых прямо называлась «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» Основным констатирующим положением этих работ является утверждение, что «новая лингвистика не имеет собственной эпистемологии» [Фрумкина, 1995, с. 76] или, в лучшем случае, что «в современной лингвистике собственная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии» [Фрумкина, 1996, с. 55]. Свое программное заявление Р. М. Фрумкина формулирует следующим образом: «Так или иначе, доминанту современного состояния наук о человеке можно было бы назвать „Вперед, к Гумбольдту“» [Фрумкина, 1995, с. 105].

I

Современная лингвистика действительно не обладает своей теорией познания, и ее, несомненно, необходимо тщательно и целенаправленно разрабатывать. Однако теория познания, краеугольным камнем которой является проблема приобретения человеком знания, не есть наука только о собственно научном познании, т. е. именно о том познании, которое в основном и имеется в виду каждый раз, когда обсуждается соответствующий круг вопросов. Теория познания — это, как хорошо известно, наука о глобальном Познании, о глобальном получении Знания. Говоря о познании языка человека, мы, очевидно, вообще не можем ограничиваться только обсуждением проблем развития и совершенствования, кардинального изменения и переосмысления лишь собственно научной частной эпистемологии, собственно научной теории «среднего уровня». Радикальное решение вопроса в данном случае заключается в том, что познание человеческого языка, понимаемого в самом широком смысле (язык — речь — текст — речевое общение — речевые действия и операции — речевая деятельность и т. д.), получение истинных знаний о нем есть совершенно особый, уникальный и своеобразный вид познавательной деятельности людей, отличный от всех остальных ее видов, в том числе, несомненно, и от собственно научного.

Это объясняется, прежде всего, самой природой языка, существенными особенностями его основных сторон: формальной,

структурной, функциональной и содержательной, — причем наиболее уникальной является важнейшая (фундаментальная) сторона языка — его идеальное содержание. Природа, качество и свойства идеального (как бы мы к нему ни относились: первичное — вторичное, объективное — субъективное и т. д.) практически все еще не изучены и непонятны. Становится, однако, все более очевидным, что в нем, фигурально говоря, «всё не так», что в нем нет пространства и времени в привычном для нас смысле, а следовательно, нет и величин, измеряемых всеми известными нам способами[43]. Но именно это идеальное содержание в первую очередь и отличает язык (как и произведения различных видов искусств) от всех других объектов собственно научного (естественнонаучного, «точного», научно-технического) познания, требующего в конечном итоге строгой формализации и математизации знаний об исследуемом объекте[44]. Идеальное языковое содержание, сама та или иная идея, сам смысл, само значение, их «качество» и «количество» (но не форма, формальная структура мысли и т. п. — формальная логика), подлежащие изучению, принципиально не могут быть измерены, исчислены и формализованы (как и идеальное содержание произведений искусств, как и вообще всё идеальное содержание).

Так, уже на протяжении двух с лишним десятилетий большое внимание лингвистов привлекают семантические исследования А. Вежбицкой. В нашу задачу в данном случае не входит их подробный разбор, да и сказано об основных принципах

[43] См., например, работы В. Ф. Нечипоренко [Нечипоренко, 1982а; 1982б]. Весьма своеобразно трактует понятия пространства и времени применительно к пси-явлениям, идеальному и т. п. парапсихология [Дубров, Пушкин, 1989].

[44] От Античности (Пифагор, Архимед, Евклид) через Возрождение XIV–XVII вв. (Г. Галилей, И. Ньютон, Г. Лейбниц) до Нового времени (Д. И. Менделеев, А. Эйнштейн, Н. Борн) получение истинного знания, а затем и саму науку принято связывать со строгими логическими построениями, формализацией и исчислениями: «Наука начинается с тех пор, как начинают измерять» (Д. И. Менделеев). Ср. также: «Задача исследователя, поставившего себе целью создание теории, состоит именно в том, чтобы ф о р м а л и з о в а т ь наши первоначально интуитивные знания об объекте» [Апресян, 1966, с. 15]. Отметим постоянное противопоставление в работах такого направления «научного» и «интуитивного», что будет существенно для нас в дальнейшем.

концептуального анализа (КА) с использованием специально созданного для его осуществления семантического метаязыка (СМ) достаточно много. Отметим лишь, что ряд исследователей (Р. М. Фрумкина, Е. В. Падучева и др.) одно из важнейших достижений А. Вежбицкой видят не только (а возможно, даже и не столько) в полученных ею конкретных результатах, но и (особенно!) в экспликации как самого метода КА, так и его «работы», непосредственного действия, то есть «экспликации процесса концептуального анализа и содержания концепта» [Фрумкина, 1995, с. 91]: «…ученый должен твердо знать, какой из возможных для его предмета теорий среднего уровня он придерживается, и уметь эксплицировать свой выбор» [Там же, с. 79][45].

В связи с этим необходимо отметить следующее.

1. Сам метод «интроспекции» (самонаблюдения, самоанализа) далеко не нов не только в психологии, где его применение давно уже стало обычным делом, но и в лингвистике. В семантических исследованиях он долгое время просто не декларировался, так как никто не видел в этом никакой необходимости. Однако на уровне «здравого смысла», «чутья языка», интуиции и т. п. он используется ровно столько, сколько существуют сами семантические (лексико-семантические) исследования[46]. И чем иным, как не «углубленным анализом собственной языковой интуиции», можно объяснить, например, изысканный анализ А. А. Потебни (теперь уже ставший хрестоматийным) конкретного языкового материала (*верста*, *арбузик* и т. д.) при решении фундаментальных проблем слова и его значения [Потебня, 1958, с. 13–20] или тончайшие наблюдения Б. А. Ларина над «приращениями смысла» слова в художественной речи в его классических семантических этюдах

[45] «СМ Вежбицкой — один из немногих семантических языков, имеющих эксплицитно описанный синтаксис…» [Падучева, 1996, с. 13]. Ср., однако: «Лингвист, строящий модель (в самом широком смысле. — *Г. М.*) языка под углом зрения той или иной конкретной задачи, должен ясно представить себе эту задачу и… степень применимости той или иной конкретной методики исследования» [Леонтьев, 1965, с. 47].

[46] Вежбицкая «многократно подчеркивает, что ее концептуальный анализ основан на интроспекции, углубленном и целенаправленном анализе собственной языковой интуиции» [Мостовая, 1989, с. 52].

«О разновидности художественной речи» (1922) и «О лирике как разновидности художественной речи» (1925) [Ларин, 1974, с. 27–105]. Примеров подобного рода «традиционного» анализа семантики можно привести множество. И хотя всё это в строгом смысле слова не наука, истинность и принципиально возможное высокое качество добываемой в таких исследованиях информации не вызывают сомнений. Существенно, что никаких метаязыков, кроме «естественного», при этом не требуется, и мы можем себе только представить, во что превратились бы подобного рода описания значений «естественных» языков при применении в этих описаниях любых «искусственных» языков и каково было бы в этом случае качество полученных нами знаний, даже если бы таким языком был наиболее совершенный из них — язык эсперанто[47].

Одним из первых на существенную роль, правомерность и необходимость корректно осуществляемого экспериментирования и самонаблюдения («интроспекции») открыто («эксплицитно») еще в 1931 г. указал Л. В. Щерба: «Для меня давно уже стало совершенно очевидно, что путем непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, „значений“ условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментируя, т. е. создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая полученные при этом „смыслы“, можно сделать несомненные выводы об этих „значениях“ и даже об их относительной яркости» [см.: Звегинцев, 1965, с. 369]. А это как раз и есть не что иное, как метод «тренированной интроспекции», применяемый лингвистом-профессионалом. Сознательно, целенаправленно и эксплицитно обосновывать методологию своих лингвистических (семантических) штудий у нас в стране начали в основном лишь с конца 50-х — начала 60-х годов XX в., прежде всего исследователи, стремившиеся к использованию формальных методов изучения языкового материала. Так, оригинальная методология описания смыслов основательно была разработана и вполне откровенно заявлена представителями

[47] Отметим, что СМ Вежбицкой вполне можно рассматривать в качестве своеобразной (предельно компактной, компрессированной) разновидности искусственных интернациональных языков [примеры описания на СМ см.: Вежбицкая, 1996, с. 336–370].

так называемой Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук), одним из последователей которой является и А. Вежбицкая. Однако и здесь в конечном итоге все же не обошлось без обращения к интуиции, хотя и весьма своеобразного. С одной стороны, интуиция практически полностью исключалась из формально-структурных описаний смысловой стороны языка-речи: «...поскольку в традиционной лингвистике нет полного формального описания значений, так называемый „семантический критерий“ является чисто интуитивным... Однако интуиция не может использоваться как решающее средство доказательства, так как в этом случае становится невозможным отчуждение и однозначная передача знаний» [Апресян, 1966, с. 15]. С другой — без нее все же не обойтись, и интуиции кладется в основу определения базового понятия соответствующих формально-семантических изысканий — понятия смысловой равнозначности: «С формальной точки зрения понятие равнозначности является у нас неопределяемым. Содержательно же некоторые тексты называются равнозначными, если носители данного языка утверждают, что „эти тексты означают одно и то же“, что „в них содержится одна и та же информация“. Проще говоря, понятие равнозначности текстов принимается как интуитивно очевидное» [Мельчук, 1974, с. 10]. Таким образом, все дальнейшие предельно формализованные семантические преобразования осуществляются авторами этих работ на основе практически полной неопределенности (точнее принципиальной неопределяемости с необходимой для таких исследований точностью) фундаментальной категории разрабатываемой ими концепции.

Весьма примечательно, что большинство исследователей, ратующих за «строгость» научных описаний семантики, в конечном итоге, так или иначе, апеллируют именно все к той же интуиции: либо как к начальному моменту своих исследований[48], либо как

[48] Э. В. Кузнецова, например, при проведении компонентного анализа значений слов (описание семантики на основе метаязыка семантических множителей) обращается в начальной стадии своих исследований к интуиции лексикографов: «...интуиция каждого отдельного исследователя в достаточной мере субъективна. В этих условиях естественно обращение к одноязычным толковым словарям, в основе которых лежит интуиция лексикографов-профессионалов» [Кузнецова, 1989, с. 35].

к чуть ли не основному критерию истинности и средству контроля полученных в результате применения формальных процедур результатов[49].

2. Описание семантики языка, «языковых концептов» путем проникновения при помощи искусственно созданных семантических языков в результаты «тренированной» (А. Вежбицкая) или «нетренированной» (И. А. Мельчук) интроспекции и представление затем в терминах (+синтаксис) этих же языков «естественной» языковой семантики ни в коей мере не решает ставящейся в этом случае конечной задачи исследования — дать строго научное (формализованное, однозначное и т. п.), но в то же время и совершенно адекватное, исчерпывающее «толкование» определенного языкового значения (концепта, понятия и т. п.). Основные недостатки такого рода исследований хорошо известны и уже неоднократно обсуждались в научной литературе[50]. Существенным здесь является все же не бесконечное (сколь угодно уточняемое и «утончаемое») совершенствование инструментария (метаязыка), а его принципиальная непригодность для качественного решения поставленной задачи, в частности в силу обратно пропорциональной зависимости ее составляющих. Кроме того, собственно языковые концепты (бытовые, наивные, обывательские, повседневные понятия, «ближайшие значения» (А. А. Потебня), «умственные образы» (М. Г. Ярошевский) [см.: Касевич, 1996] и т. п.), чтобы быть адекватно воспринятыми («понятыми»), непременно должны быть не только любым способом и сколь угодно подробно «рассказаны» («растолкованы»), но и,

[49] Так, проведя дистрибутивный анализ английских прилагательных, А. Я. Шайкевич делает вывод: «Анализ результатов исследования показывает общую правильность выдвинутой нами гипотезы. Выделенные „семантические поля“ лишь в редких случаях противоречат нашему интуитивному представлению о смысловой классификации английских прилагательных» [Шайкевич, 1963, с. 25].

[50] Показательно, что Р. М. Фрумкина, отмечая критику толкований Вежбицкой за неточность, неполноту, пространность и т. п., основное внимание, однако, уделяет следующему моменту: «А вот вопрос о том, насколько законен сам метод интроспекции, с помощью которого эти толкования были получены, почему-то не обсуждался» [Фрумкина, 1996, с. 58].

что очень важно, прочувствованы и пережиты[51]. А достижение этого абсолютно невозможно с помощью использования даже наиболее изощренных и ухищренных семантических языков (метаязыков), так как мир человеческого чувства (непосредственно самого чувства, а не рассказа о нем) таким языкам принципиально недоступен в силу самой их исключительно рациональной (по предназначению) природы[52]. Мир этот, и то далеко не в полной мере, может быть доступен лишь обычному человеческому слову, прежде всего слову в его эстетической (поэтической, художественно-образной) функции и высшей форме проявления последней — поэзии. Поэтому как бы мы ни нападали на интуитивизм в языкознании за его якобы неопределенность, субъективность и многое другое[53], мы в конечном итоге все же непременно вынуждены признать, что «чутье языка народом» — «не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактически» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2, с. 60]. «Чутье языка» есть неотъемлемое свойство человека — как рядового носителя языка, так и лингвиста-профессионала. Оно во многом родственно «чутью музыки» и представляет собой особый дар (как и музыкальный), которым владеют все нормальные люди, но далеко не в равной мере. Само же языковедение должно стоять в ряду не с металловедением, а с музыковедением. Последнее, однако, в той своей части, в которой оно занимается исследованием, можно сказать, музыкальной семантики, анализом и интерпретацией содержательной стороны музыкальных произведений и т. п., ни

[51] Язык — это, несомненно, также и наука, но прежде всего он — миф (быт) и поэзия (былины, песни, сказки, стихи, и т. д.).

[52] Заметим, что само переживание, например, чувства страха (идеальное), выражение страха (прагматика и паралингвистика) и наименование страха (лексическая семантика) далеко не одно и то же. Разграничение прагматики и семантики, в толковании которых Вежбицкая не видит принципиальной разницы, нам представляется особенно существенным.

[53] «В современной лингвистике сохранилось много пережитков... и страшнейшим из них является интуитивизм — бесконтрольное введение в лингвистику интуиции, „языкового чутья“ носителя языка» [Леонтьев, 1965, с. 41].

в коей мере не есть и не может быть наукой, а может быть лишь искусством, основывающимся прежде всего непосредственно на «чутье музыки» музыковеда-профессионала, сродни которому и «чутье языка» языковеда-профессионала[54]. Искусством же, во всяком случае в значительной степени, является и семантический анализ естественного человеческого языка, как и вся герменевтика в самом широком смысле. Однако классический пример одной из величайших трагедий, явившейся результатом деятельности ремесленника, постаравшегося «трудом», «усердием», «усильным, напряженным постоянством» «умертвить звуки», «музыку разъять как труп», «поверить алгеброй гармонию» (музыку) и т. п., многих, к сожалению, так ничему и не научил. И то, что в свое время пытался сделать с музыкой литературный герой, в наши дни с великим усердием пытаются делать с языком вполне реальные люди. Итог же (самый последний, конечный и неизбежный) всего этого хорошо известен: «...нет правды на земле, Но правды нет и выше».

В свое время Л. С. Выготский писал: «С исследователем, который, желая разрешить проблему мышления и речи, разлагает ее на речь и мышление, происходит совершенно то же, что произошло бы со всяким человеком, который в поисках научного объяснения каких-либо свойств воды, например, почему вода тушит огонь... прибег бы к разложению воды на кислород и водород как к средству объяснения этих свойств» [Выготский, 1956, с. 46]. И в связи с этим противопоставлял анализ «по единицам» анализу «по элементам» [подр. см.: Леонтьев, 1967, с. 82–83]. Представляется, что последовательный учет данного разграничения необходимо соблюдать также и при анализе содержательной (не формальной!) стороны «естественного» языка, его смыслов, значений и т. п. Но именно о нем как раз и забывают «товарищи ученые», настойчиво «разлагающие» (точнее, лишь пытающиеся разлагать) реальные, «естественные» смысловые молекулы (единицы), на их псевдореальные, «искусственные» семантические

[54] Основное различие здесь, однако, заключается в том, что музыковед говорит о музыке на естественном языке, а языковед — самим «естественным» языком о самом же «естественном» языке.

атомы — элементы СМ разного рода[55]. Постоянные же упреки Вежбицкой лингвистам в «лености ума» явно недостаточны. Критерий «лености / нелености» необходимо рассматривать только в единстве с критерием «ограниченности / неограниченности» (талантливость / бесталанность, одаренность / неодаренность). Тут возможны всего четыре варианта: «леность — ограниченность», «неленость — ограниченность», «леность — неограниченность» и «неленость — неограниченность». Каждому, несомненно, свое. Однако к чему обычно приводит «чистая усердная неленость», хорошо видно хотя бы на примере пушкинского Сальери.

II

В человеческом языке совершенно своеобразно проявляются взаимоотношения между многими фундаментальными категориями.

1. ***Материальное и идеальное***. Язык как система знаков и правил их употребления реально существует в сложном диалектическом единстве двух форм — материальной (в речи и ее результатах — устных и письменных текстах) и идеальной (в так называемом языковом «сознании» носителей языка), т. е. в данном случае (и, очевидно, т о л ь к о в данном) идеальное отражение материального явления есть в то же самое время действенная форма бытия самого этого явления (одна из двух его форм) [подр. см.: Мартинович, 1989б; 1991].

2. ***Форма и содержание***. Их соотношение по-особому реализуется в каждой из двух отмеченных форм существования языка. В *идеальной форме* — в виде «системы знаков, в которой единственной сущностью является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [Соссюр, 1977, с. 53], т. е. здесь идеальны как форма («акустический образ»), так и содержание («смысл») знака. В *материальной форме* — в виде системы знаков, в которой иде-

[55] Ср., однако, «конверсив»: «...единицы семантического языка — это те элементы („атомы“), из различных комбинаций которых складываются „молекулы“ — значения реальных слов естественного языка» [Апресян, 1966, с. 254].

альное содержание («смысл») материализовано в звуках человеческой речи, воплощено в них, преобразовано в них и представлено ими «другим людям и самому себе». Здесь материальны, хотя и по-разному, и форма знака (собственно материальна), и его содержание (материализовано в форме), «план выражения» есть в то же самое время и «план содержания», материальное — инобытие идеального[56].

3. ***Объективное и субъективное, социальное и индивидуальное***. Существование языка в двух формах свидетельствует также о том, что язык имеет о б ъ е к т и в н о - с у б ъ е к т и в н у ю природу. Собственно объективным, т. е. полностью не зависящим от человека, от сознания субъекта и т. п., можно и нужно признать лишь сам факт существования человеческого языка, то, что он вообще есть. Объективная действительность, проходя в отражении через двойное преломление[57], существует в головах индивидов в виде человеческих знаний, закрепленных в языке, — неотъемлемом «атрибуте человеческой природы»[58]. Ни один собственно человеческий язык нигде и никогда не существовал и не существует вне и независимо от людей, вне и независимо от человеческого сознания, от сознания мыслящего и общающегося человека, т. е. он субъективен и объективен ровно настолько, насколько объективно и субъективно само сознание.

В свою очередь, все и н д и в и д у а л ь н ы е формы существования и проявления (реализации) языка с о ц и а л ь н ы в своей основе, во всех своих наиболее существенных моментах, иначе речевое общение людей было бы просто невозможным. Поэтому затруднения, возникающие при «преодолении барье-

---

[56] Реально общающимися людьми порождаются и воспринимаются, конечно же, не просто звуки или начертания как таковые (что в подавляющем большинстве случаев вообще остается в подсознании), а именно само содержание, оформленное в виде звуков (или начертаний), — «звуки-смыслы», «звуки-значения» (или же «графы-смыслы», «графы-значения»).

[57] «...Уже в мышлении отражение действительности выступает до некоторой степени в преломленном виде, в сфере же языка оно получает дальнейшее преломление» [Общее языкознание, 1970, с. 80].

[58] «Язык как объект науки является уникальным и в том смысле, что он насквозь субъективен как атрибут человеческой природы» [Колшанский, 1975, с. 14].

ра между атрибутами „социальное“ и „индивидуальное“, которые надлежит приписывать одной и той же реальности», оказываются «мнимыми затруднениями» [Павлов, 1985, с. 7]. Как «идеальные», так и «материальные» языки, несомненно, будут в чем-то различными не только у отдельных индивидов, но и у отдельных социальных, профессиональных, территориальных, культурно-образовательных, возрастных и т. д. групп и коллективов. Но все эти различия, все возможные здесь противоречия относятся, как правило, к периферийным, малосущественным или же вообще несущественным областям языка и ни в коей мере не являются определяющими. В данном случае мы имеем дело лишь **с** одной из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания и всегда можем понять и объяснить наблюдающиеся расхождения в пределах этого соотношения. Следовательно, язык в идеальной форме своего существования не менее социален, чем в материальной, так как в своих важнейших моментах он практически идентичен у всех членов той или иной языковой общности, того или иного языкового коллектива, что закономерно следует из принципиально адекватного отражения каждым членом определенного общества характерной для этого общества «лингвистической среды обитания» («лингвосферы»), то есть языка в материальной форме.

4. ***Рационально-логическое и чувственно-эмоциональное, сознательное и бессознательное***. В реальном бытии «естественных» человеческих языков первое в этих противопоставлениях практически никогда полностью не отграничивается от второго**.** Положение о е д и н с т в е чувственных и рациональных начал психики человека, его познавательной деятельности в настоящее время практически является общепризнанным. Особенно ярко это единство проявляется в области языка и мышления (речемышления). В филогенезе оно обусловлено всем ходом их исторического развития и становления, в онтогенезе — развитием и становлением сознательной человеческой личности. Основу этих процессов составляет постепенное (поступательное), очень сложное превращение предметно-

ситуативного, конкретного, чувственно-наглядного мышления в мышление рациональное, надситуативное, абстрактное, рациональное.

Замечательной особенностью человеческой психики является то, что с возникновением новых, более совершенных форм мышления предшествовавшие им старые, более примитивные формы не отмирают окончательно и не исчезают полностью, а, качественно улучшаясь и совершенствуясь, продолжают существовать с ними в тесном единстве, входят в них. В сущности, здесь каждый раз происходит снятие новыми формами мышления старых. Именно в силу этого человеческое мышление, взятое в целом, оказывается явлением чрезвычайно сложным, разноаспектным и многогранным, что, несомненно, отражается и в языке человека.

Очень многое в отношении «человек — его язык» определяется самим процессом усвоения языка, деятельностью по «присвоению» той или иной языковой системы. Слово, и это хорошо известно, как в филогенезе, так и в онтогенезе первоначально неотделимо от предмета, синкретично с ним, и поэтому изначально «входит» в нас «вместе» с предметом (*с образом восприятия*) в качестве одного из многих (актуального в данный момент) признаков этого предмета, затем только в речи (*с образом представления* этого предмета, со значением этого предмета) и, наконец (с ростом образования, играющего исключительно важную роль в этом процессе), — со значением абстрактного «предмета», *с абстрактным значением*. Человек рождается, развивается и становится личностью в двойном и первоначально неделимом для него мире — в мире «вещей» (прежде всего в биосфере) и в мире слов (в лингвосфере), эти вещи представляющих, опосредующих. Только на определенной ступени развития человек становится способным отрываться в случае необходимости от непосредственного отношения к миру вещей в отношении к миру слов (вторых сигналов), жить и действовать в определенных случаях (рассудочная и некоторые другие виды деятельности) в условиях собственно лингвосферы, заменяющей, «имитирующей» для

него все остальные жизненные сферы. Однако память об овладении языком, его значимыми единицами сохраняется на всю жизнь. Различные качественные этапы этого овладения, как уже говорилось, не сменяются чисто механически, они не отменяют и не вытесняют друг друга, а совмещаются друг с другом, дополняют и обогащают друг друга, обеспечивая в своей целостности новый (высший) качественный уровень интеллектуальной деятельности человека на основе единства и противоречия чувственных и рациональных, эмоциональных и логических начал его духовной жизни[59].

О сложнейших соотношениях сознательного и бессознательного, несознательного (подсознание и надсознание или сверхсознание) хорошо известно со времен основополагающих исследований в этой области З. Фрейда, о чем сказано и написано достаточно много. В последние десятилетия живой интерес к соответствующим проблемам проявляют и лингвисты, как правило, в связи с обсуждением вопросов соотношения языка и мышления, языка и сознания, вербального и невербального мышления, языка и картины мира и т. п. При этом основные трудности здесь часто возникают из-за значительных расхождений в трактовке самих терминов *сознательное* и *сознание*, чем обычно и определяется то или иное понимание сути отношений между языком и сознанием, языком и «несознанием» [Касевич, 1996, с. 102–106]. Совершенно своеобразно проблемы «контактов» сознательного с бессознательным, перехода (или перевода) одного в другое, вербального воздействия на подсознание и вербализации последнего и т. п. рассматриваются в различных новейших течениях психологии, психоанализа, парапсихологии, экстрасенсорики и т. д.[60]

5. ***Соматическое (телесное) и психическое (духовное)***. Соотношение этих категорий в системе своих представлений решает пока только вера, но не наука. Сколь-либо удовлетво-

[59] «…Без человеческих эмоций никогда не было, нет и быть не может человеческого *искания* истины» [Ленин, 1969, т. 25, с. 112].

[60] См., например, метод нейролингвистического программирования (НЛП) в книге основоположников этого направления [Бэндлер, Гриндер, 1992].

рительного объяснения как форм, видов и способов реального существования собственно психического (идеального, духовного — не их химико-биологического и нейрофизиологического) субстрата (обеспечения, базы и т. п.) в человеке, так и механизма (где, как, когда и т. п.) его преобразования в телесное (соматическое) и наоборот (телесного в духовное) современная наука дать не может. Следовательно, применительно к языку она не способна в границах своих возможностей объяснить и механизмы преобразования звуков, кинестетических явлений, нервных импульсов и т. п. в смыслы, значения, эмоции и т. д. и обратно. Поэтому приходится оставить данную проблему б е з к о м м е н т а р и е в.

В ***познании языка*** также совершенно особым образом преломляются и проявляются в новом (необычном и оригинальном) качестве обычные для научной деятельности соотношения: субъект (личность) познания — орудие (инструмент) познания — объект (предмет) познания. Язык — это и объект познания, это и способ и инструмент познания, это и субъект (сознание, «языковая личность») познания. Здесь несомненное т р и е д и н с т в о. Язык — это также форма и способ отражения и накопления, хранения и переработки, представления и передачи знания обо всем остальном и о самом себе[61]. Он представляет собой открытую, полифункциональную, динамическую, адаптивную, эволюционирующую, саморегулирующуюся и «самосебяописывающую» в своей содержательной области систему. Все значимые (двусторонние) единицы языка в этом (последнем) отношении исключительно феноменальны и уникальны. Они сами, и только сами (самими собой, в самих себе и т. п.), могут с исчерпывающей полнотой в ы р а ж а т ь с в о е с о б с т в е н н о е (индивидуальное, неповторимое и невоспроизводимое ни в каких других как

[61] Основными («важнейшими», «базовыми») функциями языка обычно считают коммуникативную и когнитивную, к которым добавляют еще эмоциональную и метаязыковую [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 564], а также эпистемологическую [Там же, с. 604]. Отметим также, что отдельные исследователи размещают эти (как и некоторые другие) функции языка в различной последовательности.

языковых, так и неязыковых единицах) с о д е р ж а н и е. Именно в этом сама суть их существования, исключительно для этого они и предназначены. Поэтому как никакие собственно научные (строго формализованные, предельно логические, одно-однозначные и т. п.) изыскания и описания языковой семантики, так и никакие перифразы, метаязыки, переводы и т. п. решить задачу адекватной, исчерпывающей передачи значения определенной языковой единицы определенного языка не могут принципиально[62]. Всё это, конечно, не снимает и не отменяет важнейшую проблему толкования. Однако эта проблема переводится на качественно иной уровень: не заменять или подменять толкуемое значение в его полном объеме (что невозможно!), а с необходимой степенью точности и определенности, достаточной для опознания этого значения рядовым носителем языка, указать на него, отослать к нему, направить на него и т. п.

Значение каждого (прежде всего полнозначного) слова (слова-знака) [Леонтьев, 1965, с. 20] того или иного национального языка есть результат очень сложной реакции, а точнее — с а м а р е а к ц и я, всей (учитывая грамматическую и прагматическую) присущей ему собственно лингвистической семантики с экстралингвистической семантикой. Оно является результатом всего жизненного (в том числе и речевого) опыта носителей языка и неотделимо от этого опыта, то есть от опыта встреч с определенным словом в процессах реального речевого общения людей при осуществлении ими тех или иных конкретных деятельностей. Следовательно, значение слова неотделимо от коллективного опыта предшествующих и нынешних поколений, от всего культурно-исторического опыта народа.

[62] Например, самое обычное русское слово *стол* даже только в своем основном значении — это не совсем то же самое, что английское table, или desk, или board и т. п. Ср.: «Так новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной» [Маркс, 1970, с. 422–423]. Но именно в этом «духе» всё дело. И именно этот дух недоступен формализации и исчислению, то есть собственно научному познанию.

В связи со сказанным встает вопрос о языке для описания языка — металингвистике, дисциплине, отвечающей на вопрос, «как нужно говорить (писать) о естественном языке; в терминах каких единиц (элементов, классов, конструкций, систем и подсистем) удобно представить „факты“ языка… Задачи металингвистики сводятся к разработке метаязыков для разных типов описания» [Засорина, 1973, с. 8]. Понятно, что на первое место здесь выдвигается метаязыковая (металингвистическая) функция самого языка — «быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка» [Слюсарева, 1990, с. 564][63]. И несмотря на наличие и весьма широкое использование в настоящее время в лингвистических исследованиях достаточно большого количества «искусственных» семантических языков различного рода, *универсальнейшим и совершеннейшим метаязыком для описания «естественного» человеческого языка (а в конечном итоге и всего остального) является сам же «естественный» человеческий язык.*

Познавая самого себя самим собой и в самом себе, реальный («естественный») человеческий язык оказывается феноменом по самой своей природе и положению вещей н а у ч н о *познаваемо-непознаваемым*, причем, что очень важно, не относительно непознаваемым, как все другие явления, а а б с о л ю т н о и п р и н ц и п и а л ь н о н е п о з н а в а е м ы м за некоторой определенной чертой, в некоторых своих «заповедных» областях и прежде всего в области своего идеального содержания. Семантика языка, будучи всеми «знаема», непознаваема с необходимой и достаточной для науки (!) полнотой, точностью и надежностью. Язык позволяет научно проникать в свое «святая святых», в свои смыслы, значения, семантику, т. е. в свое идеальное содержание, только до некоторых определенных глубин, за пределами которых исследователей неизбежно поджидает фиаско — своеобразное семантическое «короткое замыкание», так сказать, и з у ч а ю щ е г о содержания на и з у ч а е м о е содержание (на собственно *это*

[63] «Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя…» [Кибрик, 1990, с. 604; см. также: Колшанский, 1975, с. 14].

содержание), что сводит, по существу, к нулю все усилия, приложенные с целью проникнуть в изучаемое содержание.

Несмотря на то (а возможно, как раз именно в силу того), что в настоящее время существуют весьма многочисленные и самые разнообразные лингвистические школы, направления, течения и т. п., общая, объединяющая в своих основных принципах теория познания языка, как уже отмечалось, все еще так и не создана. Пока что совершенно справедливыми остаются как мысль Ф. де Соссюра о том, что в лингвистике «объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект», так и меткое замечание А. Мейе: «столько лингвистик — сколько лингвистов». И всё же *только сами совершенно уникальные особенности человеческого языка должны определять и возможные «точки зрения» на него*; лингвистика — едина (монообъектна, хотя и полипредметна), количество же «лингвистов» (школ, направлений, течений и т. п.) может определяться только количеством реальных сторон, свойств и качеств самого человеческого языка, какими бы необычными они ни были.

Занимаясь познанием столь сложного и совершенно феноменального явления, каким является человеческий язык, нельзя не выделять в нем как в объекте лингвистики и смежных дисциплин различные (в том числе и собственно научные) предметы, создавать всевозможные его (их) модели и описывать в каких-то целях (прежде всего прагматических) некоторые из них с помощью специально созданных («искусственных») языков — семантических, формально-логических, символических, математических и т. д. Однако «познаватель» («когнитолог», «гносеолог», «эпистемолог») языка, поставивший перед собой прежде всего задачи о б ъ я с н и т е л ь н о г о плана, не просто не может в определенных случаях не выходить за рамки собственно научного познания, но должен и о б я з а н выходить за них.

Современные философы, уже достаточно хорошо уяснившие себе «научные» области действительности, в последнее время все больше и больше внимания начинают уделять особенностям познания «ненаучных» ее областей — реального быта, повседневности, обыденности и т. п. [см.: Наука и альтернативные формы

знания, 1995, с. 3–15, 15–24, 24–27]. Человеческий язык — ***это всё***! Это — и наука, и производство, и миф, и быт, и религия, и мистика, и политика, и музыка, и искусство и т. д., то есть вообще весь объективный и субъективный мир, отраженный в сознании (!) человека. Но более всего и прежде всего язык — это, как уже отмечалось, миф (повседневность) и поэзия. Поэтому, рассматривая язык во всей его целостности, мы обязаны разграничивать в нем научные и ненаучные области, выделять научные и ненаучные предметы, то есть предметы принципиально подлежащие и не подлежащие ведению науки, принципиально поддающиеся и не поддающиеся научному описанию и т. п. А наиболее «ненаучной» областью языка, как видно из всего вышесказанного, является область его и д е а л ь н о г о с о д е р ж а н и я.

Необходимо полностью согласиться с выражаемыми даже в наиболее парадоксальной форме призывами начинать с В. фон Гумбольдта. Но Гумбольдт — это не наука! Гумбольдт — один из величайших мыслителей своего времени, создавший кроме всего прочего и новое учение о языке. Гумбольдт — это колоссальные знания, философия, мировоззрение и миросозерцание, но это не наука в собственном смысле этого слова[64], так же как, например, не наука и «трансляция в социум научных результатов» по правилам «правдоподобных рассуждений» [Фрумкина, 1995, с. 78–79]. Всё это, конечно, не означает «хуже». Критерий «хуже / лучше» в данном случае вообще не работает (ср., однако: «Искусство выше науки» — А. Эйнштейн). Просто это другое. Наука — безгранична. Но наука — не всесильна. Познание определенных сторон действительности, получение истинных знаний о них и т. п. принципиально невозможно исключительно на собственно научной основе[65].

Поэтому представляется совершенно правомерной и своевременной постановка задачи целенаправленной разработки теории

[64] «Наиболее близкой к науке оказывается философия. Однако в целом она, несомненно, не является наукой» [Философия и методология науки, 1996, с. 24].

[65] Научное знание «далеко не везде… возможно и далеко не всегда уместно». Знания «приобретаются не только в науке. Поэтому знания бывают научные и ненаучные. Уже поэтому понятие „истинное“ не эквивалентно понятию „научное“. Вполне может быт получено истинное знание, которое, вместе с тем, не является научным» [Там же, с. 8–9].

познания особого вида — ***теории познания человеческого языка***, или ***гносеологии лингвистики***, выясняющей, ка́к лингвистика должна познавать свой объект, получать достоверные знания о нем, выяснять возможности и пределы такого познания и т. п. Какой ей быть — это как раз и надлежит выяснить. Сейчас, однако, все более и более понятным становится то, что познание языка действительно должно существенно отличаться от всех других видов человеческого познания: научного, художественно-образного, чувственно-эмоционального, интуитивного, мифического, мистического, религиозного, обыденного (бытового) и т. д. Скорее же всего, в этом виде познания должны в сложном единстве совместиться, слиться, создав своеобразный симбиоз, все его виды, чтобы образовать в конечном итоге новый (несомненно, целостный) вид познавательной деятельности человека типа ***наднауки***, ***паранауки***.

* * *

Д. С. Лихачев в своих последних выступлениях неоднократно и настойчиво подчеркивал, что более точный перевод известного библейского изречения «В начале было Слово…» выглядит как «В начале была Идея, и Идея была у Бога, и Идея была Бог». Параллель идея // смысл (семантика, значение, языковое содержание и т. п.) самоочевидна. Конечно, человеческие идеи — не боги и даже не божества, но всё же…

1999

Концептум, концептус и бытовое понятие

В последних исследованиях В. В. Колесов значительное внимание уделяет рассмотрению *концептума* (или *концепта*), который на определенных основаниях противопоставляется *концептусу* (или *понятию*). В то же время практически (эксплицитно)

вне поля зрения ученого оказывается так называемое *бытовое понятие*.

Остановимся на указанных категориях более подробно.

В монографии «Философия русского слова» дается следующее определение *концептуму*: «***Концепт*** (от *conceptum*) — зерно первосмысла, семантический „зародыш“ слова — есть диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение непосредственной сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [Колесов, 2002, с. 51]. В работе содержится также ряд дополнительных характеристик концептума, конкретизирующих его сущность. Основные из них следующие:

1) «Концепт есть чисто семантическая мотивировка, взятая вне формы: сущность при явлении — содержательных своих формах: каковыми признаются образ-троп, понятие-концепт(ус) и символ-миф» [Там же, с. 52].

2) «Содержательность концепта в том, что *формально концепта нет*» [Там же, с. 58].

3) «Концепт представляет собою „чистое бытие“, здесь нет ни времени, ни пространства; это вечность и четвертое измерение, недоступное эмпирическому постижению» [Там же, с. 61].

4) «Концепт есть то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, направляет мысль, говорящих на данном языке, определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка-речи» [Там же, с. 64].

5) Концептум «есть *источник* всеобщего смысла, который организуется в системе отношений множественных форм и значений.

Conceptum есть тот самый „зародыш“ божественного логоса, архетип мысли, который не задан, а дан, но постоянно изменяет свои грамматические и содержательные формы, и прежде всего — образные формы» [Там же, с. 68].

6) «Как и всякая идеальная сущность, концепт нематериален, ибо он неподвижен и лишен структуры; он находится вне *энтелехии поведения*» [Там же, с. 404].

7) «Пространственно-временные координаты концепта расчленены на отрезки и меры только в сознании и познании, сам

концепт — и вне времени, и вне пространства: вечность и безместность исчезающей точки. Концепт соединяет в себе прошлое и будущее, не будучи настоящим, соединяет *и тут и там*, не будучи *здесь*. Он соединяет в себе рациональное и иррациональное, положительное и отрицательное. В традиционных номинациях концепт имеет множество имен, мы описали его как идею-идеал» [Там же, с. 405].

Таким образом, ***концептум*** есть исключительно *идеальная* (бесформенная и неструктурированная), *вечная* (вневременная и внепространственная, то есть существующая и до Человека, и после Человека), извечно *данная* («божественный логос»), *неизменяемая*, *недоступная эмпирическому постижению* семантическая ***сущность,*** императивно предопределяющая все (реальные и потенциальные) движения смысла слова.

Если эта невидимая, неслышимая, неосязаемая и т. д. семантическая «энтелехия» действительно существует, то она суть явление, *научно недоказуемое*, *принципиально непостижимое* человеческим сознанием, и *действительная «вещь в себе»*. В какой-то мере судить об этой «идее-идеале» можно лишь косвенно — исключительно по результатам ее «поведения», так или иначе проявляющимся в содержательных формах языка (образах, символах и понятиях), которые она таинственным образом формирует и которыми столь же таинственным образом управляет. Однако хорошо известно, что одни и те же результаты могут быть получены самыми разными способами. Всё сказанное свидетельствует о том, что непосредственно самим концептумом (концептумом как таковым) оперировать невозможно, то есть он оказывается феноменом практически н е п р и м е н и м ы м.

Именно поэтому В. В. Колесов, иллюстрируя семантическое развитие ключевых слов русского языка, вынужден обращаться не к собственно концептумам этих слов (что недостижимо!), а лишь к их условным заместителям — этимонам: ‘бьющая (потоком)’ для слова *вода* и ‘собирающая, хватающая’ для слова *рука* (конкретнее в следующей его книге — ‘бьющая (ключом)’ и ‘хватающая’ [Колесов, 2004, с. 20–21]). Но это совсем не одно и то же, так как «концептуальное значение исходно, хотя и весьма ус-

ловно (! — *Г. М.*), может быть связано с этимоном слова, который представляет собою результат предыдущих культурных движений смысла, дошедший до нас в обычном словоупотреблении. Не являясь внутренней формой слова, он уже близок ей» [Колесов, 2002, с. 54], ***этимон*** есть «конструкт сущности, но не сама сущность (т. е. концептум. — *Г. М.*). Внутренняя форма — явление этимона... С феноменологической точки зрения этимон вариантен, тогда как внутренняя форма есть инвариант, который приближается к концепту, но тоже еще не есть концепт... Этимон и внутренняя форма — о б р а з и п о д о б и е концепта, который, с известными оговорками, и можно признать за искомую „вещь в себе“» [Там же, с. 51–52]. По нашему мнению, в этих оговорках нет никакой необходимости.

Подчеркнем еще раз: собственно концептум не может быть явлен нам никоим образом. Предложенный же анализ развития семантики слов *рука* и *вода* является все же одним из вариантов историко-этимологического анализа, хотя и весьма оригинальным.

Концепт (*концептум*) противопоставляется В. В. Колесовым *понятию* (*концептусу*) как сущность и явление: «В целом исследование посвящено обоснованию тезиса о том, что *концепт есть сущность, явлением которой выступает понятие*» [Там же, с. 404]. При этом отмечаются следующие основные свойства ***понятия-концептуса***:

1) понятие помогает *понять* предмет, т. е. «ухватить сознанием»;

2) «содержание понятия оперирует единственно общим — родовым — и самым существенным признаком различия, необходимым и достаточным, чтобы выделить главное из того, что необходимо знать о предмете в данный исторический момент его постижения»;

3) «понятие характеризуется *не только содержанием, но и объемом*»;

4) «логическое понятие всегда интернационально (однозначно фиксируется любым языком, если семантическая структура последнего его допускает)»;

5) «понятие не развивается, а просто заменяется другим, новым для данной культуры понятием... *понятие задано*, ведь *представление о понятии соотносится с логическими операциями мышления*...»;

6) в определении понятия не допустим логический круг, «поскольку *определить понятие можно лишь от вида к роду*...» [Там же, с. 33–34].

Речь, таким образом, идет о понятиях соотносительных с собственно н а у ч н ы м и (строго логическим, интернациональным, не зависящим от языка, не допускающим логического круга в своих определениях и т. п.) понятиями, бесконечно приближающимися к о б ъ е к т и в н о м у отражению в человеческом сознании объективно существенных признаков предметов и явлений. Такие понятия фиксируются в энциклопедических словарях и участвуют в формировании научной картины мира, научного ***мировоззрения***.

В то же время в научный обиход уже достаточно давно были введены такие категории, как ***бытовое сознание***, ***бытовая картина мира***, ***бытовое понятие***[66]. Как хорошо известно, еще в 70-е годы XIX столетия А. А. Потебня разграничил ближайшее и дальнейшее значения слова, о которых писал следующее: «…под значением слова вообще разумеют две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем б л и ж а й ш и м, другую, составляющую предмет других наук, — д а л ь н е й ш и м з н а ч е н и е м с л о в а. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова»; «…ближайшее значение слова н а р о д н о, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, — л и ч н о. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание которых условлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, инди-

[66] Вместо слова *бытовой* в данных словосочетаниях употребляются также *наивный*, *обывательский*, *обыденный* и некоторые другие.

видуально-субъективной мысли, с другой — с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» [Потебня, 1958, с. 19, 20]. В принципе, это и есть противопоставление ***бытового*** (*наивного*), понятного всем, говорящим на *данном языке*, понятия и понятия научного, не зависящего от языка и осознаваемого каждым человеком в той или иной мере только в зависимости от степени его образования, количества приобретенных знаний, меры «учености» и т. п. (*личного* именно в этом смысле). В бытовых понятиях отражаются не только наиболее существенные (научно значимые), но и мало существенные признаки предметов и явлений — признаки, существенные с точки зрения того или иного коллектива, социальной или профессиональной группы, территориального сообщества, всего народа и т. п. и *всегда существенные* с точки зрения «наивного» языка. Бытовые понятия, как правило, национально окрашены и выявляют не черно-белую (то есть собственно научную: род — вид, «+» — «–», 0 — 1 и т. д.), а разноцветную, мифическую и поэтическую картину мира[67]. Они «живут» по своим наивным правилам: не являются строго логическими, интернациональными, зависят от языка, допускают логический круг в своих определениях и т. п. В. В. Колесов, противопоставляя значение слова (точнее его «предметно-логическую» часть) и понятие, описывает это значение во многом именно как бытовое понятие: «*признаки значения* могут быть самые различные и предстают в любом количестве», «*значение выражает специфически национальное представление о предмете*», «*значение словесного знака дано с известным запасом*, так что семантическая избыточность способствует точности мысли и строгости ее передачи в любом контексте», «значение потенциально способно к изменениям», «*в определении значения допустим и логический круг*» [Там же, с. 33–34]. Бытовые понятия фиксируются в лингвистических словарях в качестве концептуального ядра лексического значения знаменательного слова и участвуют в формировании бытовой (наивной языковой) картины мира, национального ***миросозерцания***.

[67] См. статью о сохранении в наши дни «очень архаичных моделей миропонимания» [Денисов, 1963, с. 41].

Чрезвычайно важную роль, по нашему мнению, играют бытовые (наивные) понятия и во всех лексико-семантических процессах языка, в самом становлении его семантической системы. Так, есть достаточные основания полагать, что семантические возможности слова заложены в бытовом понятии, являющиеся ядром его исходного (часто и основного) значения. Это значение само по себе уже детерминирует возможность наличия у этого слова определенных производных значений, которые где-то (в одной из сфер национального языка), когда-то (в один из периодов его исторического развития), как-то (случайно, окказионально или же системно, устойчиво) должны проявиться[68]. Покажем сказанное на примере проведенного нами изучения семантической структуры глагола *пасть* в русском национальном языке XIX–XX вв. [Мартинович, 1979].

Глагол *пасть* (*падать*) общеславянского происхождения, восходящий к праславянскому *padti (padti — patti — pasti — past'), которое обычно сближают с индоевропейским корнем *pod ('пол, низ, дно') [Фасмер, 1971, с. 184; Шанский и др., 1971, с. 322, 346], явившимся в свое время о д н и м и з семантических признаков ('низ'), участвовавших в формировании исходного значения рассматриваемого глагола — значения 'переместиться сверху *вниз* под действием собственной тяжести; упасть, свалиться'. Однако дальнейшее развитие семантики этого слова шло по трем магистральным направлениям, обусловленным отвлечением определенных признаков от концептуального ядра (бытового понятия) этого исходного значения — 'перемещение сверху вниз под действием собственной тяжести'. В связи с этим все производные значения глагола объединились в три большие группы, организованные на основе общего для каждой из них семантического признака: 1) 'физическое перемещение материальных тел в пространстве', 2) 'стихийность, случайность и самопроизвольность совершения действия', 3) 'переход в иное (обычно худшее) состояние, положение, качество'.

[68] Ср. понимание В. В. Виноградовым лексемы «как потенциальной совокупности значений, сконцентрированных вокруг *одного* смыслового ядра...» [Виноградов, 1976, с. 372].

В первую группу входят, например, такие значения: 1. ‘Попасть, угодить (куда-н.)’: *Как что-то* ***пало*** *в глаз, так и болит он* (диал.); 2. ‘Лечь опуститься (куда-н., на что-н.)’: *На рассвете* ***пал*** *на землю иней* (В. М. Инбер); 3. ‘Пройти, выпасть, выделившись из атмосферы’: *Синими хлопьями* ***пали*** *снега* (И. К. Авраменко); 4. ‘Опустившись, свисать, закрывая, заслоняя собой’: *Нумерные шторы, казалось,* ***пали*** *на окна навсегда* (Ю. М. Тынянов); ‘Впасть, втечь, влиться’: *Унба в Пижму* ***пала*** (диал.) и др. Во вторую группу вошли: 1. ‘Наступить, настать, начаться’: *Ночь* ***пала*** *сразу* (П. А. Павленко); 2. ‘Произойти, случиться, иметь место’: *Пожар* ***падё****, так он всё апаше* (диал.); 3. ‘Прийтись, достаться, выпасть на долю’: *Нелегкое детство* ***пало*** *на долю мальчика* (В. М. Саянов); 4. ‘Выйти, получиться (каким-н. образом)’: *Случай этот* ***пал****, как сон в руку* (И. И. Лажечников); 5. ‘Попасться, случайно встретиться’: *Пьянёхонек нам стрету* ***пал*** (диал.) и т. д. В третью включены: 1. ‘Погибнуть, быть убитым’: *Их цель: иль победить, иль* ***пасть*** *в пылу сраженья* (А. С. Пушкин); 2. ‘Околеть, издохнуть (о животных)’: *У меня летось корова* ***пала*** *была* (диал.); 3. ‘Прекратить свою деятельность’: *Христианская церковь не* ***пала*** *вместе с Римом* (А. В. Луначарский); 4. ‘Опуститься нравственно; оказаться в положении, недостойном общественного уважения’: *Но разве искушение прошло? И я опять чувствовал, что, наверное,* ***паду*** (Л. Н. Толстой); 5. ‘Обесцениться (о деньгах)’: *Да* ***пали*** *деньги, я пасу их для памяти* (диал.) и др.

В свою очередь, бытовые понятия, составляющие концептуальные ядра отдельных значений, могут делиться по представлениям наивного сознания на свои видовые. Это позволяет выявить внутреннюю структуру значений, определить их семантические варианты 1-й и 2-й степени, в которых эти значения собственно и существуют. Наиболее показательным в этом отношении является основное значение глагола *пасть*, состоящее из следующих семантических вариантов.

1. ‘Переместиться сверху вниз, находясь в свободном падении’. Этот вариант 1-й степени реализуется в следующих вариантах 2-й степени: 1) ‘Упасть (куда-н. откуда-н.)’: *Вдруг в то ущелье…*

пал *с неба Сокол…* (А. М. Горький); 2) ‘Упасть, опуститься (на что-н. при ударе)’: *Топор* ***падет*** *на голову ему* (А. К. Толстой); 3) ‘Падать, лететь вниз, выделяясь из атмосферы’: *Всё дожжик вишь* ***падё*** (диал.); 4) ‘Затонуть, опуститься на дно’: *На дно* ***пал*** *кубок морское* (Ф. И. Тютчев) и др.

2. ‘Упасть, свалиться на бок, плашмя, навзничь, потеряв опору в ногах, основании, месте закрепления; стоять и упасть’. Варианты 2-й степени: 1) ‘Упасть, свалиться на бок, плашмя, навзничь; стоять и упасть’: *Кажись не из трусливых, А как стоял, так я и* ***пал*** *на месте* (А. Н. Островский); 2) ‘Попасть (подо что-н.)’: *Сын под поис* [поезд] ***пал*** (диал.) и др.

3. ‘Переместить свое тело сверху вниз; лечь броситься (куда-н., на что-н.)’. Варианты 2-й степени: 1) ‘Лечь, броситься (куда-н.)’: *Я — от страху в палисадник.* ***Пал*** *в крыжовник и реву* (С. А. Васильев); 2) ‘Лечь, улечься’: *Пришла,* ***пала*** *на кровать* (диал.); 4) ‘Распростереться (на земле, полу и т. п. в мольбе, преклонении, просьбе)’: *Перед гробом… он* ***пал*** *как перед святыней…* (Ф. М. Достоевский); 3) ‘Броситься, навалиться (на кого-н.)’: *На ушкана* [зайца] ***паду*** *и поймаю подолом* (диал.) и др.

4. ‘Опасть, осы́паться’: *Все равно ведь и новые листья* ***падут*** *и покроются грязью* (С. А. Есенин).

5. ‘Упасть, рухнуть, развалиться’: *Сарай* ***пал****, так звоннула* (диал.).

Предложенная классификация значений глагола *пасть*, несомненно, не выдерживает критики со строго научной точки зрения. Но она совершенно правомерна с точки зрения бытового сознания народа. Например, научного понятия «свободное падение» (падение в вакууме по определенным физическим законам, описываемым строгими математическими формулами) наш повседневный язык просто не знает. Однако в бытовом сознании семантические варианты 2-й степени ‘упасть (откуда-н. куда-н.)’, ‘упасть, опуститься (на что-н. при ударе)’, ‘падать, лететь вниз, выделяясь из атмосферы’, ‘затонуть, опуститься на дно’ вполне могут быть идентифицированы рядовыми носителями языка как разновидности варианта 1-й степени ‘переместиться сверху вниз, находясь в свободном падении’ основного (исходного) значения

‘переместиться сверху вниз под действием собственной тяжести; упасть, свалиться’.

Приведенные примеры системы значений глагола *пасть,* как и вся система, несомненно, являются отражением определенного фрагмента русской ***ментальности*** XIX–XX вв., то есть «миросозерцания в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющего интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов, 2004, с. 15].

2006

К проблеме аспектов языковых явлений (в свете учения Л. В. Щербы)

Как хорошо известно, Л. В. Щерба был прямым последователем И. А. Бодуэна де Куртенэ, основные идеи которого развивал на протяжении всей своей жизни. Одним из важнейших в учении Бодуэна является разграничение языка как системы и языка как процесса, отличие «языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующий in abstracto и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2, с. 77]. Следовательно, язык как категория, система, абстракция и т. п. противопоставляется Бодуэном языку как деятельности, беспрерывно повторяющемуся процессу, действительным явлениям и т. п., то есть, по существу, речи.

В то же время Л. В. Щерба считал себя во многом обязанным и «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Он находил много значительных совпадений в его взглядах и взглядах Бодуэна. Так, еще в 1929 г., то есть за два года до выхода статьи «0 трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), Щерба писал: «Когда в 1928 г. Мы получили в Ленинграде «Cours de linquistique generale» de Saussure’a… были поражены

многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями. Различие языка, как системы, и языка, как деятельности («lanque» и «parole» de Saussuru'a), не такое четкое и развитое, как у Соссюра, свойственно и Бодуэну» [Щерба, 1957, с. 94].

По мнению самого Щербы, в языковых явлениях следует различать три аспекта: 1) речевую деятельность, 2) языковую систему (язык) и 3) языковой материал (тексты). ***Речевой деятельностью*** он называет процессы говорения и понимания, «всячески подчеркивая при этом, что процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком» [Щерба, 1974, с. 24–25]. ***Языковые системы*** — это «словари и грамматики языков», которые, «будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания» [Там же, с. 26]. Последние же в такой их функции рассматриваются Щербой в качестве языкового материала. ***Языковой материал*** — это «не деятельность отдельного индивида, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это „тексты“» [Там же].

В публикации 1992 г. нами было показано [Мартинович, 1992б, с. 11], что имплицитно в работе Щербы содержится и *четвертый* аспект — ***психофизиологические речевые организации*** (индивидуальные системы общих языковых представлений, индивидуальные отражения языковой системы)[69]. Представляется, что Щерба отнюдь не случайно не рассматривает речевую организацию наряду с тремя эксплицитно обозначенными им аспектами языковых явлений. По-видимому, это понятие, хотя и часто используемое в работе, оставалось для него все же не вполне определенным. Проявляется это уже хотя бы в достаточно боль-

[69] А. А. Залевская также отмечает, что «фактически Л. В. Щерба выделяет не три, а *четыре* аспекта языковых явлений», вынося «за рамки обсуждаемой триады» еще и *речевую организацию* [Залевская, 1999, с. 29–31].

шом количестве разнообразных терминов, употребляемых для обозначения соответствующего явления: *речевой механизм человека — психофизиологическая речевая организация индивида — психофизиологическая организация человека — индивидуальная речевая система — система потенциальных языковых представлений — система языковых представлений — индивидуальная языковая система*.

Весьма показательным является также красной нитью проходящий через всю работу Л. В. Щербы конфликт по линии социальное — индивидуальное, возникающий главным образом в связи с последовательным и принципиальным противопоставлением языковой системы (***социальное***) и психофизиологической речевой организации (***индивидуальное***). Последняя, по Щербе, являясь индивидуальным проявлением языковой системы, в идеале «может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно назвать „индивидуальными языками“, если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность…» [Щерба, 1974, с. 27].

В то же время, отказывая *речевой организации* в праве называться языком, языковой системой исключительно на том основании, что *система языковых представлений* является чем-то индивидуальным, а в *языковой системе* мы имеем некую «социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы» [Там же], Щерба утверждает, что «эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом» [Там же, с. 25].

Обосновывая необходимость и правомерность эксперимента в языкознании, Щерба категорически отвергает упреки в «субъективности» получаемых этим методом данных. Психологический момент метода, заключающийся в оценочном чувстве правильности или неправильности речевого высказывания, для него несомненен. Но не менее несомненно и то, что у н о р м а л ь н о г о члена обще-

ства чувство это социально обоснованно, так как является функцией языковой системы (величины социальной) [Там же, с. 33]. «С весьма распространенной боязнью, — пишет Щерба, — что при таком методе будет исследоваться „индивидуальная речевая система“, а не языковая система, надо покончить раз и навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а поэтому исследование первой для познания второй вполне закономерно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких „индивидуальных языковых систем“» [Там же, с. 34].

Особенно показательным нам представляется следующее рассуждение Л. В. Щербы: «…работа каждого неофита данного коллектива, усваивающего себе язык этого коллектива, т. е. создающего у себя речевую систему на основе речевого материала этого коллектива (ибо никаких других источников у него не имеется), совершенно тождественна работе ученого исследователя, выводящего из того же языкового материала данного коллектива его языковую систему, только одна протекает бессознательно, а другая — сознательно» [Там же, с. 85].

Поэтому на деле «глубокое внутреннее противоречие», присущее, по мнению Щербы, психофизиологической речевой организации, оказывается мнимым противоречием, так как здесь явно проявляется недостаточный учет диалектики общего и отдельного, социального и индивидуального. Идеальные «психофизиологические организации», которые действительно можно и нужно назвать ***индивидуальными языками***, несомненно, будут чем-то отличаться от «объективной» языковой системы и друг от друга. Но все эти различия, все возможные здесь противоречия относятся, как правило, к периферийным, малосущественным или же вообще несущественным областям и ни в коей мере не являются определяющими. В данном случае мы имеем дело лишь с одной из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания (языкового сознания) и всегда можем понять и объяснить наблюдающиеся расхождения в пределах этого соотношения. Следовательно, несмотря на все индивидуальные

особенности, на все имеющиеся отклонения и т. п., индивидуальные «психофизиологические речевые организации», реально существующие в головах носителей языка в идеальной форме, не менее социальны, чем объективные «языковые системы», реально существующие в языковом материале (совокупности всего говоримого и понимаемого) в материальной форме, так как в своих важнейших моментах они практически идентичны у всех членов той или иной языковой общности, того или иного языкового коллектива, что закономерно следует из принципиально адекватного отражения каждым членом определенного общества характерной для этого общества «лингвистической среды обитания» («лингвосферы») — языкового материала, совокупности тестов и т. п.

Противоречивое отношение Л. В. Щербы к психофизиологической речевой организации, проявляющееся в ряде рассуждений, обусловлено, как нам представляется, и тем, что у него, по существу, отчасти в понятии «речевая деятельность», отчасти в понятии «речевая организация» (во всех разнообразных терминах для ее обозначения) «растворилось» понятие собственно ***речи*** в интерпретации Соссюра, несмотря на то, что Щерба, как уже отмечалось, к моменту написания своей работы был хорошо знаком с «Cours'ом de linquistique generale». Противопоставление же я з ы к а как социально обусловленного психического образования, представляющего собою виртуально существующую в мозгу людей грамматическую систему, и р е ч и как индивидуального психофизического исполнения, акта воли и разума, реализующемуся на основе кода языка и психофизического механизма, является важнейшим в учении Ф. де Соссюра [Соссюр, 1977, с. 52; подр. см.: Мартинович, 2000].

Таким образом, в целом мы, очевидно, можем говорить не о *трех* а о *пяти* аспектах языковых явлений. Первые три из них эксплицитно указаны самим Л. В. Щербой:

1. *Речевая деятельность* — существующие исключительно в н е р а з р ы в н о м е д и н с т в е процессы говорения и понимания.

2. *Языковая система* — имеющие прежде всего социальную ценность (социально-обоснованные в прошлом), объективно заложенные в данном языковом материале и проявляющиеся в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием всего языкового материала, словарь и грамматика языка.

3. *Языковой материал* — совокупность всего говоримого и понимаемого в конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы, то есть совокупность всех устных и письменных текстов на определенном языке в определенный исторический момент его развития.

Имплицитно в работе Щербы присутствует и четвертый аспект:

4. *Психофизиологическая речевая организация* — обусловливающая речевую деятельность индивидуальная система общих языковых представлений (идиоязык), являющаяся социальным продуктом, возникающим на основе того же языкового материала коллектива, что и языковая система.

Кроме того, учитывая всё сказанное выше, для получения завершенной картины мы можем, очевидно, добавить и пятый аспект, который самим Щербой лишь однажды вскользь упоминается в работе: «…все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в *процессе речи* (курсив наш. — *Г. М.*), в результате сложной игры сложного речевого механизма человека» [Щерба, 1974, с. 25]:

5. *Речь* — индивидуальное исполнение, осуществляемое на основе «игры» речевого механизма.

Учитывая сказанное, а также хорошо известные взгляды Л. В. Щербы на эксперимент в языкознании, его по праву следует признать одним из пионеров отечественной психолингвистики. К большому сожалению, часть важнейших понятий в учении Щербы, по существу, во многом идентичных таким понятиям современной психолингвистики, как «речевая деятельность» («речевые действия и операции», «речевые акты», «речевые реакции» и т. п.), «языковая способность», «языковой механизм», «языковая система», «текст», «дискурс» и т. д., в свое время не были замечены, подхвачены и развиты, а отечественная

психолингвистика возникла у нас в стране лишь в конце 50-х годов главным образом под влиянием американского психолингвизма Ч. Осгуда, Т. Сибеока, Д. Слобина, Дж. Грина и др. и развивалась в дальнейшем с преимущественной ориентацией на психологические школы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.

2001

Ф. де Соссюр и отечественная психолингвистика

С именем Ф. де Соссюра принято связывать зарождение и развитие структурализма в лингвистике XX в. [Засорина, 1974, с. 20]: Пражская, Датская и Американская лингвистические школы, акцентировавшие разные стороны его учения[70]. Психолингвисты же обычно от взглядов Соссюра так или иначе отмежевываются, а иногда и вовсе противопоставляют свое понимание объекта и предмета лингвистических исследований соссюровскому. Вот несколько весьма типичных, на наш взгляд, примеров высказываний по этому поводу, сделанных одним из видных представителей психолингвистики в нашей стране Л. В. Сахарным.

1. Ф. де Соссюр «и его последователи четко разделили в речевой деятельности „язык“ и „речь“ как абстрактное и конкретное, как социальное и индивидуальное, как однородное (гомогенное) и разнородное (гетерогенное)» [Сахарный, 1989, с. 6–7].

2. «Наиболее четко разграничил понятия „язык“ и „речь“ швейцарский лингвист Ф. де Соссюр… который объявил язык, находящийся вне человека и представляющий собой „социальный факт“, единственным объектом лингвистики» [Там же, с. 8].

---

[70] «…Структурные методы возникли в противовес субстанциональным… методам изучения языкового материала и в этой своей направленности они имели точку опоры в знаменитом определении языка как формы, а не субстанции, данном Соссюром…» [Общее языкознание, 1972, с. 171].

3. «Ф. де Соссюр… а затем Л. Ельмслев и их последователи — обращают особое внимание на язык как на социальный факт, как на нечто, находящееся в н е ч е л о в е к а, нечто „принудительное“ по отношению к человеку и т. п.» [Там же, с. 52].

Пересказывая интерпретацию взглядов Ф. де Соссюра А. А. Леонтьевым, Л. В. Сахарный пишет: «Говоря о различии языка и речи у Ф. де Соссюра, А. А. Леонтьев отмечает, что это различие проходит по двум параметрам: язык (социальное) — речь (индивидуальное) и язык (абстрактное) — речь (конкретное). Оба эти противопоставления сложно соединяются в рамках только двух понятий. Поэтому должно появиться и третье, которое фактически присутствует уже у самого Ф. де Соссюра и которое можно назвать языковой способностью. Языковая способность, в отличие от языка как общественного явления, принадлежит каждому индивиду. Но в отличие от речи она абстрактна. Языковая способность — это индивидуальный язык, это тот мостик, который позволяет переходить от абстрактного социального языка к индивидуальной конкретной речи» [Там же, с. 10–11].

Всё это, как нам представляется, требует некоторых разъяснений.

Хорошо известно, что свои взгляды на язык Ф. де Соссюр излагал в лекциях по общему языкознанию, которые он читал в начале XX в. в Женевском университете и которые никогда не публиковал. Впервые концепция Соссюра была обнародована в 1916 г. в Париже его ближайшими учениками Ш. Балли и А.Сеше, прежде всего на основе собственных студенческих конспектов. Наибольшее же распространение получило второе издание этой книги (1922), которая на французском языке появилась и в СССР. На русский язык это издание было переведено в 1933 г. И именно публикация Балли и Сеше послужила источником европейского структурализма, и именно на нее в первую очередь ссылались (а иногда, к сожалению, и продолжают ссылаться), излагая основы учения Соссюра. У нас же в стране взгляды Соссюра вообще долгое время изучались главным образом лишь по широко известной и весьма популярной хрестоматии В. А. Звегинцева [Звегинцев, 1964; 1965].

Однако еще в 1969 г. А. А. Леонтьев писал, что «Балли и Сеше извратили мысли де Соссюра, низведя их на уровень обычного „социологического“ понимания… Оказывается, у Соссюра нет в собственном смысле дизъюнкции „язык — речь“. Особенно характерна с этой точки зрения система понятий, изложенных во втором и третьем курсах, где Соссюр противопоставляет язык (langue) как абстрактную надындивидуальную систему и языковую способность (faculte du langage) как функцию индивида. Обе эти категории объединяются термином langage; langage (*речевой деятельности*) противостоит в свою очередь parole — речь, которая представляет собой индивидуальный акт, реализующий языковую способность через посредство языка как социальной системы. Язык и языковая способность противопоставлены как социальное и индивидуальное; речевая деятельность (язык + языковая способность) противопоставлена речи как потенция и реализация. Налицо две системы координат.

В каноническом тексте „Курса…“ категория языковой способности совсем отсутствует, и на место трех категорий (язык — языковая способность — речь) встает система двух категорий, а на место двух систем координат — одна, в которой потенциальное приравнено к социальному, а реальное к индивидуальному» [Леонтьев, 1969, с. 12–13].

Уже только из этого высказывания видно, что у Соссюра всё значительно сложнее, богаче и интереснее, чем иногда считают, и что говорить о нем только как об исследователе, противопоставившем «язык» (внешнее, социальное, абстрактное, гомогенное) и «речь» (индивидуальное, конкретное, гетерогенное), по меньшей мере некорректно. А замечания А. А. Леонтьева о низведении мыслей Соссюра до уровня обычного «социологического» понимания и о приравнивании потенциального к социальному, а реального к индивидуальному полностью можно отнести и к приведенным выше интерпретациям взглядов Ф. де Соссюра Л. В. Сахарным.

Но обратимся к самому Соссюру, точнее — к тексту «Курса общей лингвистики» в том виде, в каком он представлен в книге «Труды по языкознанию».

Во Введении после общего взгляда на историю лингвистики Ф. де Соссюр переходит к изложению фундаментальных положений своей теории. Первое из них следующее: «Материалом лингвистики являются прежде всего все факты речевой деятельности человека, как у первобытных народов, так и у культурных наций, как в эпоху расцвета того или иного языка, так и во времена архаические, а также в период его упадка, с охватом в каждую эпоху как форм обработанного, или „литературного“ языка, [так и форм просторечных] — вообще всех форм выражения» [Соссюр, 1977, с. 44].

Определив материал лингвистики («все факты речевой деятельности человека»), Соссюр закономерно задается вопросом: «Что является целостным и конкретным объектом лингвистики?» [Там же, с. 46]. Вопрос этот представляется ему «чрезвычайно трудным», и поиск ответа на него ученый начинает с рассмотрения основных особенностей *речевой деятельности* вообще, в результате чего делает следующий вывод: «Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство» [Там же, с. 48]. И «если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений»[71].

В чем же видит Соссюр выход из этой ситуации?

По его мнению, «надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (norme) для всех прочих проявлений речевой деятельности», так как «язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации» [Там же, с. 47, 48].

Очень важно подчеркнуть, что, как это хорошо видно из приведенных цитат, изучение языка (языковой системы) для Соссюра

[71] Проблему соотношения понятий «предмет» — «объект» науки мы в данном случае не рассматриваем.

вовсе не самоцель, так как язык — это только основание для всех прочих проявлений речевой деятельности, отправное начало классификации и т. п., то есть явление как бы цементирующее речевую деятельность, делающее ее «целостным и конкретным объектом лингвистики».

А в чем видят свои объект и предмет современные отечественные психолингвисты?

А. А. Леонтьев, определив в предварительном порядке общий объект языкознания, психологии речи и некоторых других наук как «совокупность речевых или, вернее, мыслительно-речевых актов» [Леонтьев, 1969, с. 7], затем уточняет это положение следующим образом: «Не совокупность изолированных актов составляет объект лингвистики, а система речевых действий, речевая деятельность. Лингвистика моделирует в речевой деятельности как глобальном объекте одну сторону, психология — другую [Там же, с. 27]. Психология, считает Леонтьев, есть «на современном этапе теория деятельности. Ее предмет близок к тому, что для других наук выступает как объект». Лингвистика же — это «учение об одной из сторон одного из видов или аспектов деятельности. Она выделяет свой предмет в объекте, каким является речевая деятельность» [Там же, с. 28]. А этим «предметом лингвистической науки является сейчас именно система языка» [Там же, с. 8]. Определенные аналогии с рассуждениями Соссюра вполне очевидны.

Что же касается собственно психолингвистики, то Леонтьевым даются два (узкое и широкое, как их иногда называют) ее определения.

Первое: «…Психолингвистика — это наука, предметом которой является отношение между системой языка (языком как предметом) и языковой способностью» [Там же, с. 106].

Второе: «…Предметом психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования» [Там же, с. 110][72].

[72] Отметим, что в последующие годы А. А. Леонтьев неоднократно менял свое понимание психолингвистики и ее предмета. Ср., например: 1) Психолингви-

Как и для Соссюра, речевая деятельность для А. А. Леонтьева тоже «многообразна и разнородна: «…В речевой деятельности можно выявить многие специфические для нее моменты, оказывающиеся вне рамок лингвистики в ее современном состоянии» [Там же с. 28]. В рамках же психолингвистики модели глобальной речи «целесообразно строить в трех планах, различая модель собственно языка (языкового стандарта), модель речи в узком смысле (языкового процесса) и модель речевого механизма (языковой способности)» [Там же, с. 101].

Практически все эти понятия мы находим и у Ф. де Соссюра. Ясно также, что общий уровень развития науки того времени не мог позволить расценить рассматриваемые явления с современной нам точки зрения. Но многое в его взглядах, как нам представляется, является весьма показательным и продолжает оставаться актуальным и в наши дни.

Остановимся несколько подробнее на некоторых базовых понятиях в учении Соссюра.

Термин ***языковая способность*** употребляется Ф. Де Соссюром в двух смыслах.

1. «…Естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (langage parle), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующую дифференцированным понятиям» [Соссюр, 1977, с. 49]. Таким образом, здесь это — способность (очевидно, врожденная, данная, а не приобретенная) человека вообще овладевать языком.

2. «…Над деятельностью различных органов существует способность более общего порядка, которая управляет… знаками и которая и есть языковая способность по преимуществу»

стика — это «наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесенности с системой языка… Московская психолингвистическая школа долгое время называла психолингвистику „теорией речевой деятельности“, употребляя параллельно и термин „психолингвистика“» [Леонтьев, 1990, с. 404–405]; 2) «Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной „образующей“ образа мира человека, с другой» [Леонтьев, 1999, с. 19]. Однако многие основополагающие работы по психолингвистике у нас в стране были написаны именно «под знаменем» понимания ее как теории речевой деятельности.

[Там же]. Эта «способность (безразлично, естественная она или нет) артикулировать слова осуществляется лишь с помощью орудия, созданного и предоставленного коллективом. Поэтому нет ничего невероятного в утверждении, что единство в речевую деятельность вносит язык» [Там же]. Здесь, по существу, языковая способность — это тот же речевой механизм А. А. Леонтьева.

Одним из наиболее важных, сложных и диалектически противоречивых понятий у Ф. де Соссюра является понятие самого я з ы к а, которое, как он считает, «не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык — это только определенная часть — правда, важнейшая часть — речевой деятельности» [Там же, с. 47]. Что же это такое?

С одной стороны, язык «является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности» [Там же, с. 47–48]. Это «социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создать его, ни изменить» [Там же, с. 52].

С другой стороны, язык — «это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [Там же]. «В сущности, в языке все психично, включая его и материальные и механические проявления» [Там же, с. 45]. «Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они — не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу»; язык «есть явление по своей природе однородное — это система знаков, в которой единственным существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [Там же, с. 53].

Таким образом, согласно Соссюру, человеку свойственны природная (врожденная) способность «создавать» (усваивать, присваивать и т. п.) язык — систему дифференцированных знаков, а также способность (безразлично — природная или приобретенная) к осуществлению речевой деятельности (способность «артикулировать слова», «управлять знаками»), то есть ***языковая способность*** (= речевой механизм). ***Речевая деятельность*** людей — явление чрезвычайно разнородное и многообразное, подлежащее изучению в разных науках: физике, физиологии, психологии, лингвистике и др. Она «в большинстве случаев недоступна непосредственному наблюдению» [Там же, с. 44] и, взятая в целом, «непознаваема, так как она неоднородна» [Там же, с. 58]. Следовательно, сделать речевую деятельность истинным, «целостным и конкретным» объектом лингвистики невозможно. Предметом собственно лингвистики является ***язык*** — усвоенное в результате обучения, социально обусловленное п с и х и ч е с к о е образование, представляющее собою виртуально существующую в мозгу людей грамматическую систему (систему дифференцированных знаков). В свою очередь, социальный и психический язык противопоставляется индивидуальному психофизическому исполнению, то есть ***речи*** — акту воли и разума, реализующемуся на основе кода языка и психофизического механизма. Однако, несмотря на индивидуальный характер речи, у всех общающихся людей «неизбежно происходит известного рода выравнивание: все они воспроизводят, хотя, конечно, и не вполне одинаково, примерно одни и те же знаки, связывая их с одними и теми же понятиями»; природа такой социальной «кристаллизации» заключается прежде всего в том, что речевое общение людей осуществляется на основе использования «социального продукта» — языка, явления «вполне определенного в разнородном множестве фактов речевой деятельности» [Там же, с. 52].

На первый взгляд может показаться, что в рассуждениях Ф. де Соссюра о языке имеются явные противоречия: абстрактное — конкретное, внешнее — внутреннее и т. п. Но все эти противоречия, на наш взгляд, мнимые. Они не в рассуждениях Соссюра, а в

самой природе языка, в самих диалектически сложных и противоречивых формах и способах его ***реального бытия***. Язык действительно по отношению к человеку выступает одновременно как явление внешнее (присваемое) и внутреннее (присвоенное), абстрактное и конкретное, социальное и индивидуальное и т. п. Язык для Соссюра, несомненно, психичен, но он, столь же несомненно, ***социально психичен***, иначе речевое общение людей было бы просто невозможно. Это действительно «грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу», но это ***социально значимая*** система — система, пригодная к общественному употреблению. Поэтому закономерно, что, отметив психическую природу языка, Ф. де Соссюр задается вопросом: не составляет ли лингвистика единое целое с социальной психологией? [Там же, с. 45]. Из всего сказанного выше совершенно ясно, что ответ на него может быть только положительным.

Теперь вспомним, что, как уже отмечалось, у нас в стране психолингвистика достаточно долгое время отождествлялась с теорией речевой деятельности и между этими понятиями практически ставился знак равенства (А. А. Леонтьев, Л. В. Сахарный, И. Н. Горелов и др.). Сама же речевая деятельность, хотя и с некоторыми (на наш взгляд, весьма существенными) оговорками[73], рассматривалась как один из видов (следовательно, наряду с другими ее видами — трудовой, научной, спортивной и т. д.) деятельности вообще [Леонтьев, 1999, с. 20]. А современная психология, по Леонтьеву, о чем также уже говорилось, — это психология деятельности. Социальная обусловленность психики человека, опосредованный социальными орудиями (физическим и психическими) характер его деятельности являются краеугольным камнем отечественной психологии, во всяком случае того ее направления, на котором как раз и базировалось развитие нашей психолингвистики, — психолингвистической школы Л. С. Выготского. Таким образом, отчетливо прослеживается нить: *психо-*

[73] «Строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность… Но, несмотря на сказанное, мы будем дальше все-таки говорить о речевой деятельности…» [Теория речевой деятельности, 1968, с. 31].

лингвистика — теория речевой деятельности — общая теория деятельности — психология — социальная психология. Проведение определенных параллелей с рассуждениями Соссюра напрашивается само собой.

В настоящей работе мы вовсе не хотели сказать, что для Ф. де Соссюра всё было совершенно ясно и понятно, а тем более притянуть его к современным научным воззрениям. Однако принципиальный подход Соссюра к речевой деятельности человека (точнее, как теперь принято считать, к речевой деятельности в узком смысле, то есть к процессам говорения и понимания — речевым актам), к речевым действиям и операциям (речевым реакциям), его принципиальная лингвистическая позиция, принципиальная направленность научных взглядов и т. д. являются весьма примечательными, не такими односторонними, как их иногда представляют, а значительно более широкими и диалектичными (хотя, возможно, и стихийными), не утратившими своей актуальности и в наши дни. Если Соссюр чего-либо и не знал, то он многое из этого гениально предугадывал.

2000

Вербальные ассоциации

Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле

В настоящее время ассоциацию обычно определяют как связь, образующуюся при определенных условиях между двумя или более психическими образованиями. Действие этой связи — актуализацию ассоциации — усматривают в том, что появление одного члена ассоциации регулярно ведет к появлению другого ее члена [Большая советская энциклопедия, 1970]. Наиболее распространенной классификацией ассоциаций в психологии является классификация, проводящаяся на основе разграничения характера отношений между содержаниями ассоциируемых психических образований, отражающего три типа отношений между явлениями внешнего мира: а) пространственно-временная смежность, б) подобие, сходство, в) различие, противоположность. Если контраст рассматривать как частный случай сходства, то приходится говорить лишь о двух основных типах ассоциаций — ассоциациях по смежности и ассоциациях по сходству[1].

Вербальные ассоциации, следуя лингвистической традиции (парадигматические поля И. Трира и Л. Вайсгербера, синтаксические или синтагматические поля В. Порцига и т. п.), принято делить на два типа — синтагматические (*небо — голубое*) и парадигматические (*стол — стул*) [Словарь ассоциативных норм…, 1977; Мартинович, 1989а]. В последнее время выделяют третий тип вербальных ассоциаций — тематические ассоциации (*друг —*

[1] Существует крайняя точка зрения, согласно которой «всякая ассоциация есть ассоциация по смежности» [Шеварев, 1959].

дорога) [Клименко, 1975]. Получаемая таким образом трехчленная классификация, с одной стороны, оказывается разнородной (синтагматика — парадигматика — тематика), с другой — не отражает категориальных характеристик ассоциаций вообще и, следовательно, не соотносится с их основной классификацией, т. е. в этом случае наблюдается нарушение двух важнейших принципов научной классификации — единства основания деления и последовательности деления понятий.

Все виды вербальных ассоциаций, по нашему мнению, могут быть рассмотрены в качестве частных случаев двух наиболее общих типов любых ассоциаций, т. е. ассоциаций по смежности (во времени или пространстве) и ассоциаций по сходству, определяемых на основе учета формальных, функциональных и содержательных признаков. Так, на основе отношений содержаний слов-ассоциатов могут быть выделены следующие типы вербальных ассоциаций.

1. ***Ассоциации по смежности***. Это пары таких слов, которые не имеют общих существенных признаков в своем содержании (*бабушка — блины*). Практически к этому типу относятся все так называемые тематические ассоциации.

2. ***Ассоциации по сходству***. А. *Ассоциации синтагматического характера*. Это пары таких слов, в которых содержание одного члена (значение процессуального или непроцессуального признака) входит в содержание второго члена в качестве одного из признаков этого содержания *(бабушка — старая, бабушка — вяжет*). Эти ассоциативные пары представлены, как правило, согласованными словами различных частей речи. Однако к ним могут относиться и ассоциации, организованные по типу словосочетаний с несогласованными определениями (*бабушка — в платке*). Б. *Ассоциации парадигматического характера*. Это пары слов, имеющих в своих содержаниях как минимум один общий существенный признак. Они достаточно разнообразны и включают в себя ассоциативные пары, соотносимые с членами различных лексико-семантических, тематических и т. п. полей и групп (*бабушка — дедушка, бабушка — старушка, белый — черный, белый — цвет, бежать — идти, голова — чурбан, хлеб — пища* и т. д.).

Проведенное разграничение вербальных ассоциаций не является абсолютным, а имеет относительный характер, так как некоторые ассоциативные пары могут одновременно принадлежать к различным типам и подтипам. Например, в паре *бабушка — дедушка* можно усматривать как сходство парадигматического характера (общий признак — старый человек), так и смежность (*бабушка* и *дедушка*). В паре *белый — цвет* проявляются, с одной стороны, гипо-/гиперонимические отношения (*цвет — белый, черный, красный, зеленый* и т. д.) — парадигматика, с другой — отношение признака к предмету *(белый цвет, белого цвета* и т. д.) — синтагматика.

Отмеченные типы отношений между содержаниями членов ассоциативных пар проявляются на глубинном уровне и в конечном счете (в первоистоке) лежат в основе подавляющего большинства вербальных ассоциаций. Фонетические (*ночь — дочь*) и грамматические (*стол — стола*) ассоциации являются ассоциациями по формальному сходству. Словообразовательные ассоциативные пары (*записать — запись*), обладающие общими элементами как содержательного, так и формального планов, образуют промежуточный тип между содержательными и формальными ассоциациями по сходству.

Рассмотренная классификация вербальных ассоциаций основывается на разграничении отношений, существующих между содержаниями или формами слов-ассоциантов, и применима прежде всего для разведения по соответствующим типам отдельных ассоциативных пар «стимул — реакция» (S–R). В то же время наблюдения над особенностями организации ассоциативных полей (АП) как сложных целых позволяют выявить специфические закономерности в их устройстве, в отношениях, существующих между их составляющими.

Известно, что каждое АП, полученное путем массового свободного ассоциативного эксперимента (АЭ), имеет свое ядро, периферийные участки различной степени удаленности и так называемый хвост низкочастотных реакций, включающий в себя и сугубо индивидуальные (иногда совершенно уникальные) реакции. И если эти индивидуальные реакции практически

почти всегда порождаются непосредственно на основе одного из рассмотренных выше типов отношений между S и R, то порождение стандартных (стереотипных, воспроизводимых, социально значимых) ассоциаций основывается на ряде особых закономерностей. Есть достаточные основания утверждать, что весьма существенное место среди стандартных ассоциаций занимают ассоциации, возникающие на основе регулярной совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность), которые Н. В. Крушевский называл «непосредственными ассоциациями по смежности» [Крушевский, 1883]. По А.А. Леонтьеву, это прежде всего речевые, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в речи (high — mountain, *высокая — гора),* а также языковые, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в языке, отражающие общераспространенный языковой шаблон (high — school, *высшая — школа*) ассоциации [Словарь ассоциативных норм…, 1977]. Приведем пример конкретного лингвистического (психолингвистического) исследования, предоставляющего возможность установления некоторых особенностей вербальных связей в АП, отношений между составляющими его элементами, а также выяснения условий возникновения этих связей и отношений.

В целях изучения соотношения ассоциативного и ситуативно-тематического (СТП) полей нами было осуществлено сопоставление их состава и структуры. Для этого был проведен, с одной стороны, свободный АЭ на слово-стимул *береза,* с другой — дистрибутивно-статистический анализ слова *береза* по данным связных текстов различного размера и характера. Анализировалась только полнозначная лексика. Основные результаты исследования свидетельствуют о значительном совпадении и близости распределения тематически существенных слов в АП и СТП, что лишний раз подтверждает возможность рассмотрения АП в качестве прямых психологических аналогов СТП [Мартинович, 1989а]. Обобщение данных АП и СТП позволяет с наибольшей полнотой и надежностью определять стандартные (устойчивые) части лексических объединений, тематически организованных в языковом сознании людей непосредственно в коммуникатив-

ных целях. Наиболее существенная область такого обобщенного поля, по рассмотренным материалам, выглядит следующим образом[2].

Белый 141 (76+65), *дерево* 98 (30+68), *стройный* 82 (66+16), *русский* 74 (35+39), *роща* 74 (33+41), *лес* 72 (27+45), *кудрявый* 57 (42+15), *стоять* 60 (20+40), *зеленый* 53 (36+17), *лист* 43 (16+27), *сок* 43 (24+19), *тонкий* 41 (24+17), *Россия* 41 (15+26), *родина* 36 (20+16), *красивый* 36 (15+21), *белоствольный* 34 (25+9), *веник* 34 (21+13), *расти* 32 (12+20), *ствол* 32 (9+23), *девушка* 33 (21+12), *кора* 31 (9+22), *молодой* 31 (7+24), *береста* 27 (16+11), *высокий* 27 (16+11), *поле* 26 (11+15), *ветвь* 25 (3+22), *нежный* 25 (20+5), *плакучий* 25 (12+13), *сережки* 25 (13+12), *земля* 24 (4+20), *дуб* 23 (9+14), *ветка* 21 (11+10), *красавица* 21 (12+9), *красота* 21 (11+10), *ветер* 20 (3+17), *весна* 19 (10+9), *листва* 19 (5+14), *песня* 19 (6+13), *трава* 19 (11+8), *небо* 18 (14+4), *осина* 18 (7+11), *солнце* 18 (12+6), *человек* 18 (1+17), *река* 17 (5+12), *верный* 17 (3+14),*дом* 16 (5+11), *дрова* 16 (9+7), *клен* 16 (4+12), *слезы* 16 (3+13), *соска* 16 (5+11), *гриб* 15 (9+6), *символ* 15 (3+12), *плакать* 15 (4+11), *светлый* 15 (6+9).

Таким образом, есть все основания утверждать, что в своих стандартных частях АП и СТП суть по существу две разные формы (идеальная и материальная), два вида (АП и СТП), два разных способа (в языковом сознании и текстах) реального существования одного и того же. Следовательно, правомерно предположить, что все наиболее стереотипные (социально значимые) вербальные ассоциации возникают и закрепляются в языковом сознании людей в значительной мере под влиянием текстов как естественный итог постоянного существования человека не только в мире вещей (прежде всего в биосфере), но и в мире слов (в лингвосфере), эти вещи представляющих, опосредствующих, как результат регулярной совместной встречаемости одних и тех же слов в тематически однородных текстах. Иначе, например, трудно объяснить высокую частотность таких реакций на

[2] В скобках первая цифра показывает частотность слова в АП, вторая — частотность слова в СТП.

стимул *береза,* как *стройная, кудрявая, плакучая* и т. п., так как маловероятно, что «стройность», «кудрявость», «плакучесть» березы каждый раз заново «открываются» испытуемыми (или говорящими, пишущими). Весьма существенно также и то, что чем чаще слово появляется в тексте, тем чаще оно появляется и в эксперименте[3]. Следовательно, то, что есть в речи, текстах, так или иначе отражается и закрепляется в языковом сознании людей и наоборот — то, что есть в языковом сознании людей, так или иначе проявляется (или принципиально всегда может проявиться) в речи, текстах (также и в эксперименте). Таким образом, практически все стереотипные вербальные ассоциации относятся к ассоциациям по функциональной смежности (ассоциации употребления), хотя взятые сами по себе и рассмотренные с содержательной и формальной точек зрения они представляют в то же самое время один из отмеченных ранее типов ассоциаций по смежности или сходству.

Результаты проведенного сопоставления АП и СТП подтверждают также возможность интерпретации слова-стимула как слова-темы [Новикова, 1983], задающего и организующего АП. Это говорит о том, что на верхнем (наиболее общем) уровне организации АП все его элементы действительно объединяются на основе собственно тематических отношений, в пределах которых проявляются все остальные виды связей и отношений, возможных между номинативными единицами языка: синонимических, антонимических, гипо-/гиперонимических и т. д.

Итак, предложенная классификация вербальных ассоциаций полностью укладывается в рамки основной классификации ассоциаций по сходству или смежности в качестве ее частного случая. Подавляющее большинство словесных ассоциаций представляют собой ассоциации, возникающие на основе отношений смежности или сходства, существующих между содержаниями слов-ассоциатов и отражающих отношения между явлениями объективного мира. Именно эти отношения являются в конечном

[3] «Закономерности распределения слов в свободном ассоциативном эксперименте и вероятность появления их в потоке речи… чрезвычайно близки» [Словарь ассоциативных норм…, 1977, с. 10].

счете первоосновой возникновения основной массы вербальных ассоциаций, «тиражируемых» затем людьми в процессе их реального речевого общения и экспериментах, что, в частности, подтверждается и результатами проведенного нами сопоставления АП и СТП. Исходя из этого можно утверждать, что на уровне организации АП как сложного целого существенное место занимают ассоциации по функциональной смежности (ассоциации употребления), возникающие и закрепляющиеся в языковом сознании людей на основе регулярной совместной встречаемости слов в речи, текстах (речевые и языковые ассоциации). На самом общем уровне организации АП все его элементы объединяются на основе собственно тематических отношений, так как слово-стимул есть в то же самое время и слово-тема, создающее и организующее это поле. В пределах общих тематических отношений, объединяющих все элементы АП, проявляются остальные виды связей и отношений, возможных между номинативными единицами языка.

1990

Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента

Вербальные ассоциации рассматриваются в различных науках: в психологии, лингвистике и психолингвистике, логике, информатике, теории коммуникации и т. д. Однако многие проблемы словесного ассоциирования как в естественном речевом общении людей, так и в эксперименте остаются все еще недостаточно изученными. Настоящая статья представляет собой изложение основных результатов комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента (АЭ), которое было предпринято с целью выяснения некоторых вопросов природы вербальных ассоциаций и особенностей их порождения в условиях эксперимента.

В свободном АЭ приняли участие 160 испытуемых: студенты I и II курсов филологических факультетов вузов Санкт-Петербурга — 83 человека, слушатели подготовительных курсов филологических факультетов — 58 человек, преподаватели русского языка — 12 человек, другие лица — 7 человек. В качестве слова-стимула было выбрано конкретное, практически однозначное существительное *береза*. В задании испытуемым предлагалось написать первые пришедшие в голову слова на этот стимул. Время ответа ограничивалось 3 минутами, количество реакций не ограничивалось. В результате было получено 1438 ответов-реакций. Разных реакций (включая и разные формы одного слова) было дано 515. Слово-стимул в начале ответа испытуемые написали 108 раз, в ответах-словосочетаниях оно было употреблено 14 раз.

Реакции, даваемые испытуемыми в АЭ, могут быть охарактеризованы, как нам представляется, по крайней мере с трех точек зрения: лингвистической, психолингвистической и психологической.

Характеристика ответов-реакций с лингвистической точки зрения. Здесь предполагается прежде всего рассмотрение формально грамматических особенностей ответов-реакций. По нашим наблюдениям, выделяются четыре основных типа реакций: реакции-предложения, реакции-сказуемые, реакции-словосочетания и реакции-словоформы.

Рассмотрение ответов-реакций на слово-стимул существительное *береза* с лингвистической точки зрения показывает, что наиболее распространенным видом реакций является словоформа (около 86%). Согласованные со словом-стимулом словоформы составляют примерно 31% всех ответов, несогласованные — 55%. Около 49% ответов-реакций — существительные в именительном падеже. Реакции-словосочетания составляют приблизительно 8%, реакции-сказуемые — 5% и реакции-предложения — 1%. Такое соотношение видов реакций обусловлено, с одной стороны, требованием задания, с другой — лексико-грамматическими особенностями слова-стимула: конкретное имя существительное в именительном падеже единственного числа.

Характеристика ответов-реакций с психолингвистической точки зрения. В психолингвистике вербальные ассоциации обычно рассматриваются с позиций теории речевой деятельности, т. е. главным образом не как результат, а процессуально — непосредственно в процессе их порождения в естественном речевом общении людей и (в первую очередь!) в эксперименте. Большое внимание в последнее время уделяется исследователями изучению текстообразующей роли словесных ассоциаций [Овчинникова, 1986]. Действия испытуемых в этом случае расцениваются в качестве одной из разновидностей речевых актов, результатом которых являются своеобразные «тексты-примитивы» [Сахарный, 1989, с. 120–121, 141–144]. Здесь, однако, необходимы, на наш взгляд, некоторые уточнения и разграничения.

Известны два основных способа «реконструкции лексикона человека» («языковой личности») — ассоциативный эксперимент и анализ лексики текстов, созданных личностью, ее дискурса [Караулов, 1987, с. 107]. Оба эти способа позволяют исследователю вскрыть практически одни и те же лексико-семантические связи, обнаружить одни и те же лексические объединения, существующие в сознании человека. Понятно, что анализ данных массового АЭ или определенной (минимально необходимой и достаточной) совокупности текстов различных сфер, стилей и жанров национального языка дает возможность выявить некоторые фрагменты общественного языкового сознания, общественного (социально значимого) лексикона. Сказанное подтверждается, в частности, и результатами проведенного нами сопоставления лексического состава обобщенного ассоциативного поля *«Береза»* и одноименного ситуативно-тематического поля, полученного в результате дистрибутивно-статистического анализа употребления слова *береза* в русском языке [Мартинович, 1989а].

В то же время с точки зрения процессов текстопорождения и текстообразования существует, как нам представляется, и принципиальное различие между действиями испытуемых в условиях АЭ и действиями реально общающихся людей в естественных ситуациях. В чем же оно заключается?

В отечественной науке психолингвистику, хотя и с некоторыми допущениями [Основы теории речевой деятельности, 1974, с. 25–26], часто отождествляют с теорией речевой деятельности и практически ставят знак равенства между этими терминами [Горелов, 1987, с. 11–12; Сахарный, 1989, с. 11]. Однако из современных представлений о деятельности [Леонтьев, 1975] вытекает, что в наибольшей мере характеру собственно деятельности (конкретно — речевой деятельности) отвечают лишь некоторые (в сущности, вторичные) случаи: редакторская и корректорская деятельность, определенные фрагменты работы писателя над текстом, отдельные элементы овладения родным и иностранными языками, речевой и языковой игры — все те случаи, когда мотив этой деятельности опредмечивается лишь непосредственно в самом создаваемом речевом произведении: построение текста выступает как самоцель, как главная цель[4]. В то же время естественные речевые акты, совершаемые людьми, включенные (входящие) в какие-то виды деятельности [Теория речевой деятельности, 1968, с. 31] и т. п., необходимо признать лишь собственно речевыми действиями и операциями, т. е. лишь одними из образующих (составляющих) таковых. Последовательное выдерживание в научных исследованиях данного разграничения представляется нам чрезвычайно важным. Из него можно вывести, в частности, следующее.

1. Речевые действия испытуемых в АЭ должны быть расценены в качестве составляющих собственно речевой деятельности. Порождение словесных реакций, создание того или иного словесного выражения и т. п. является единственной целью (самоцелью) поведения испытуемых в эксперименте и мотивировано прежде всего условиями задания.

2. Речевые действия людей в процессе их естественного речевого общения являются составляющими иных видов деятельности. Порождение текстов в этом случае не есть самоцель, оно

[4] Конечно, степень «деятельностности» в каждом отдельном случае проявляется неодинаково. Несколько утрируя, можно сказать, что собственно речевую деятельность, речевую деятельность в ее наиболее чистом виде, можно найти в процессах построения текстов (порождения речи) при идиотизме (если вообще допустимо говорить о поведении идиота как о деятельности).

подчиняется каждый раз целям и задачам той мотивированной реальными потребностями людей деятельности, в осуществлении которой участвует.

Отсюда вытекают и основные особенности стратегии поведения людей в том и другом случае. По нашему мнению, во всем многообразии так называемых текстов-примитивов (детская речь, патология речи, фрагменты разговорной речи, наборы ключевых слов, ассоциативные пары и т. д.) необходимо различать, с одной стороны, собственно коммуникативные тексты-высказывания, созданные в реальных целях общения и обладающие всеми конститутивными признаками (предикативностью, модальностью и т. д.) предложения: детская речь, патология речи, фрагменты разговорной речи, с другой — созданные по специальному заданию не в целях общения тексты-выражения, т. е. тексты, лишенные конститутивных признаков предложения и не направленные непосредственно на коммуникацию: наборы ключевых слов, ассоциативные пары, полученные в АЭ.

Наблюдения над реакциями на слово-стимул *береза* показывают следующее.

1. Некоторое приближение к процессу порождения коммуникативных текстов-высказываний испытуемыми в условиях АЭ можно усматривать лишь в случаях порождения ими не заданных специально экспериментатором реакций-предложений (*береза — милое дерево; листья падают, шуршат)* — около 1% ответов — и реакций-сказуемых (*береза — безобидное существо)* — 5,3% ответов. Здесь испытуемые, вероятнее всего, мысленно переносятся в воображаемую коммуникативную ситуацию и как бы включаются в процесс реального общения, т. е. стратегия их поведения оказывается максимально приближенной к естественной.

2. Реакции-словосочетания и реакции-словоформы (94% всех реакций) никаких предикативных конструкций со словом-стимулом не образуют, ни на какую (реальную или воображаемую) коммуникацию не направлены и могут считаться текстами только условно, исключительно на основе их семантической цельности. Это всегда целенаправленно созданные по заданию эксперимен-

татора непредикативные словосочетания (некоммуникативные тексты-выражения), в которых первым компонентом является слово-стимул, вторым — ответ-реакция: а) согласованная со словом-стимулом *(береза — белая; береза — стройная);* б) несогласованная (соположенная, примыкающая) со словом-стимулом *(береза — русые косы; береза — дрова)*.

Как уже отмечалось, полностью отвечают условиям эксперимента согласованные и не согласованные со словом-стимулом реакции-словоформы (около 86% реакций). Но именно стратегия их порождения менее всего может быть расценена как стратегия, направленная на порождение собственно текста-высказывания. В естественном речевом общении людей текст практически никогда не создается ради самого себя, он создается лишь в тех или иных целях общения и всегда рассчитан на коммуникацию (с другими людьми или, тем самым, с самим собой), на передачу мысли и чувства, выполняет регулятивную и прагматическую функции [Лингвистическая прагматика…, 1989, с. 5–34]. Всего этого полностью лишены тексты-выражения, получаемые экспериментатором от испытуемых; и отношение к ним как к искусственным моделям текстов-высказываний представляется нам наиболее правомерным. Поэтому недифференцированное рассмотрение, как это иногда делается [Сахарный, 1989, с. 141–145], в одном ряду всех «текстов-примитивов» будет недостаточно корректным именно по соображениям «коммуникативного, а не структурного характера» [Там же, с. 120].

Следует также помнить, что ассоциативный эксперимент по самой своей сути есть эксперимент лабораторного типа [Залевская, 1983, с. 73–74] и что относиться к нему необходимо как к своего рода оперативному экспресс-анализу, предварительной (часто достаточно грубой) прикидке, требующей дальнейшей всесторонней проверки в, так сказать, полевых условиях, т. е. в исследованиях процессов реального речевого общения людей, реальных текстов, а следовательно, и ассоциаций, порожденных ими в этих текстах[5]. При этом, однако, можно сказать, что

[5] Понятно, конечно, что возникающие при этом трудности не снимают самой такой задачи.

АЭ есть искусственно вызванная речевая деятельность людей, спровоцированное экспериментатором проявление индивидуального и общественного языкового сознания, тогда как речевые действия и операции, осуществляемые людьми в процессах общения, являются не чем иным, как естественным, поставленным самой реальной жизнью экспериментом.

Всё это свидетельствует о взаимосвязи и взаимодополнительности экспериментальных и текстовых исследований процессов речемышления и коммуникации, в том числе, несомненно, и явлений ассоциативного плана.

Характеристика ответов-реакций с психологической точки зрения. С психологической точки зрения ассоциативные пары S–R, получаемые в результате АЭ, могут быть рассмотрены по крайней мере на трех различных, хотя и взаимосвязанных, уровнях: 1) на глубинном уровне отношений, существующих между содержанием слов-ассоциантов; 2) на уровне порождения ответов-реакций испытуемыми в АЭ; 3) на наиболее общем уровне организации ассоциативного поля [Мартинович, 1990].

Уровень отношений, существующих между содержанием слов-ассоциантов. Все виды вербальных ассоциаций представляют собой частные случаи двух наиболее общих типов любых ассоциаций — ассоциаций по смежности (во времени или пространстве) и ассоциаций по сходству. Данное разграничение, однако, не является абсолютным, оно имеет относительный характер, так как различные виды отношений в некоторых ассоциативных парах проявляются нерасчлененно (синкретические ассоциации). Кроме непосредственных реакций на слово-стимул в рассматриваемых нами материалах имеется ряд ответов, которые могут быть определены как опосредованные. Отдельные реакции требуют специальных комментариев. Приведем некоторые примеры.

Непосредственные реакции

I. ***Ассоциации по смежности***. К ним относятся ассоциативные пары слов, не имеющих общих существенных признаков в своем

содержании: *береза — поле, река, озеро, деревня, дом, дорога, птицы, небо, солнце, ветер, весна…*; всего 316 реакций, разных — 137.

II. ***Ассоциации по сходству***. Здесь обнаруживаются два подтипа.

А. Детерминационные. Это пары таких слов, в которых содержание одного члена (значение процессуального или непроцессуального признака) входит в содержание второго в качестве одного из признаков этого содержания: *береза — белая, стройная, кудрявая… стоит, растет, качается…*; всего 609 реакций, разных — 157.

Б. Классификационные. Это пары слов, имеющих в своем содержании как минимум один общий существенный признак. Они достаточно разнообразны и представляют собой ассоциативные пары, соотносимые с членами различных лексико-семантических, тематических и т. п. полей и групп: *береза — дерево, лист, ствол, сок, дуб…*; всего 220 реакций, разных — 82.

Опосредованные реакции

К ним относятся ассоциативные пары, в которых ответ-реакция не имеет непосредственных отношений со словом-стимулом и связан с ним посредством некоего третьего (формально не выраженного) члена. Схематически связь стимула и реакции в этом случае может быть представлена следующим образом: слово-стимул — [X] — ответ-реакция: *береза* — [листья] — *опадают; береза* — [человек] — *босоногий; береза* — [небо] — *голубое; береза* — [стоит] — *грациозно…*; всего 94 реакции, разных — 56.

Синкретические ассоциации

Это такие пары, в которых различные виды отношений слова-реакции со словом-стимулом (смежность — сходство, детерминация — классификация, непосредственность — опосредованность) не могут быть четко разграничены.

Например, в реакциях *лес, сад, роща* одновременно проявляются как отношения смежности (береза в лесу), так и классифи-

кационности (береза — часть леса). Совмещение тех же отношений находим и в реакциях: *дуб, осина* (береза рядом с дубом, осиной и береза, дуб, осина — виды деревьев); *девушка, красавица, подруга* (человек возле березы и традиционное сравнение и уподобление девушки и березы). Реакции *синь, синева, голубизна, бирюза,* могут быть рассмотрены, с одной стороны, как непосредственные реакции по смежности (синева вокруг березы), с другой — как опосредованные ассоциации: *береза* — [небо] — *синева*; всего 185 реакций, разных — 74.

Неопределенные реакции

Специально отметим отдельные реакции, содержащие элемент неопределенности.

1. Многозначные (или омонимичные) слова, конкретные значения которых не могут быть выявлены вне условий контекста: *мир* (не война — свет), *свет* (мир — световое излучение), *тик* (дерево — ткань — мышечное сокращение), *клещи* (инструмент — мелкие насекомые), *кошка* (приспособление — домашнее животное).

2. Грамматические омонимы, т. е. слова, представляющие собой неопределенную часть речи: *девичья* (существительное — прилагательное), *тепло* (наречие — категория состояния), *светло* (наречие — категория состояния), *вокруг* (наречие — предлог); всего 14 реакций, разных — 9.

Таким образом, наиболее распространенными реакциями на существительное *береза* являются непосредственные реакции по сходству — около 57% (детерминационные — 42,35%, классификационные — 15,3%). 22% ответов представляют реакции по смежности, 12,9% — синкретические реакции, 6,54% — опосредованные реакции и 0,97% — неопределенные реакции. Такое распределение ответов-реакций также в значительной мере обусловлено лексико-грамматическими свойствами слова-стимула. Кроме того, полученные данные еще раз подтверждают, что отношения смежности и сходства, отражающие основные виды отношений между явлениями объективной действитель-

ности, лежат в основе возникновения и закрепления в языковом сознании людей подавляющего большинства словесных ассоциаций. Однако в реальных процессах порождения вербальных ассоциаций в АЭ на первое место выдвигаются уже несколько иные механизмы.

Уровень порождения ответов-реакций в АЭ. По нашим наблюдениям, существует значительное различие прежде всего в порождении стандартных (стереотипных) и индивидуальных (отдельных) реакций в условиях АЭ. Массовое воспроизводство реакций свидетельствует прежде всего об автоматической актуализации и механическом (бездумном, нетворческом) тиражировании исходно (в филогенезе) возникающих на основе отношений смежности или сходства, но закрепленных (в онтогенезе) в языковом сознании людей главным образом как результат прочитанного и услышанного, т. е. на основе совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность), ассоциаций [Там же].

Условимся считать стандартными реакции с частотностями более 2. Их было всего 970, разных — 106.

Реакции с частотностью 2 образуют, можно сказать, промежуточный (между стандартными и единичными реакциями) участок ассоциативного поля. Однако по характеру порождения в АЭ они в основном тяготеют к стандартным реакциям (т. е. реакциям по функциональной смежности). Очевидно, правомерно допустить, что при расширении эксперимента (увеличении числа испытуемых, времени ответа и т. п.) частотность многих из них будет возрастать. Реакций с частотностью 2 было всего 118, разных — 59.

В свою очередь, механизмы порождения реакций с частотностью 1 (350 реакций, т. е. около 24,3%) достаточно разнообразны. Единичность появлений той или иной реакции сама по себе вовсе еще не свидетельствует о невоспроизводимости (нестереотипичности, нестандартности) такой реакции. Необычные (творческие, поисковые и т. п.) реакции вообще появляются чрезвычайно редко. Причины же отдельности той или иной реакции бывают самыми различными. Остановимся на единичных

реакциях более подробно. Все реакции с частотностью 1 можно разделить на две группы.

I. ***Реакции, имеющие родственные связи с другими реакциями:***

1) грамматические формы слова в разных реакциях: *высокий* (ср.: *высокая* — 15); *сережка, в сережках* (ср.: *с сережками* — 2, *сережки* — 9); *в лесу, лиственный лес, опушка леса, символ русского леса, береза — типичный представитель наших лесов, украшает лес* (ср.: *лес* — 20). Единичность таких реакций обусловлена прежде всего грамматически;

2) члены словообразовательных гнезд в разных реакциях: *корневище* (ср.: *корни* — 3, *корень* — 2)*; ласка* (ср.: *ласковая* — 3); *травка* (ср.: *трава* — 11); *солнечное утро* (ср.: *солнце* — 12). Единичность этих реакций можно расценивать как словообразовательно обусловленную.

Достаточно часто единичные реакции, имеющие родственные связи с другими реакциями, образуют вместе с ними целые ряды реакций-словоформ и реакций-словосочетаний. Между отдельными членами этих рядов обнаруживаются как грамматические, так и лексико-грамматические отношения.

Значительная часть рассматриваемых ответов-реакций встречается только в форме реакций-словосочетаний. Порождение таких реакций, как уже отмечалось, вообще противоречит условиям задания, и, следовательно, их единичность вполне закономерна. Кроме того, реакции-словосочетания, как правило, представляют собою либо уточнения слова-стимула *(кудрявая береза, русская береза, береза-девушка),* либо расчлененные (конкретизирующие) обозначения понятий, обычно выражаемых стандартными реакциями; следовательно, по своему лексическому составу эти реакции смыкаются со стереотипными.

Всего отмечено 189 реакций (около 13,4% всех реакций, примерно 54% реакций с частотностью 1), единичность которых обусловлена лишь грамматически и / или лексико-грамматически. Единичность 81 реакции поддержана также и формой реакции-словосочетания. Таким образом, все это, по существу, стандартные реакции, только представленные той или иной (граммати-

ческой, словообразовательной или конструирующей) отдельной формой.

II. ***Реакции, не имеющие родственных связей с другими реакциями:***

1) реакции, являющиеся членами различного рода тематических рядов и групп. Подавляющее большинство единичных реакций, не имеющих родственных связей с другими реакциями, входят в составы тематических рядов и групп, образуемых ответами испытуемых, т. е. можно сказать, что они поддержаны тематически. Устойчивой, воспроизводимой в данном случае оказывается не та или иная конкретная реакция, а целый тип реакций, порождаемых по определенной модели, например, наименованиях других деревьев: *баобаб, бук, ива, кипарис, ольха, пихта, секвойя, ясень* (ср.: *дуб* — 9, *осина* — 7, *сосна* — 5, *клен* — 4, *рябина* — 2).

Всего отмечено 136 единичных реакций такого рода (9,45% всех реакций, 39% реакций с частотностью 1);

2) собственно индивидуальные реакции. Порождение отдельных реакций испытуемыми в АЭ происходит на основе творческих, поисковых процессов, в которых осуществляется индивидуальное сближение представлений и понятий по смежности или сходству, в результате чего создаются новые ассоциативные пары: *береза — безобидное существо, лягушка* (лягушачья пупыристая кожа), *крокодил, зебра, асфальт, ее можно сравнить с тростником, кошки, клещи, русалка, портвейн, блинчики, значок, транскрипция, парочка, дворник с метлой, послеобеденный сон, отпуск, полярная, пышная, кучерявая, строгая, хрупкая, босоногий, юный, дышит*. Всего 25 реакций (1,73% всех реакций, 7,14% реакций с частотностью 1)[6].

Приведенный материал показывает, что только 1,73% ответов-реакций (собственно индивидуальные реакции) порождаются испытуемыми непосредственно на основе отношений смежности или сходства, существующих между содержательными единицами языка и мышления. В остальном это либо стан-

[6] Изучение конкретных причин индивидуальности той или иной реакции не является задачей настоящей работы.

дартные реакции, т. е. реакции, порождаемые главным образом на основе функциональной смежности, совместной встречаемости слов в текстах, — ассоциации употребления, либо реакции, единичность которых объясняется прежде всего того или иного рода формальной обособленностью, — отдельные грамматические формы, единичные члены словообразовательных гнезд, реакции-словосочетания. В ряде случаев единичность ответа обусловлена необычным поиском внутри типичной связи по более общей модели. Об этом, например, свидетельствуют такие реакции, как *баобаб, кипарис, секвойя,* т. е. обозначения экзотических пород деревьев. Здесь испытуемому, очевидно, важно просто назвать один (все равно какой) из видов деревьев.

Уровень организации ассоциативного поля. Наблюдения над особенностями организации и структуры родственных (одноименных) ассоциативного и ситуативно-тематического полей позволяют выявить целый ряд общих закономерностей в их устройстве [Мартинович, 1989а]. Это лишний раз подтверждает правомерность интерпретации ассоциативных полей в качестве прямых психологических аналогов соответствующих ситуативно-тематических полей. Следовательно, ассоциативные поля с полным основанием могут быть рассмотрены как тематически однородные лексические объединения, задаваемые и организуемые словом-стимулом, т. е., по существу, тоже словом-темой [об этом см.: Новикова, 1983]. Это говорит о том, что на верхнем, наиболее общем уровне организации ассоциативного поля все его элементы как по отношению к слову-стимулу, так и по отношению друг к другу объединяются на основе собственно тематических отношений. С этой точки зрения, например, ассоциации *белая, стройная, зеленая, растет, стоит, плачет, родина, дом, солнце* ничуть не менее «тематичны», чем реакции *дерево, ствол, роща,* и уже только в пределах тематических отношений проявляются в ассоциативном поле все остальные связи и отношения, возможные между номинативными единицами языка: синонимические *(грустная — печальная),* антонимические *(высокая — низкая),* гипо-гиперонимические *(лес — лиственный лес),* словообразовательные *(деревня — деревушка)*.

* * *

Подведем некоторые итоги. Исследование природы, свойств, типов и функций вербальных ассоциаций только на основе разграничения синтагматических, парадигматических и тематических ассоциативных пар, как это принято в большинстве психолингвистических работ, представляется нам несколько односторонним и недостаточным. К тому же само такое разграничение весьма спорно [Мартинович, 1990]. Очевидно, что плодотворное познание вербальных ассоциаций во всем их многообразии и сложности возможно лишь при всестороннем учете всех существенных признаков ассоциативных пар, их собственно лингвистических, психолингвистических и психологических (а возможно, и ряда других, например нейрофизиологических) характеристик. Конечно, данное разграничение во многом условно и является лишь необходимой для описания научной абстракцией, тогда как в реальных процессах порождения вербальных ассоциаций, как в эксперименте, так и в естественных речевых актах, лингвистический, психолингвистический и психологический факторы действуют в сложном диалектическом единстве.

Комплексное исследование данных АЭ на слово-стимул *береза* позволяет сделать следующие выводы.

1. Поведение испытуемых в АЭ должно быть расценено в качестве собственно речевой деятельности, мотивированной исключительно условиями задания экспериментатора и подчиняющейся этим условиям, хотя само задание обусловлено познавательными потребностями ученого.

2. Подавляющее большинство реакций, данных испытуемыми в АЭ, — около 94% — представляет собой некоммуникативные (непредикативные и немодальные) тексты-выражения, являющиеся искусственными моделями примитивных текстов-высказываний, порождаемых людьми в результате осуществления ими в целях различных видов деятельности[7] естественных речевых действий и операций.

[7] Прежде всего коммуникативной и речемыслительной деятельности, обеспечивающей в нормальных условиях осуществление практически всех остальных видов собственно человеческой деятельности.

3. Будучи идентичными по составу естественным примитивным текстам-высказываниям, искусственные тексты-выражения, несомненно, представляют собою ценный, достаточно надежный и практически удобно получаемый материал для исследования определенных сторон речемышления и коммуникации. Сами психолингвистические эксперименты позволяют исследователям целенаправленно изучать интересующие их явления, а в случае необходимости вмешиваться в них с определенной целью.

4. Естественные тексты, порождаемые людьми в реальных процессах речевого общения, есть, можно сказать, результаты естественного эксперимента, поставленного самой действительностью. Поэтому вопрос, очевидно, заключается не в том, «от текста» или «от эксперимента» должен идти исследователь [Сахарный, 1989, с. 88–112], так как идти необходимо и от того и от другого, а в том, как это делать. Экспериментальные исследования, несомненно, совершенно необходимы. Но никакие абсолютизация и универсализация эксперимента, конечно, недопустимы, а интерпретация их результатов должна осуществляться с обязательным учетом экспериментальности полученных данных. Текст же, как нам представляется, следует рассматривать не как некую самостоятельную сущность, а как результат активно-творческих речевых актов, речемыслительных (в том числе и ассоциативных) процессов, как реальное проявление языкового сознания. Следовательно, данные психолингвистических экспериментов могут и должны проходить всестороннюю проверку в естественных условиях — в естественно созданных на том или ином языке текстах, и наоборот — данные текстовых исследований могут и должны проверяться в психолингвистических экспериментах с целью выявления «психологической реальности лингвистических моделей» (Дж. Миллер). Поэтому естественные тексты просто обязаны быть предметом не только традиционно лингвистических, но и психолингвистических и даже собственно психологических исследований.

5. В основе практически всех реакций, полученных в эксперименте, лежат отношения смежности или сходства (де-

терминационные и классификационные ассоциации) между членами ассоциативных пар. В ряде случаев эти отношения проявляются нерасчлененно (синкретические реакции). У опосредованных реакций отношения смежности или сходства существуют не со словом-стимулом, а с некоторым (формально не выраженным) членом ассоциативного ряда, который уже в свою очередь находится в определенных отношениях со словом-стимулом.

6. Порождение вербальных ассоциаций испытуемыми непосредственно в эксперименте имеет целый ряд существенных особенностей, которые постоянно должны учитываться исследователями языка, речемышления и коммуникации. Как правило, процесс ассоциирования в специально поставленном эксперименте осуществляется прежде всего на основе совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность), т. е. здесь происходит процесс автоматического тиражирования стереотипных ассоциаций: это либо собственно стандартные (воспроизводимые) реакции, либо реакции, так или иначе (грамматически, словообразовательно, конструирующе-синтаксически и тематически обусловленные реакции) с ними соотносимые и смыкающиеся, т. е. реакции, единичность которых связана лишь с формальными отклонениями от стандартных, что в ряде случаев объясняется также отклонением от условий задания (реакции-словосочетания). Только 1,73% реакций (собственно индивидуальные реакции) порождаются испытуемыми в АЭ на основе отношений смежности и сходства в результате творческих, поисковых процессов.

7. На уровне организации ассоциативного поля как сложного целого абсолютно все его элементы, независимо от их остальных характеристик, объединяются на основе собственно тематических отношений, в пределах которых проявляются все другие виды связей и отношений, возможных между номинативными единицами языка, — синонимические, антонимические и т. д.

Исследование данных АЭ показало, что как само ассоциативное поле, так и его минимальная единица — ассоциативная

пара — представляют собой достаточно сложные образования, истинная природа которых может быть понята и объяснена лишь на основе комплексного изучения всех их существенных сторон на лингвистическом, психолингвистическом и психологическом уровнях.

1993

Метро как единица русской ментальности 80–90-х годов XX века

В ряде исследований нами было показано, что одноименные ситуативно-тематические (СТП) и ассоциативные поля (АП), определяемые по данным двух видов ассоциирования (ассоциирование при порождении текстов и ассоциирование при порождении реакций в ассоциативном эксперименте), в своих существенных областях оказываются практически идентичными. Следовательно, есть достаточные основания утверждать, что они выявляются по результатам двух видов материализации одного и того же фрагмента общественного языкового сознания [Мартинович, 1989а; 1989б; 1993; 1994]. Объединение элементов этих полей позволяет с наибольшей полнотой и надежностью определять существенные части этого фрагмента — совокупности номинативных единиц, тематически организованных непосредственно в коммуникативных целях, которые, скорее всего, могут быть охарактеризованы как ***коммуникативно-тематические поля*** (КТП). Объединения же наименований, реконструируемые на основе данных текстов и ассоциативного эксперимента, можно условно разграничить как соответственно КТП-1 и КТП-2.

Элементами КТП являются номинативные единицы — слова и устойчивые словосочетания. КТП-1 практически идентичны СТП. КТП-2 не совпадают полностью

с АП, так как под последними обычно понимают совокупности собственно р е а к ц и й (словоформ и словосочетаний в той форме, в какой они непосредственно даны испытуемыми), организованных словом-стимулом. Состав КТП-2 определяется в результате незначительного уровня абстракции собственно номинативных единиц от состава ассоциативных полей (от состава реакций).

Со структурной точки зрения КТП делится на тематическую (субстантивную), состоящую из наименований-существительных, и функциональную (признаковую), состоящую из наименований-признаков (прилагательных (включая и причастия), глаголов (включая и деепричастия), наречий и слов категории состояния), области, подразделяемые далее на группы и подгруппы. Наименования-существительные предназначены главным образом для предметно-понятийного (то есть тематического) членения наших знаний о явлениях действительности, тогда как признаковые слова — для обозначения признаков той или иной предметной (в широком, абстрактно-грамматическом смысле) сферы. Поэтому наименования-существительные (субстантивные наименовании) образуют собственно тематическую область КТП. Признаковые же наименования создают функциональные участки поля и группируются не на основе своих собственных семантических признаков, а на основе связей и отношений с наименованиями соответствующих подгрупп тематической области. Таким образом, предлагается, по существу, функционально-тематическая классификация элементов КТП.

Источниками исследования послужили: 1. *Методическая* разработка по теме «Ориентация в городе. Транспорт». Л., 1990. С. 3–8. 2. *Русский* язык: грамматика, лексика, развитие речи, семантика / под ред. С. Н. Плужниковой. М., 1983. С. 128–140. 3. *Шепс Е*. Как повысить рентабельность метро // Санкт-Петерб. ведомости. 1994. № 123. 4. Данные ассоциативного эксперимента, проведенного в 1994 г. среди студентов 1-го курса филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Во всех случаях сохраняется орфография источника.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

Имена существительные

I. Наименования, относящиеся к метрополитену

1. *Наименования метрополитена.* Метро 35, вид транспорта 13, метрополитен 9, подземелье 3, подземная дорога 3, железная дорога 1, подземка 1, подземная магистраль 1, предприятие 1, комплекс 1, Московский метрополитен имени В. И. Ленина 1, транспорт 1.

Переносные наименования. Сказка 3, подземный дворец 2, ад 1, давильня 1, катакомбы 1, мечта 1, подвал 1, подземный город 1, подземная империя 1, праздник 1, самоубийство 1.

2. *Наименования средств передвижения в метрополитене*. Поезд 13, электричка 6.

Переносные наименования. Змей 1, дракон 1, черт 1, чудовище 1.

3. *Наименования частей средств передвижения.* Вагон 12, место 8, дверь 3, колесо 2, окно 2, бок (поезда) 1, стекло 1.

4. *Наименования путей сообщения.* Линия 11, тоннель (тунель) 7, сеть линий 1.

5. *Наименования свойств, функций, качеств, действий, признаков и т. п. метрополитена, его частей и оборудования.* Скорость 5, движение 5, быстрота 4, красота 2, полет 2, цивилизация 2, блеск 1, высота 1, гадость 1, глубина 1, износ 1, комфорт 1, кошмар 1, ограниченность 1, повреждение 1, преимущество 1, покой 1, порядок 1, работа (метрополитена) 1, специфика 1, удобство 1, устойчивость 1, ухоженность 1.

6. *Названия и наименования станций метрополитена.* Станция 18, Василеостровская 4, Канал Грибоедова 1, Комсомольская 1, остановка 1, Петроградская 1, Площадь Восстания 1.

7. *Наименования частей станций.* Выход 5, вход 3, переход 3, вестибюль 2, дверь 2, декорация 2, платформа 2, сторона 2, вокзал 1, египетская пирамида 1, зал 1, коридор 1, лабиринт 1, лестница 1, пол 1, потолок 1, стенка 1, ступеньки 1, ход 1, холл 1, щель 1.

8. *Наименования оборудования метрополитена.* Эскалатор 21, Часы 5, поручень 4, турникет 4, автоматика 1, зеркало 1, игровой автомат 1, механизм 1, оборудование 1, провода 1, скамейка 1, техника 1, фонарь 1, фотоэлемент 1, шпалы 1.

9. *Наименования видов оформления, украшений и т. п. станций.* Звезда 1, картина 1, панно 1, скульптура 1, чеканка 1.

10. *Наименования рекламных объявлений, указателей, схем и т. п.* Реклама 3, объявления 1, система 1, схема 1, табличка 1.

11. *Наименования различных предметов и явлений, существующих в метрополитене.* Духота 5, свет 4, ветер 3, запах 2, огни 2, стук (колес) 2, темнота 2, воздух 1, грязь 1, жара 1, мрак 1, прохлада 1, свист 1, сноп света 1, чернота 1.

12. *Наименования материалов отделки, оформления и оборудования метрополитена.* Золото 2, мрамор 2, металл 1, порода (мрамора) 1, сталь 1.

II. Наименования, относящиеся к явлениям внешней (окружающей) среды метрополитена

1. *Названия и наименования страны*. Страна 3, СССР 2, республика 1.

2. *Названия и наименования населенных пунктов*. Город 12, Москва 9, Ленинград 5, столица 4, Лондон 2, Баку 1, Киев 1, Ташкент 1, Тбилиси 1.

3. *Названия и наименования частей, районов и т. п. населенных пунктов*. Центр 2, конец 1, место 1, Невский проспект 1, парк 1, поверхность 1, Сокольники 1, угол 1, Центральный парк культуры и отдыха имени Горького 1, черта города 1.

4. *Наименования строений, сооружений и т. п*. Бассейн 1, новостройка 1, театр 1.

5. *Наименования учреждений, предприятий и т. п*. Университет 2, РГПУ 1.

6. *Наименования других видов транспорта и средств передвижения*. Автобус 12, троллейбус 6, трамвай 5, машина 2, такси 2, электричка 1.

7. *Наименования явлений, относящихся к пути следования транспорта*. Маршрут 1, остановка 1.

8. *Наименования транспортных сооружений*. Платформа 1.

9. *Общие наименования временных явлений (сезонов, месяцев, дней, частей суток и т. п.)*. Время 11, год (лет) 6, час пик 6, утро 5, час 4, день 3, интервал 3, ночь 3, вечер 2, сутки 2, будущее 1, вечность 1, зима 1, лето 1, май 1, миг 1, минута 1, ноябрь 1, обед (‘время обеда’) 1, санитарный день 1, санитарный час 1, секунда 1.

10. *Общие наименования пространственных явлений*. Километр 7, протяженность 4, длина 2, дальность 1, площадь 1, пространство 1, расстояние 1.

11. *Общие наименования различных мер и количеств*. Миллион 3, вес 2, количество 2, масса (‘много’) 2, число 2, килограмм 1, минимум 1, уйма 1.

III. Наименования явлений, связанных с деятельностью человека

1. *Наименования действий, связанных с проездом в метрополитене*. Бег 4, проезд 4, беготня 2, подъем 2, поездка 2, хождение 2, достижение 1, пересадка 1, спуск 1.

2. *Наименования видов деятельности и действий, связанных со строительством, оформлением и эксплуатацией метрополитена*. Введение (магнитных карточек) 2, строительство 2, оформление 1, прокладка 1, проходка 1, работа 1, развитие 1, расширение 1, реконструкция 1, сооружение 1, увеличение (интервалов) 1.

3. *Наименования различных видов деятельности и действий, осуществляемых людьми в метрополитене*. Встреча 4, ожидание 2, деятельность (торговая) 1, нарекание 1, поцелуй 1, приставание 1, продажа 1, просьба 1, расставание 1, свидание 1, случай 1, стремление (проехать) 1.

4. *Наименования явлений, связанных с финансовой деятельностью*. Вздорожание 1, дороговизна 1, доход 1, казна 1, повышение рентабельности 1, получение прибыли 1, прибыльность 1, рентабельность 1, убыточность 1, финансовое положение 1.

5. *Наименования явлений и условий, создаваемых людьми в метрополитене*. Давка 16, ругань 3, шум 3, давление 2, толчея 2, беспорядок 1, битва 1, недисциплинированность 1, отражение 1, паника 1, рев 1, спешка 1, теснота 1, толкучка 1, травматизм 1, хаос 1.

6. *Наименования предметов и явлений, используемых людьми в различных видах деятельности*. Газета 2, гитара 2, книга 2, обувь 2, резинка 2, ваучер 1, вещь 1, газетка 1, гороскоп 1, груз 1, губная помада 1, дорожная сумка 1, карман 1, коляска 1, кошелек 1, лосины 1, Мальборо 1, мешок 1, мороженое 1, одежда 1, пакетик 1, пальто 1, пепел 1, портфель 1, сапоги 1, сумка 1, тележка 1, тетрадь 1, труба 1, чехол 1, шапка 1, шапочка 1, шляпа 1, ящик 1.

7. *Наименование предметов и явлений, связанных с оплатой проезда*. Жетон 6, карточка 6, деньги 5, магнитная карточка 2, бесплатность 1, жетончик 1, копейка 1, плата 1, проездной билет 1, рубль 1; итог 1, расчет 1.

8. *Наименования явлений, связанных с художественно-творческой деятельностью в метро*. Песня 2, игра 1, музыка 1, стих 1.

9. *Наименования подаяний нищим*. Милостыня 2.

IV. Наименования, относящиеся к человеку

1. *Наименования лиц*. Человек (люди) 27, нищий 9, пассажир 6, житель 5, дети 3, гость 2, знакомый 2, инвалид 2, милиционер 2, художник 2, бабушка 1, газетчик 1, девушка 1, диктор 1, жалостливый 1, желающий 1, женщина 1, зверь (не люди, а звери) 1, идиот 1, (как) кильки в банке 1, контролер 1, лже-нищий 1, лицо 1, машинист 1, метростроевец 1, москвич 1, мужчина 1, несчастный 1, пенсионер 1, подруга 1, подружка 1, приезжий 1, продавец 1, собеседник 1, турист 1, чудак 1, экскурсовод 1, электрик 1, юноша 1; В. И. Ленин 2, Корин Павел 1, Шерлок Холмс 1.

2. *Наименования групп, обществ, сообществ, коллективов и т. п*. Народ 6, толпа 5, группа 2, поток 2, волна народа 1, милиция 1, море народа 1, руководство 1, стадо слонов 1.

3. *Наименования частей тела, органов, покровов тела и т. п. человека*. Нога 7, лицо 5, глаза 4, палец 2, волосы 1, глазки 1, голова 1, зуб 1, рука 1, уши 1, физиономия 1.

4. *Наименования явлений внутреннего мира человека (чувств, мыслей, состояний, черт характера и т. п.)*. Страх 3, изоляция 2, слезы (‘горе’) 2, эмоция 2, ассоциация 1, боязнь 1, горе 1, дикость 1, добро 1, доброта 1, духовный мир 1, душа 1, душевность 1, недобро 1, неизвестность 1, опасность 1, порок 1, привычка 1, психика 1, тайна 1, щедрость 1.

5. *Наименования видов и способов существования человека*. Жизнь 5, судьба 1.

6. *Наименования физических состояний человека*. Сила 3, беременность 1, здоровье 1, отдых 1, расслабленность 1, сон 1, спокойствие 1, усталость 1, утомление 1.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ

Имена прилагательные и причастия

I. Наименования признаков метрополитена

1. [Транспорт]: городской 2. [Вид транспорта]: популярный 3, распространенный 3, быстрый 2, другой 1, массовый 1, общественный 1, положительный 1, удобный 1. [Метро]: московское 3, светлое 3, чистое 2, красивое 2, просторное 2, глубокое 1, грязное 1, огромное 1, ненормальное 1, таинственное 1. [Метрополитен]: московский 1, открытый 1. [Подземная дорога]: московская 2.

2. [Поезд]: быстролетящий 1, набитый 1, прошедший 1.

3. [Вагон]: голубой 1, пустой 1. [Место]: свободное 1. [Дверь]: хлопающая 1. [Окно]: стеклянное 1. [Стекло]: выбитое 1. [Бок (поезда)]: раздувшийся 1.

4. [Линия]: открытая 2, первая 2, новая 1. [Тоннель]: темный 3, длинный 1, черный 1.

5. [Преимущество]: неоспоримое 1. [Износ (оборудования)]: преждевременный 1.

6. [Станция]: отделанная 1, подземная 1, украшенная 1.

7. [Вестибюль]: наземный 1.

8. [Эскалатор]: один 1. [Техника]: электронная 1.
9. [Картина]: мозаичная 1. [Звезда]: золотая 1.
10. [Объявление]: рекламное 1.
11. [Свет]: желтый 6, красный 1, электрический 1. [Воздух]: тяжелый 1.
12. [Порода (мрамора)]: различная 1.

II. Наименования признаков явлений внешней (окружающей) среды метрополитена

1. [Страна]: братская 1, социалистическая 1. [Республика]: союзная 1.
2. [Город]: большой 2, другой 1, крупный 1, охваченный 1.
3. [Конец]: другой 1, один 1. [Место]: нужное 1.
6. [Машина]: личная 1.
9. [Год]: прошедший 1. [Время]: настоящее 2, будущее 1, точное 1. [Будущее]: ближайшее 1. [День]: серый 1, целый 1. [Час]: утренний 1.
10. [Протяженность]: огромная 1, общая 1. [Расстояние]: огромное 1. [Пространство]: безвоздушное 1.
11. [Масса]: основная 1. [Количество]: большое 1. [Вес]: избыточный 1.

III. Наименования признаков явлений, связанных с деятельностью человека

1. [Проезд]: бесплатный 1.
3. [Деятельность]: индивидуальная 1, торговая 1.
4. [Доход]: нетрудовой 1. [Прибыль]: дополнительная 1.
5. [Давка]: ужасная 1.
6. [Груз]: разный 1.
7. [Плата]: мировая 1, отдельная 1.

IV. Наименования признаков человека

1. [Человек (люди)]: молодой 2, пьяный 2, сидящий 2, грубый 1, крепкий 1, невнимательный 1, нервный 1, окружающий 1,

пещерный 1, погибающий 1, серьезный 1, тупой 1. [Художник]: известный 2, советский 1. [Житель]: вынужденный 1. [Дети]: арендованные 1. [Нищие]: настоящие 2. [Пенсионер]: слабосильный 1, ослабевший 1. [Инвалид]: слабосильный 1. [Идиот]: разный 1, лезущий 1. [Женщина]: беременная 1. [Лицо]: бросившееся (в индивидуальную трудовую деятельность) 1.

3. [Ноги]: обтоптанные 1, (не) нужные 1,

4. [Страх]: необычный 1. [Эмоция] отрицательная 2. [Горе]: человеческое 1.

5. [Жизнь]: загробная 1.

Глаголы и деепричастия

I. Наименования действий метрополитена

1. [Метро]: работает 2, ассоциируется 1, закрывается 1, открывается 1, относится 1, перевозит 1, решило (проблему) 1, славится 1, становится 1, является 1. [Подземная дорога]: имеет 1.

2. [Поезд]: влезает 1, задевает 1, мчится 1, подвез 1, проследовал 1, следует 1.

3. [Вагон]: принял (пассажиров) 1. [Место]: освободилось 1. [Дверь]: закрывается 1.

4. [Линия]: протянулась 1.

5. [Специфика]: затрудняет 1, определяет 1. [Работа]: вызывает (нарекания) 1.

6. [Станция]: насчитывается 1, сравнивается 1.

7. [Дверь]: заклинивает 1.

8. [Эскалатор]: ломается 1, работает 1.

II. Наименования действий внешней (окружающей) среды метрополитена

6. [Машин]: стало (больше) 1.

8. [Платформа]: оказалась 1.

9. [Год]: прошел 1.

10. [Длина]: составила 1.
11. [Вес]: приводит (к) 1. [Количество]: растет 1.

III. Наименования действий явлений, связанных с деятельностью человека

1. [Проезд]: стоит 1, уменьшит 1.
2. [Строительство]: началось 1. [Введение (магнитных карточек)]: способствует 1. [Увеличение (интервалов движения)]: способствует 1.
4. [Финансовое положение]: стабилизировалось 1.
5. [Травматизм]: исчез 1.
7. [Магнитная карточка]: привела (к) 1. [Жетон]: провалился 1.

IV. Наименования действий человека

1. [Человек]: вошел 3, едет 3, ездит 3, любит 3, пользуется 3, уступил 3, встречает 2, вышел 2, жалуется 2, купил 2, опаздывает 2, помогает 2, предпочитает 2, сел 2, смотрит 2, спасает 2, спит 2, спешит 2, хочет 2, бегает 1, влез 1, внес 1, встал 1, входит 1, выбрался 1, выдумал 1, вылез 1, выполняет 1, дал 1, делает 1, держит 1, добрался 1, доехал 1, думает 1, ждет 1, заметил 1, знает 1, идет 1, изучает 1, ищет 1, кружит 1, курит 1, лезет 1, мечтает 1, надеется 1, накопил (опыт) 1, обратился 1, освободил 1, отвечает 1, отмечает 1, оформил 1, переходит 1, платит 1, подсовывает 1, подумал 1, поехал 1, получил 1, потерял 1, пошел 1, предполагает 1, предсказал 1, привез 1, принимает участие 1, проехал 1, проехать может 1, прошел 1, пропустил 1, прыгает 1, пускает 1, работает 1, рассказывает 1, рассматривает 1, снимает 1, состроил 1, спас 1, спрашивает 1, строит 1, считает 1, упал 1, ценит (время) 1, читает 1, шастает 1. [Пассажир]: выбрался 1, забил (платформу) 1, имеет (избыточный вес) 1, покупает 1, прорвался 1, рассчитал 1, тащит 1. [Житель]: роет 1. [Желающий]: бежит (по эскалатору) 1, сидит 1. [Нищий, лже-нищий]: просит 2, выбивает (слезу) 1, выбрался 1, мельтешит 1, полез 1. [Руководство (метрополитена)]: добилось 1, собралось 1. [Пенсионер, инвалид]: воспользовался 1. [Продавец]: продает 1. [Стадо слонов]: несется 1.

Безличные употребления. [Человека]: тошнит 1, трясет 1. [Человеку]: хватит (сил) 1, хочется 3; (можно) пустить (эскалатор) 2, оставить (бесплатный проезд) 1, перескочить (турникет) 1, совать (пальцы) 1; (надо) выключить (свет) 1; (нужно) остановить (эскалатор) 1; (нельзя) обойти (турникет) 1. [Нищему]: (не) хватает (сил) 1. [Сеть линий]: предполагается расширить 1. (Как) повысить (рентабельность) 1. (Не) подавать (нищим) 1.

2. [Народ]: помещается 1.

4. [Горе]: действует 2.

6. [Сила]: есть 1. [Здоровье]: укрепилось 1.

Наречия

I. Наименования признаков признаков метрополитена

1. [Метро]: (работает) бесперебойно 1, точно 1, как часовой механизм; (красивое) очень 1; (популярное) в первую очередь 1. [Вид транспорта]: (популярный) особенно 1.

2. [Поезд]: (влезает в тоннель) еле 1.

6. [Станция]: (сравнивается) недаром 1; (находится) рядом 1, сейчас 1.

II. Наименования признаков признаков явлений внешней (окружающей) среды метрополитена

2. [Город]: (весь) практически 1.

10. [Протяженность (линий)]: (более двухсот километров) сейчас 1.

11. [Количество]: (растет) постепенно 1. [Вес]: (приводит к...) особенно 1.

III. Наименования признаков признаков явлений, связанных с деятельностью человека

1. [Проезд]: (дешевый) очень 1; (стоит) дешево 1; (стоит дешево) очень 1. [Подъем]: пешком 1. [Хождение]: пешком 1.

3. [Нарекание]: сверху 1, снизу 1.

IV. Наименования признаков признаков явлений, относящихся к человеку

1. [Человек]: (пользуется) широко 1, по-прежнему 1, в среднем 1; (едет) быстро 4, долго 2, бесплатно 1, рано 1; (добрался) быстро 1; (идет) осторожно 2; (выбрался) наружу 2; (проехал) бесплатно 1; (ездит) скоро 1; (бегает) торопливо 1; (лезет) вниз 1, прежде чем 1; (упал) неловко 1; (встречает) постоянно 1; (подумал) трижды 1; (предпочитает) вообще 1; (отмечает) единодушно 1; (крепкий) физически 1. [Пассажир]: (тащит) наподобие 1. [Желающий]: (бежит) вверх; (бежит вверх) особенно 1. [Нищий]: (мельтешит) везде 1; (полез) вниз 1. [Пенсионер]: (воспользовался) все равно 1. [Человеку]: (можно пустить эскалаторы) особенно 1, снова 1; (нужно остановить эскалаторы) просто 1; (лучше ехать) гораздо 1; (надо) позарез 1.
2. [Народу]: (много) все еще 1.
3. [Нога]: (обтоптана) всегда 1.
4. [Горе]: (действует) отрицательно 1, всегда 1, очень 1.
6. [Сила]: (есть) еще 1.

Слова категории состояния

I. Наименования состояний метрополитена

1. [В метро]: тепло 9, светло 2, страшно 2, безопасно 1, душно 1, комфортабельно (ездить) 1, неуютно 1, приятно 1, темно 1, тесно 1, ужасно 1, хорошо 1, чудно 1, яблоку негде упасть 1. [Метро]: закрыто (на обед) 1.

II. Наименования состояний внешней (окружающей) среды метрополитена

6. [В автобусе]: тесно 1.

III. Наименования состояний явлений, связанных с деятельностью человека

4. Дешево (для казны) 1.

IV. Наименования состояний человека

1. [Человеку]: хорошо (сесть, ехать) 2; удобно (ехать) 1, можно (пустить эскалаторы, оставить бесплатный проезд, совать пальцы, перескочить турникет) 5, надо (позарез, выключить свет) 2, нужно (остановить эскалаторы) 1, нельзя (обойти турникеты) 1.
2. [Народу]: много 1, что сельдей в бочке 1.

* * *

Систематизация номинативных единиц языка в виде КТП позволяет представлять эти единицы в условиях их «реальной жизни», в их естественной «среде обитания», т. е. показать практически все наиболее существенные лексико-семантические связи слов, составляющих то или иное КТП.

В целом исследования лексики языка на основе КТП помогут, по нашему мнению, выявить и описать систему коммуникативно-тематических микрополей, образующих в своей совокупности определенные коммуникативно-тематические макрополя (например, коммуникативно-тематические микрополя «Автобус», «Трамвай», «Метро», «Троллейбус», «Такси» в их сложном взаимодействии создают коммуникативно-тематическое макрополе «Городской транспорт»). В свою очередь, каждое коммуникативно-тематическое макрополе является микрополем другого (более общего) коммуникативно-тематического макрополя (так, поля «Части города», «Городские учреждения», «Городской транспорт», «Здания, строения, сооружения», «Части зданий, строений и сооружений», «Жилище», «Население (жители), люди», «Достопримечательности» и т. д. создают макрополе «Город») и т. д. Другими словами, в этом случае последовательно представляются своеобразные национальные к а р т и н ы м и р а,

в центре которых стоят понятия, выражаемые ключевыми словами той или иной темы, — можно сказать, ***лексемо****центрические* картины мира (например, «автобусоцентрическая», «трамваецентрическая», «метроцентрическая» и т. д.), создающие в своей совокупности определенную макрокартину мира, в данном случае — макрокартину «Городской транспорт» («городскотранспортноцентрическую» макрокартину) и т. д.

Таким образом, есть достаточные основания утверждать, что представление лексики языка в виде КТП является по существу описанием лексем, являющихся именами этих полей, как единиц национальной ментальности определенного времени. Основную единицу ментальности В. В. Колесов характеризует как «*концепт данной культуры*, который в границах словесного знака и языка в целом предстает (является) в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Колесов, 1999, с. 81]. Состав КТП в целом, на наш взгляд, как раз и «являет» нам все указанные содержательные формы словесного знака.

2005

Лексические нормы

К проблеме становления лексической нормы

Выражается сильно российский народ!..
Н. В. Гоголь

Плачей о «погибели русского языка» на протяжении последних двухсот лет раздавалось и продолжает раздаваться предостаточно. При этом нападки пуристов на те или иные языковые новшества идут прежде всего по двум направлениям: 1) против проникновения в литературный язык слов просторечных, жаргонных (сленговых), арготических и т. п.; 2) против проникновения в него иностранных слов — экзотизмов, варваризмов и т. д. Обратимся, однако, к историческому опыту.

I

Вот несколько примеров слов, выделенных автором «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловским в качестве «бурсизмов».

Существительные: *титулка* — аттестат, *нотат* — особая тетрадь для баллов, *закоперщик* — друг, *шерсть* — волосы, *овчина* — волосы, *лупетка* — лицо, *гляделы* — глаза, *размазня* — жидкая гречневая каша, *сиводер* — водка, *столбуха* — мера водки, равная примерно одному стакану, *штофендий* — штоф (водки), *швычки* — щелчки по голове, *пфимфа* — сверток бумаги в виде конуса, набитый хлопчаткою, в котором поджигали вату с широкого отверстия, а узким вставляли в нос спящего.

Глаголы: *белендрясить* — перебирать свои губы так, чтобы они шлепали друг о друга, *кальячить* — выпрашивать, *облапошить* — обмануть, *объегорить* — обмануть, *стибрить, сбондить, сляпсить, спереть* — украсть, *греготать* — ржать по-лошадиному, *дерганyть* — пойти, отправиться куда-н., *чехвостить (отчехвостить)* — сечь, пороть, *наяривать* — действовать, *отмочить* — сделать что-л. необычное (чаще плохое), *срезаться* — провалиться, не смочь ответить на занятии и т. п.

В словаре В. Даля (издание 1880–1882 гг.) находим следующие слова.

1. С теми же (или очень близкими) значениями.

Существительные: *лупетка* (в статье **Лупить**) — круглая и плотная рожица, *глядела, гляделки, зенки* (в статье **Глаз**) — глаза, *размазня* (в статье **Размазывать**) — жидкая каша, кашица, завара, *сиводер* (в статье **Сивый**) — хлебное жидкое дурное вино с пригарью, *столбуха* (в статье **Столб**) — большой кубок, чарка, стопа, стакан хмельного, от которого сразу одуреешь.

Глаголы: *кальячить, калячить* — клянчить, канючить, докучать, *облапошить* — плутовски обмануть, надуть, *объегорить* — плутовски обмануть, надуть, *стибрить, сбондить* — стянуть, украсть, *отмочить* — сделать нечто поразительное.

2. С другими, но семантически соотносительными значениями.

Существительные: *закоперщик* — десятник, большак у копра, у свай, *шерсть* — волос животного, *овчина* (в статье **Овен**) — овечья шкура.

Глаголы: *белендрясить* (в статье **Белендрясы**, **Белентрясы**, **Балантрясы**) — заниматься пустяками, забавлять пустобайством, *наяривать* — делать одно и то же, усердно и долго, *срезаться* (в статье **Срезывать**) — попасть впросак, дать промаха, потерпеть сильную неудачу, позор.

Существительное *штофендий* является разговорно-просторечным образованием от *штоф*, отмеченного у Даля в значении «мера питей», глагол *сляпсить* можно рассматривать в качестве словообразовательного варианта *сляпать* (у Даля в том же значении), *дерганyть* — разговорно-просторечный вариант *дергать, дернуть* — «отрывисто тянуть, тащить урывком, внезапным дви-

жением, не исподволь, не налогом», глагол *спереть* в словаре Даля определяется как «сдвинуть с места упором, напором».

Таким образом, полностью дифференциальными (и по форме и по содержанию) по отношению к словарю Даля являются шесть слов: *титулка, нотат, швычки, пфимфа; греготать, чехвостить (отчехвостить)*.

В свою очередь, МАС (1981–1984) по прошествии столетия отмечает следующие.

1. С тем же (или очень близким) значением.

Существительное: *размазня — р а з г.* жидкая каша.

Глаголы: *облапошить — п р о с т.* Обмануть с корыстной целью; надуть, *объегорить — п р о с т.* обмануть, провести, *стибрить — п р о с т.* украсть, стащить, *спереть — п р о с т.* украсть, стащить, *наяривать — п р о с т. … //* с азартом, особым усердием делать что-л., *отмочить — п е р е н., п р о с т.* сказать или сделать что-л. неожиданное, из ряда вон выходящее, *срезаться — р а з г. … //* не выдержать экзамен; провалиться.

2. С другими, но семантически соотносительными значениями.

Сущ.: *закоперщик — п р о с т.* зачинщик, верховод, *шерсть* — волосяной покров млекопитающих (о лошади, кошке), *овчина* — выделанная овечья шкура.

Своеобразным коррелятом существительного *гляделы* можно считать *гляделки* (*п р о с т.* и *о б л.* «глаза»). *Штофендий* — разговорно-просторечное образование от *штоф* («старая русская мера объема жидкости (обычно вина, водки) равная 1/10 ведра *// у с т а р.* четырехгранная бутылка для вина (водки) такой вместимости»), вполне возможное и в современной разговорной речи, если бы само существительное *штоф* не стало историзмом. В качестве разговорно-просторечной можно, очевидно, рассматривать и форму *дерганyть* при современном *дернуть* (*п р о с т.* «поехать, отправиться куда-л.»). В значении «неотступно, настойчиво просить» МАС отмечает как просторечное созвучное с *кальячить — клянчить* (ср. также *п р о с т. калякать* в значении «вести разговор на разные, обычно бытовые, незначительные темы»).

Спрашивается, как же засорили приведенные выше слова русский литературный язык? Ответ вполне очевиден и однозначен —

никак. Рассмотренный материал ясно показывает, что все эти, допустим, собственно «бурсачьи» *пфимфы, швычки, греготать* и т. п. сами по себе канули в Лету за ненадобностью. Большинство же из всего остального вообще, как это хорошо видно из сопоставления с данными словаря Даля, вовсе исключительно бурсацким, вопреки мнению самого Помяловского, и не было. Со временем оно с некоторыми закономерными историческими изменениями закрепилось в языке (прежде всего в его разговорно-просторечной сфере) и всегда может быть использовано как яркое экспрессивно-выразительное средство, что, в общем-то, и делается. Приведем несколько примеров из МАС. *Грачев на рожон лезет, будто самый главный* ***закоперщик***. Медынский. Марья. *Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут,* ***облапошат*** *меня зять с Варварой, пустят по миру*. М. Горький. Егор Булычов и другие. *Гошка* ***стибрил*** *с Павликовой тарелки половину творожника*. Гайдар. Глина.

Сравним также следующее (см.: Обществ. науки в СССР. Сер. 6. Языкознание. 1989. № 3. С. 155–160):

Бурсаки у Помяловского пели:

Любимцы… Аполлона
Сидят беспечно ***in caupona.*** (в кабачке и т. п.)
Едят селедки, ***merum*** *пьют* (неразбавленное вино)
И Вакху дифирамб поют:
«О, как ты силен, добрый Вакх!
Мы ***tuum regnum*** *чтим в мозгах:* (твое царствие)
Dum captum nostrum *посещаешь,* (пока нашу голову)
Оттуда ***curas*** *выгоняешь.* (заботу)
Блаженство в наши льешь сердца
И ***dignus domini*** *отца.* (достойный господа)
Мы любим Феба, любим муз:
Они с богами нас равняют,
Они путь к счастью прокладают,
Они дают нам лучший вкус;
Sed omnes haec *плоды ученья* (но все эти)
Conjunctae sunt *всегда с томленьем.* (соединены)
Давно б наш юный цвет увял,
Когда б ты нас не подкреплял!»

Не так давно в наше время пели:

Вниз пойду я по ***стриту****,*
В ***шоп пролукать*** *загляну.*
Там мои ***френды*** *стоят.*
У ***френдов айзы*** *горят,* ***эври монинг****.*
А было б рубль сорок семь,
Было клево бы совсем.
Я в беде не одинок.
Есть у нас один ванек,
Старая система ***аск***
Снова выручает нас.
А было б рубль сорок семь,
Было клево бы совсем.
Вот подходят две ***герлы****:*
«Ах спасите от урлы!»
Нам не страшен хулиган,
Получает по рогам ***кантри бой.***
(Сленг московских хиппи)

Комментарии, как говорится, излишни.

Напомним попутно весьма популярные в 50–60-х годах XX в. *канать, хилять, башли, башлять, берлять, жмурик, жариться* и т. д. Где все они теперь? Зато сейчас: *баксы, крутой, лом, мочалка, тёлка, тусоваться, оттягиваться, трахаться* и т. д. Всё в свое время и на своем месте.

Рассмотренный пример затрагивает, несомненно, только некоторые общие моменты исторической судьбы определенного круга русской лексики. В то же время сам корпус слов, подвергшийся исследованию, относится, по Помяловскому, к языку довольно узкой и замкнутой социально-профессиональной группы (сленгу бурсы), в силу чего предложенный вниманию читателя материал может быть расценен лишь в качестве частного случая и объявлен несостоятельным. В ответ на это заметим следующее.

Во-первых. «Выходя из стен бурсы или семинарии, поповичи оказывались на распутье. Большинство из них продолжало дело

отцов. Другие уходили в науку, просвещение, изменяя не только себя, но и многих современников» [Колесов, 1998, с. 34].

Во-вторых. В данном конкретном случае частному сленгу, можно сказать, весьма повезло — благодаря популярной книге Н. Г. Помяловского он стал известен самому широкому кругу читателей. И дальнейшая судьба слов и выражений этого сленга тем более показательна.

В-третьих. В этом частном случае, по нашему мнению, достаточно ясно отражаются определенные общие закономерности взаимодействия литературного языка со всеми остальными сферами и вариантами русского национального языка. Представляется, что подобные результаты могли бы быть получены при обращении и к некоторым другим источникам, например, к не менее популярному роману В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» и т. п.

II

Давно известно также, что лексика языка наиболее активно по сравнению с единицами других языковых уровней реагирует на различные изменения в жизни общества. Особенно заметной такая реакция бывает в различные переломные исторические моменты, один из которых выпал на наше время. Следовательно, в том, что в русскую речь практически во всех ее литературных разновидностях (особенно в сфере СМИ) хлынул целый поток различного рода заимствований, нет не только ничего удивительного, но все это вполне закономерно. Лексикографы, конечно, не могли не откликнуться на процессы подобного рода, результатом чего явилось создание целого ряда словарей типа «новые слова и значения» [Словарь перестройки, 1992; Краткий словарь современных понятий…, 1995; Комлев, 1995, и др.]. Обобщающим изданием подобного рода следует, очевидно, считать академический Толковый словарь русского языка конца XX века [Толковый словарь…, 1998]. Приведем наугад несколько примеров заимствованных слов из этого словаря, помеченных в нем как

«новое» или «относительно новое»: *бодибилдер* [англ. bodybuilder] — тот, кто занимается бодибилдингом; культурист; *винчестер* [англ. winchester] — жесткий магнитный диск; *деструкция* [лат. destruction] — разрушение основ чего-л.; *инаугурация* [англ. inauguration] — торжественное вступление в должность главы государства; *капеллан* [лат. capellanus] — на Украине: священник в войсках… и т. д.

Словари, конечно, по вполне понятным причинам не могут поспевать за реальной жизнью и ее отражением в лексике языка. Одним из частных примеров тому может служить замелькавшее в СМИ после известных августовских событий 1998 г. слово *дефолт* [англ. default], которое отсутствует во всех вышеперечисленных словарях русского языка. Словари английского языка толкуют default как «невыполнение обязательств, прекращение платежей и т. п.».

Примечательно также, что изначально заимствованное слово воспринимается обычно как экзотизм или варваризм и довольно часто получает негативную оценку не только со стороны определенной части общества, что, в общем-то, понятно, но и со стороны отдельных лингвистов-профессионалов, что не совсем понятно, так как судить об этом, по нашему глубокому убеждению, часто бывает просто преждевременно[1].

Так, некоторое время назад в популярной передаче по радио один из ревнителей чистоты русского языка возмущался по поводу неуместного, по его мнению, употребления слова *супермаркет* наряду с общепринятым *магазин*.

Во-первых. Дальнейшую судьбу этого, как, впрочем, и многих других заимствований, мы можем лишь смутно предполагать и совершено не можем предсказать определенно. И в этом нет ничего удивительного, а скорее наоборот — всё это вполне закономерно: если в «слове будет нужда» (а, судя по всему, она, скорее

[1] См., например, категорическое заявление Е. Н. Ширяева по поводу отрицательных результатов экспертной оценки существительного *саммит*: «…в русском это слово абсолютно „безлико“, и поэтому русскому языку оно не нужно» [Ширяев, 1996, с. 22]. Прошло несколько лет, и «ненужное» слово стало не только нужным, но и необходимым. Прогноз, таким образом, оказался пустым прогнозом.

всего, будет), то это слово приживется, найдет свое место в системе языка и, по меткому выражению А. Г. Горнфельда, «облагородится давностью» [см. подр.: Колесов, 1998, с. 99][2].

Во-вторых. Косвенным подтверждением тому могут послужить некоторые фрагменты истории самого слова *магазин* в русском языке. По данным этимологических и исторических словарей [Черных, 1994; Шанский и др., 1971] на русской почве оно появилось в значении «склад, место хранения продовольственных запасов для армии» в начале XVIII в. одновременно в двух формах — *магазин* и *магазейн*. Предполагаемый источник заимствования — французский язык, из которого в русский слово пришло посредством немецкого. В свою очередь, самими западными языками оно было заимствовано из арабского, где mahzan, *pl.* mahazin имело значение ‘хранилище, склад, амбар’ (аналоги (эквиваленты) этого слова отмечены также в некоторых славянских языках: укр. *магазин*, белорус. *магазін*, болг. *магазин*, пол. magazyn и др.).

Форма *магазейн* в значении ‘торговое помещение’ в русском языке встречается еще в первой половине XIX в.: *С девицей в локонах вступает в магазейн* (А. И. Полежаев. День в Москве, 1832). В диалектах слово отмечено также в формах *магазей* и *магазея*, которые, по свидетельству В. Даля, употреблялись в значении «склад» и т. п., тогда как в значении «место продажи товаров» использовалась общенародная форма *магазин*.

При желании можно было бы провести более подробные исторические изыскания. Для нас же существенно то, что в настоящее время (с синхронической точки зрения на язык) никто, кроме узкого круга специалистов, обо всем этом не просто не помнит, но и не знает, да и не должен знать. И слово *магазин* любым современным носителем русского языка в процессах речевого общения употребляется как совершенно обычное р у с с к о е слово — нейтральное родовое обозначение определенных торговых предприятий, хотя толковые словари в интересующем нас плане отмечают его все еще в двух значениях (МАС [Словарь русского

[2] Так, на одной из заправочных станций нам довелось увидеть вывеску «МИНИ-МАГАЗИН» (!).

языка, 1983] в целом в пяти значениях): 1. «Торговое предприятие, продающее товары в розницу, а также помещение, приспособленное для такой продажи». *Продуктовый магазин*. 2. *Устар*. «Склад, помещение для хранения каких-л. запасов». *Артиллерийский магазин*.

В-третьих. В том же тематическом ряду словари современного русского языка отмечают и *универмаг* («универсальный магазин» — МАС), и *универсам* («универсальный продовольственный магазин самообслуживания» — МАС), и *гастроном* («гастрономический магазин» — МАС), и *продмаг* («продовольственный магазин» — МАС), и *супермаркет* («большой (обычно продовольственный) магазин самообслуживания» [Словарь иностранных слов, 1988]) и некоторые другие. Совсем нетрудно подсчитать, сколько и чего в этих словах собственно русского. Но все они живут и с успехом употребляются в необходимых случаях каждое на своем месте.

Несомненно, между наименованиями подобных рядов происходит постоянное соперничество, конкретный результат которого, мы, к сожалению, предсказать не можем; в частности, не можем предсказать и дальнейшую судьбу как слова *супермаркет*, так и всех остальных членов данной тематической группы. Этот результат зависит от весьма большого количества как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов и определяется ведущими в развитии языка с т а т и с т и ч е с к и м и (вероятностными) законами, предполагающими, в отличие от д и н а м и ч е с к и х законов, возможность нескольких решений и реальность осуществления каждого из них только с той или иной степенью вероятности. Именно этим прежде всего и определяются значительные трудности и ненадежность прогнозирования (даже на основе самых изощренных экспертиз) конкретных языковых изменений и возможность установления лишь *общих динамических* тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм и т. д.).

Хорошо известно, что по своему характеру развитие языка представляет собою эволюционное развитие. Следовательно,

оно подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их частной (собственно языковой) форме проявления [подр. см.: Мартинович, 1992а; 1992б]. Поэтому имеются все основания утверждать, что становление той или иной лексической нормы осуществляется в результате естественной конкурентной борьбы между сосуществующими в языке (и «соупотребляющимися» в речи) наименованиями (литературными и нелитературными, старыми и новыми, исконными и заимствованными и т. д.), их самоотбора и самоутверждения, то есть главным образом в результате саморегуляции и самонастраивания самой языковой системы. Сказанное, конечно, не отрицает «селекционной» деятельности литераторов-профессионалов («мастеров»). Вопрос лишь в том, кто что отбирает и «выращивает» (культивирует). Но это тема отдельного разговора. За всеми этими процессами внимательно и беспристрастно наблюдают лингвисты-профессионалы и с возможной степенью объективности отражают их в научных исследованиях, а также в различных словарях, справочниках, учебниках, пособиях и т. п., на основе которых и строится затем языковая политика общества.

* * *

Русский национальный язык действительно силен, велик, богат и могуч. Но силен, велик, богат и могуч русский язык только во всей своей целостности — в единстве и сложном взаимодействии всех своих литературных и нелитературных сфер и вариантов. Можно, конечно, в определенных случаях так или иначе засорять ***речь***. ***Язык*** же принципиально нельзя испортить. Он не может быть хуже или лучше. Каждый язык в каждый момент своего исторического развития является именно таким, какой он есть. И именно таким как есть он требует к себе уважительного отношения, а не поспешных запретов и неуместных одергиваний.

2002

От Шишкова к Ширяеву

И устарела старина,
И старым бредит новизна.
А. С. Пушкин

Уже в самом раннем периоде становления современного русского литературного языка (понимаемого в широком смысле — «от А. С. Пушкина до наших дней») в среде любителей русской словесности разгорелась горячая полемика, не прекращающаяся и по сей день (!), о качестве, статусе и судьбе русского языка. Одним из зачинателей и активных участников этой полемики, как хорошо известно, был выпускник Морского кадетского корпуса (впоследствии государственный секретарь, член Государственного совета, член и президент Российской Академии, министр народного просвещения) Александр Семенович Шишков (1754–1841), издавший, будучи отставным адмиралом, в 1803 г. книгу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», направленную против Н. М. Карамзина и его последователей.

Ниже приводим наиболее, на наш взгляд, показательные и актуальные до настоящего времени выдержки из этой книги с некоторыми попутными замечаниями.

«Всяк, кто любит российскую словесность и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишающую всякого рассудка (! — *Г. М.*) страстию к французскому языку, тот, развернув бо́льшую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы,

оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка?» [Критика…, 2002, с. 24].

«…Нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! совершенное безобразие и порчу оного образованием… ненавидеть свое (это о Н. М. Карамзине — будущем авторе «Истории государства Российского»! — *Г. М.*) и любить чужое почитается ныне достоинством» [Там же, с. 25][3].

«Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим… » [Там же, с. 25–26].

А вот и ответ — великолепный образец спокойного, в меру иронического отношения к явлениям подобного рода:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины…

(1826)

---

[3] Н. М. Карамзин писал: «Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надо только открыть или показать оные» [Критика…, 2002, с. 343].

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, ***писала по-французски…***
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Я знаю: ***дам хотят заставить***
Читать по-русски. Право страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!
Я шлюсь на вас, ***мои поэты;***
Не правда ль: ***милые предметы,***
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!

(Ю. М. Лотман пишет: «По свидетельству Вяземского, в одной из редакций было: „Иль у Шишкова не крыльце“» [Лотман, 1983, с. 225].)

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, ***на беду мою,***
Красавиц новых поколенье,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребленье;
Но я… Какое дело мне?
Я верен буду старине.

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне г а л л и ц и з м ы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
(1824–1826)

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

И(!!):

Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!
(1823)

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut… ***(Шишков, прости:***
Не знаю, как перевести.)

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar. ***(Не могу…***

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести. *(!)*
Оно б годилось в эпиграмме…)
(1829–1830)

Но тут и А. С. Пушкин не предугадал.

«Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — *Карамзина*. Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенн<ом>».

«Грамматика не предписывает законы языку, но изъясняет и утверждает его обычаи».

«Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

А. С. Пушкин

Комментарии, как говорится, излишни.

«Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы… красноречивому смешению славенского великого слога с простым российским, свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения. Между

тем как разум наш обогащается сими познаниями, слух наш привыкает к чистому выговору слов, к приятному произношению оных, к чувствованию согласного или не согласного слияния букв, и одним словом, ко всем сладкоречия прелестям» [Критика..., 2002, с. 26].

Ср. у Пушкина: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают» [Русская литература XIX в., 1975, с. 155–156].

«Сверх сей ненависти (?? — *Г. М.*) к природному языку своему и любви к французскому есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал:, что трудно достигнуть до такого в языке познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же груду русских и еще церковных книг прочитать, какую он прочитал, дабы уметь высокий славенский слог с просторечивым российским так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слоге помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: *рыкать, рыгать,* ***тащить за волосы****, подгнет, удалая голова* и тому подобные, не унижая ими слог и сохраняя всю важность оного» [Критика…, 2002, с. 29–30].

В подтверждение сказанного приводится пример из Ломоносова:

Презрев Царицыных и власть и святость рук,
Бесчестно ***за власы влекут*** *на горесть мук.*

(*Тащат за волосы — за власы влекут!!* Это, кстати, далеко не одно и то же.)

«Избегая сего труда, принимаются они за самый легкий способ, а именно: одни из них безобразят (?!! — *Г. М.*) язык свой

введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобные. Другие из русских слов стараются делать не русские, как, например: вместо будущее время говорят *будущность*, вместо настоящее время — *настоящность* и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речения переводят из слова в слово на русский язык (калькирование — *Г. М.*), самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в российскую словесность… Например: *influence* переводят *влияние* и, несмотря на то что глагол *вливать* требует предлога *в*… располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire l'influence sur l'esprits, делать влияние на разумы.* Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утончанный* (утонченный. — *Г. М.*), *сосредоточить,* ***трогательно****, занимательно* и множество других» [Там же, с. 32–33].

А. С. Пушкин в черновике письма к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г. перебирает варианты:

«Черкешенка моя мне мила, любовь ее [меня **трогает**] **трогает** душу…» [Русская литература XIX в., 1975, с. 118][4].

В книге «Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра» В. В. Колесова содержится следующее наблюдение: «Уже в 20-е годы XX века известный тогда критик А. Г. Горнфельд писал: „Когда перевалишь далеко за середину жизненной дороги, нелегко миришься с новшествами, необходимость которых кажется сомнительной и даже, например, слово *выявлять*, появившееся в начале нового века, до сих пор неприемлемо для моего словаря. …Оно было и остается несерьезным, оно запечатлено умничающей позой, ложным притязанием на глубину, погоней за модой…“. (Как это похоже на многие окрики современного ревнителя „нормы“, когда возражает он против нового слова!) Однако вот и конец цитаты: „но из этого нашего ощущения ничего не вос-

[4] В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин употребляет глагол *трогать* шесть раз. Напомним, к примеру, всем хорошо известное: «Но, получив посланье Тани, Онегин живо *тронут* был».

последует: слово прижилось, и останется, и облагородится давностью“. И *облагородится давностью* — в этом все дело; можно добавить только: если в слове сохранится нужда» [Колесов, 1998, с. 99].

Прошедшие двести лет убедительно доказали, что нужда во всех словах, указанных А. С. Шишковым (как и во множестве других заимствований XIX в.), сохранилась и практически в с е они у с п е ш н о вошли в русский язык и, «облагородившись давностью», обогатили и приумножили его словарный запас. Ср. также: *влиять — повлиять на… влияние на… оказывать влияние на…* и т. п. — совершенно нормативные конструкции (несмотря на все грамматически «верные» рассуждения А. С. Шишкова). Модель же образования абстрактных существительных с помощью суффикса *-ост*’ в современном русском литературном языке весьма продуктивна.

В 20-е годы XX в. В. И. Ленин пишет заметку «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)». Приведем ее содержание полностью:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“. Перенимать фран-

цузско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?» (написано в 1919 или 1920 г.) [Ленин, 1969, т. 40, с. 49].

В. И. Ленин, притягивая (как всегда) и здесь всё так или иначе к проблемам классовой борьбы, хотя и ставит вопрос об объявлении в о й н ы употреблению иностранных слов, однако делает это уже с показательным уточнением — войны употреблению иностранных слов «без надобности».

И всё же. Война войной, а *дефекты* вместе с *недочетами, недостатками, пробелами*, а также *изъянами, пороками, несовершенствами, минусами… (разг.)* [Словарь синонимов, 1976] и по сей день продолжают успешно употребляться каждое на своем месте. Какой богатый выбор! В этом, в ч а с т н о с т и, и сила, и богатство, и величие, и могущество русского языка.

Зато вопрос об объявлении войны «коверканью» русского языка ставится уже бескомпромиссно.

См, однако, академический (!) БТС [Большой толковый словарь…, 1998]:

«**Будировать,** -рую, -руешь; *нсв.* **1.** *Устар. без дополн.* Демонстративно не замечать кого-л., подчёркивая своё недовольство кем-, чем-л.; дуться, сердиться. *Дамочка будирует.* **2. *что. Разг. Возбуждать, тормошить. Б. вопрос о ремонте дороги*** (неправильное употребление глагола „будировать“ в смысле „возбуждать“ есть результат контаминации французского глагола «bouder» — сердиться, дуться и русского глагола „будить“)».

Показательно, что второе значение, которое «совсем выводило из себя» В, И. Ленина и к войне с которым он так настойчиво призывал, дается в словаре лишь с пометой «разговорное» (без каких бы то ни было запретительных помет!), правда с пояснением истоков его «ошибочного» употребления.

Ср., например, там же:

«**Довлеть,** -еет; *нсв. Кому-чему.* **1.** *Устар. Книжн.* Быть достаточным, удовлетворять. *Созданный им мир довлел только ему од-*

ному. **2. *над кем (чем). Разг.* Господствовать, тяготеть над кем, чем-л.** *Прошлое довлело над моей жизнью. Привычка следовать типовым проектам довлела над инженерами…*».

На основе ассоциации формы *довлеть* (в произношении [давл'э́т']) и содержания *давить, давлю* и т. д.

В данном случае авторы словаря сочли достаточным ограничиться лишь пометой «разговорное» вообще без каких-либо дополнительных комментариев.

Однако пуристские настроения весьма живучи. В подтверждение этого приведем пример модернизированного варианта исследования отношения к заимствованным словам и делаемые на основе результатов этого исследования выводы.

В отделе культуры русской речи Института русского языка РАН под руководством Е. Н. Ширяева была проведена экспертная оценка некоторых заимствованных слов. Статус экспертов: 1-й — специалист, 2-й — консерватор, 3-й — нейтрал, 4-й — демократ. Шкала оценок: 1) безусловно допустимо, 2) скорее допустимо, 3) скорее недопустимо, 4) безусловно недопустимо, 5) не знаю. Диапазон оценок от –5 через 0 до + 5.

«Приведем данные нашей комиссии по двум сравнительно недавним заимствованиям: *маркетинг* и широко распространенному в современной политической публицистике *саммит* (встреча в верхах). *Маркетинг:* специалист: +3; консерватор: +4; нейтрал +2; демократ +2; итого +11. *Саммит* (соответственно): –4, –2, –2, 0, итого: –8.

Не составляет труда интерпретировать полученные результаты: один из ключевых терминов рыночной экономики, *маркетинг*, не имеет удачного русского эквивалента; у слова же *саммит* нет никаких преимуществ перед выражением *встреча в верхах*: будучи весьма ярким образным словом в английском, где первое основное значение этого слова 'пик, вершина', в русском это слов абсолютно „безлико", и потому русскому языку оно не нужно» [Ширяев, 1996, с. 21–22].

Прошло четырнадцать лет, и «ненужное» слово стало нужным и весьма употребительным в публицистическом стиле. Более того, в последние годы происходит постепенное расширение его

значения. Так, можно иногда услышать выражения типа *саммит руководителей, саммит ученых* и т. п. Прогноз, таким образом, оказался пустым прогнозом.

Несомненно, между синонимическими наименованиями (в данном случае практически дублетами: *встреча в верхах — саммит* и т. п.) происходит постоянное соперничество, конкретный результат которого, мы, к сожалению, предсказать не можем; в частности, не можем предсказать и дальнейшую судьбу слова *саммит*. Этот результат зависит от весьма большого количества как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов и определяется ведущими в развитии языка статистическими (вероятностными) законами, предполагающими, в отличие от динамических законов, возможность нескольких решений и реальность осуществления каждого из них только с той или иной степенью вероятности. Именно этим прежде всего и определяются значительные трудности и ненадежность прогнозирования (даже на основе самых изощренных экспертиз) конкретных языковых изменений и возможность установления лишь общих динамических тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм и т. д.).

Хорошо известно, что по своему характеру развитие языка представляет собою эволюционное развитие. Следовательно, оно подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их частной (собственно языковой) форме проявления [Мартинович, 1992а; 1992б]. Поэтому имеются все основания утверждать, что становление той или иной лексической нормы осуществляется в результате естественной конкурентной борьбы между сосуществующими в языке (и «соупотребляющимися» в речи) наименованиями (литературными и нелитературными, старыми и новыми, исконными и заимствованными и т. д.), их самоотбора и самоутверждения, то есть главным образом в результате саморегуляции и самонастраивания самой языковой системы. Сказанное, конечно, не отрицает «селекционной» деятельности литераторов-профессионалов («мастеров») и кодифицирующей деятельности лингвистов-профессионалов,

отражающих в научных исследованиях, а также в различных словарях, справочниках, учебниках, пособиях и т. п. результаты объективных и беспристрастных наблюдений и обобщений происходящих в языке изменений. Вопрос лишь в том, кто, что и как отбирает и «выращивает» (культивирует) или кодифицирует. Но это предмет отдельного разговора.

2010

Использованная литература

Авилова Н. С. Пасть — падать — упадать // Рус. речь. 1975. № 6. С. 61–64.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики: краткий очерк. М.: Просвещение, 1966.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Бархударов Л. С. Русско-английские языковые параллели // Рус. язык за рубежом. 1972. № 2. С. 66–70.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1979.

Бернштейн С. И. Против идеализма в фонетике // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1952. Т. XI, вып. 6. С. 541–559.

Бичакджян Б. Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // Вопр. языкозн. 1992. № 2. С. 123–134.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Большая советская энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1970.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1988.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977.

Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.

Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. М.: Наука, 1983.

Будагов Р. А. Язык, история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 109–130.

Будилова Е. А. И. М. Сеченов и И. П. Павлов в борьбе за материализм / под ред. Н. А. Усиевича. М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1954.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976.

Бэндлер, Ричард, Гриндер, Джон. Из лягушек — в принцы: начальный курс нейролингвистического программирования. СПб.: Ин-т общегуманитар. исслед., 1992. (Нейролингвистическое программирование).

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996.

Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избр. труды / отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. М.: Наука, 1976.

Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи // Рус. речь. 1967. № 3. С. 10–14.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук СССР, 1956.

Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семантическими системами // Вопр. языкозн. 1988. № 3. С. 5–9.

Гершензон С. М. Молекулярная биология и теория эволюции: методологический аспект проблемы // Философия и теория эволюции / отв. ред. А. Я. Ильин. М.: Наука, 1974. С. 72–89.

Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопр. языкозн. 1976. № 3. С. 21–34.

Горбачевич К. С. Русский язык: прошлое, настоящее, будущее: кн. для внеклас. чтения. М.: Просвещение, 1984.

Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности: психолингв. основы искусств. интеллекта. Таллинн: Валгус, 1987.

Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Денисов П. Н. Проблема значения слова в связи с моделированием языка // Проблема значения в лингвистике и логике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 40–43.

Дмитриев П. А., Мокиенко В. М., Сафронов Г. И. Основоположники марксизма-ленинизма и славянское языкознание: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

Дубров А. П., Пушкин В. М. Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко, 1989.

Жантиев Р. Д. Биоакустика насекомых. М.: Изд-во моск. ун-та, 1981.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999.

Залевская А. А. Проблемы психолингвистики. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1983.

Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. М.: Высш. школа, 1974.

Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 5–26.

Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. I. М.: Просвещение, 1964; ч. II. 1965.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Ильин В. В. Теория познания: введение, общие проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

Ильин В. В. Теория познания: эпистемология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Исследования речевого мышления в психолингвистике / под ред. Е. Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985.

Каганов В. М. И. М. Сеченов // Сеченов И. М. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1958. С. 3–66.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980.

Касевич В. Б. Буддизм: картина мира, язык. СПб.: Петерб. востоковед., 1996.

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.

Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 604–606.

Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983.

Клименко А. П. Третий тип словесных ассоциаций и виды семантической связи между словами в системе // Романское и германское языкознание. Вып. 5. Минск: Вышэйш. школа, 1975. С. 42–58.

Колесов В. В. Динамика структуры современного русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.

Колесов В. В. Жизнь происходит от слова… СПб.: Златоуст, 1999.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М.: Высш. школа, 1980.

Колесов В. В. Русская речь: вчера, сегодня, завтра. СПб.: Юна, 1998.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.

Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. востоковед., 2004.

Колшанский Г. В. О правомерности разграничения языка и речи // Иностр. языки в высш. школе. 1964. Вып. 3. С. 187–208.

Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов: с пер., этимол. и толкованием. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Константинов А. И., Мовчан В. Н. Звуки в жизни зверей, Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л.: Наука, 1975.

Краткий словарь по философии / под общ ред. И. В. Блумберга, И. К. Пантина. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982.

Краткий словарь современных понятий и терминов. 2-е изд. М.: Республика, 1995.

Критика первой четверти XIX века. М.: АСТ, 2002.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка; учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1989.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1969.

Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.

Леонтьев А. А. Психолингвистика. Л.: Наука, 1967.

Леонтьев А. А. Психолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 404–405.

Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М.: Наука, 1965.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. М.: Политиздат, 1975; 2-е изд. 1977.

Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ / отв. ред. Ю. Н. Марчук. М.: Наука, 1989.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

Линден, Юджин. Обезьяны, человек и язык / пер. с англ. Е. П. Крюковой; под ред. Е. Н. Панова. М.: Мир, 1981.

Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 422–423.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.

Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филол. науки. 1989а. № 3. С. 39–45.

Мартинович Г. А. К проблеме методологии лингвистики // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1991. Вып. 2. С 49–55.

Мартинович Г. А. К проблеме онтологии языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1989б. Вып. 3. С. 54–60.

Мартинович Г. А. К проблеме эволюции языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1992а. Вып. 2. С. 22–31.

Мартинович Г. А. Лингвистические этюды. СПб.: Образование, 1992б.

Мартинович Г. А., Братусь И. Б. Опыт типологического анализа семантических систем // Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии: межвуз. сб. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С. 166–170.

Мартинович Г. А. Семантическая структура глагола *пасть* в современном русском национальном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Мартинович Г. А. Текст и эксперимент. СПб., 1993.

Мартинович Г. А. Текст и эксперимент: исслед. коммуникатив.-темат. поля в рус. языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.

Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопр. психол. 1990. № 2. С. 143–146.

Мартинович Г. А. Ф. Де Соссюр и отечественная психолингвистика // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 2000. Вып. 1. С. 49–54.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл ⇔ текст». М.: Наука, 1974.

Методические указания к факультативному курсу «Русское слово как предмет языкознания». М.: Просвещение, 1972.

Миллер Е. Н. К определению языка // Вопр. языкозн. 1987. № 3. С. 33–45.

Моль А. Социодинамика культуры: пер. с фр. М.: Прогресс, 1973.

Мостовая А. Н. Лексическое значение и языковая интуиция // Язык и когнитивная деятельность / отв. ред. Р. М. Фрумкина. М.: АН СССР, Ин-т языкозн., 1989. С. 52–58.

Наука и альтернативные формы знания: межвуз. сб. / под ред. Б. В. Маркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995.

Нечипоренко В. Ф. Проблемы лингвобиологии: биологические и психические аспекты мышления и речи. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1982а.

Нечипоренко В. Ф. Социальность — знаковость в мышлении и речи: на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1982б.

Новикова Н. С. Ассоциативный эксперимент как метод изучения семантических связей и отношений в лексике // Вопросы семантики: межвуз. сб. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1983.

Общее языкознание: методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1972.

Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.

Овчинникова И. Г. Текстообразующая роль вербальных ассоциативных структур: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1986.

Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983.

Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1974.

Откупщиков Ю. В. О семантическом аспекте этимологического исследования // Вопросы теории и истории языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. С. 202–208.

Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема соотношения синтаксиса и словообразования. М.: Наука, 1985.

Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973.

Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая, Анна. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. С. 5–27.

Панкратов А. Ф. Система гносеологии. М.: Мысль, 1993.

Панов Е. Н. Знаки, символы, языки. 2-е изд. М.: Знание, 1983.

Панфилов В. З. Взаимоотношения языка и мышления. М.: Наука, 1971.

Плотников Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ одной лексической группы: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 1971.

Познание и его возможности: тезисы междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 1994 г., Москва. М.: ИНИОН, 1994.

Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.

Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.: отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988.

Русская литература XIX в.: хрестоматия критич. матер. / сост. М. Г. Зельдович, Л. Я. Лившиц. 4-е изд. М.: Высш. школа, 1975.

Русский семантический словарь: опыт автоматич. построения тезауруса: от понятия к слову / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1982.

Салиев, Азиз. Мышление как система. Фрунзе: Кыргызстан, 1974.

Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 1988.

Сеченов И. М. Избранные произведения / под ред. В. М. Каганова. М.: Учпедгиз, 1958.

Системный анализ процесса мышления / под ред. К. В. Судакова. М.: Медицина, 1989.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. язык, 1988.

Словарь перестройки / под ред. В. М. Максимова. СПб.: Златоуст, 1992.

Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П–Р. М.: Рус. язык, 1983.

Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1976.

Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975.

Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 564.

Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954.

Современные теории познания: сб. обзоров и рефератов. М.: Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам, 1992.

Соссюр, Фердинанд де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук,1895.

Теория речевой деятельности: проблемы психолингвистики. М.: Наука, 1968.

Тимофеев-Ресовский Н. В. Генетика, эволюция и теория биологии // Кибернетика живого: биология и информатика. М.: Наука, 1984. С. 18–24.

Тихомиров О. К. Психология мышления: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед., 1998.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1971.

Философия и методология науки: учеб. пособие / под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1987.

Фирсов Л. А., Плотников В. Ю. Голосовое поведение антропоидов. Л.: Наука, 1981.

Фриш К. Из жизни пчел / пер. с нем. Т. И. Губиной. М.: Мир, 1980.

Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М. Рос. гос. гуманитар. ун-т: 1995. С. 71–114.

Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопр. языкозн. 1996. № 2. С. 55–67.

Хаксли, Джулиан, Кох, Людвиг. Язык животных: пер. с англ. М.: Мир, 1968.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. язык, 1994.

Шайкевич А. Я. Распространение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностр. языки в высш. школе. 1963. Вып. 2. С. 14–26.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

Шаумян С. К. Проблема фонемы // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1952. Т. 11, вып. 4. С. 324–343.

Шеварев П. А. Обобщенные ассоциации в учебной работе школьников. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.

Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 7–40.

Шмелев Д. Н. Принципы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг.: тип. А. Э. Коллинс, 1915.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз,1957.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Языковая номинация: общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1985.

Bichakjian, Bernard H. Evolution in Language. Ann Arbor: Karoma, 1988.

The Oxford English Dictionary. Vol. 4. F–G. Oxford: Oxford Univ. Press, 1933.

Содержание

Вместо предисловия *(Т. С. Садова)* 3
Вопросы общего языкознания 6
Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления (Вопросы взаимоотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова)..... 6
К проблеме онтологии языка 37
К проблеме эволюции языка 52
К проблеме методологии лингвистики 67
К проблеме гносеологии лингвистики 82
Концептум, концептус и бытовое понятие 101
К проблеме аспектов языковых явлений (в свете учения Л. В. Щербы) 110
Ф. де Соссюр и отечественная психолингвистика 116
Вербальные ассоциации 126
Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле 126
Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента 132
Метро как единица русской ментальности 80–90-х годов XX века 148
Лексические нормы 162
К проблеме становления лексической нормы 162
От Шишкова к Ширяеву 172
Использованная литература 184

Научное издание

Геннадий Ананьевич Мартинович

СТАТЬИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Редактор *И. А. Богданова*
Верстка: *Е. П. Смирнова*

Подписано в печать 24.05.2018. Формат 60x84/16.
Гарнитура CharterITC. Печ. л. 12,25.
Тираж экз. Заказ .